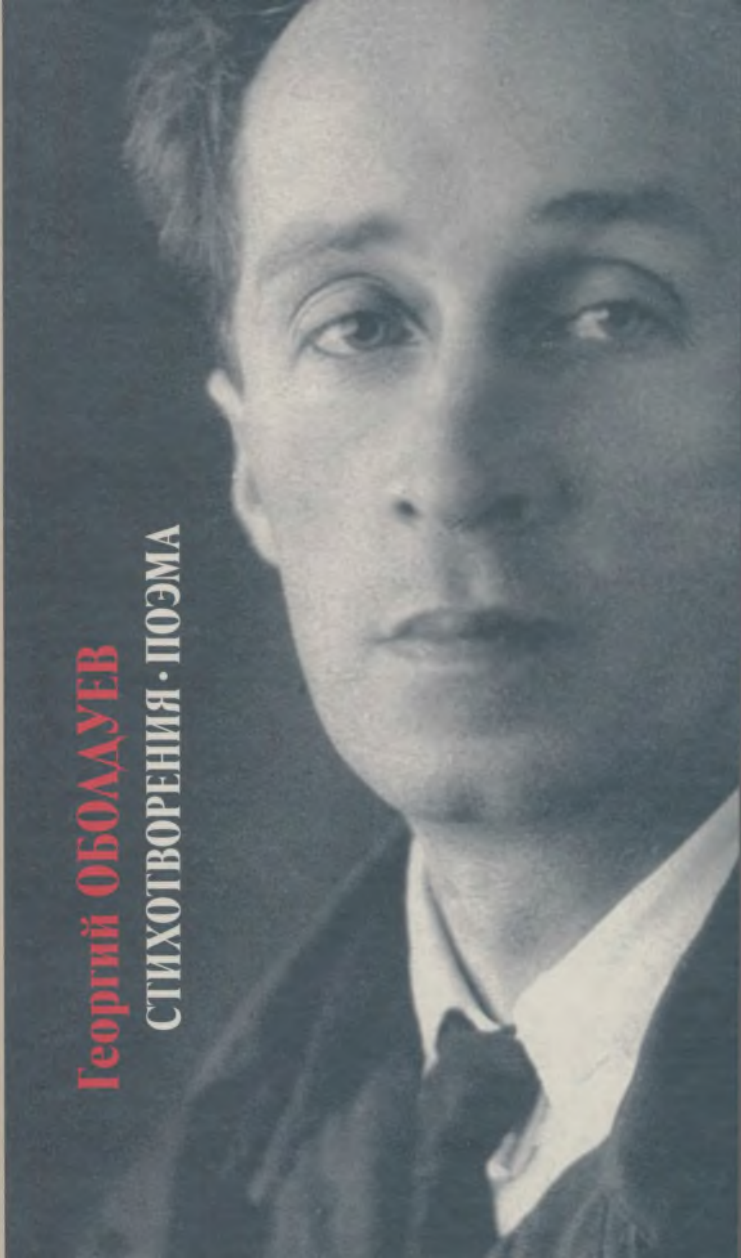

Георгий БОЛДУЕВ
СТИХОТВОРЕНИЯ • ПОЭМА

Георгий БОЛДУЕВ
СТИХОТВОРЕНИЯ • ПОЭМА

Георгий ОБОЛДУЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМА

ББК 84 Р 7

О21

Составление

А. Д. Благинин

Подготовка текста

И. А. Ахметьев

Вступительная статья

Владимир Глоцер

Оформление и макет

А. М. Дмитриев, В. Е. Николаевский, М. Н. Ярышев

*В издательский файл в ноябре 2021 года внесены
исправления опечаток и неточностей
непосредственно в текст.*

© Г. Н. Оболдуев, наследники, 2005

© А. Д. Благинин. Составление. Примечания, 2005

© В. И. Глоцер. Вступительная статья, 2005

© И. А. Ахметьев. Примечания, 2005

ISBN 5-98181-022-X

© ООО «Виртуальная галерея». Оформление, 2005

ПОЭТ ГЕОРГИЙ ОБОЛДУЕВ

В советскую эпоху, которая просуществовала, можно сказать, средний мужской век – семьдесят лет, были две категории авторов, пишущих стихи ли, прозу. Авторы, которые принадлежали к первой категории, свободно проходили шлюзы редакции и цензуры, могли опубликовать всё написанное и получить отклик не только обыкновенных читателей, но и удостоиться печатной критики. Многих из этих авторов в эту эпоху знали в лицо, их имена были на слуху, и они пользовались вниманием большого круга читателей. Это была довольно многочисленная категория авторов, – можно сказать, весь Союз советских писателей.

Но была и другая категория авторов, несравненная с первой по числу в нее входящих, чьи имена знал очень ограниченный круг людей. Эти авторы ничего для взрослых читателей не публиковали, не могли публиковать, заранее зная, как к их сочинениям отнесутся в редакциях. Но, несмотря на это, они продолжали писать, можно сказать, «в стол», без особой надежды увидеть напечатанное при своей жизни. О том, что они что-то пишут, знали, пожалуй, только их друзья и родные, которых лучше назвать слушате-

лями, а не читателями, поскольку чаще всего авторы, которые принадлежали к этой малочисленной категории, даже не давали другим читать свои рукописи, а в лучшем случае сами читали их у себя дома, вслух.

При всей условности деления на эти две категории, можно считать, что первая была известна именно по спискам Союза писателей. А вторая – ни в каких списках не была перечислена и стала по-настоящему известна в постсоветское время, когда вспомнили, что были и авторы, которых власть, советский режим не жаловал, но они оставались верны своему призванию, своему слову и пронесли эту верность через всю свою нелегкую жизнь.

Конечно, это требовало от них своего рода писательского мужества, потому что, не будем лукавить, слово рассчитано на отклик, на то, что оно будет воспринято читателем. А единственное, что еще разрешалось этим авторам, – это что-то писать и печатать для детей, если они, по счастью, обладали и даром детских писателей.

Не стремясь назвать всех, кто входил в эту категорию авторов, но чтобы было понятно, что представляла собой эта категория, я упомяну хотя бы поэтов: Хармс, Введенский, Олейников, Сатуновский, Сапгир, Холин... Их поэтические миры, со всеми оговорками, стали доступны так называемому широкому читателю либо посмертно (Хармс и другие), либо в самые последние годы их жизни (Сапгир и другие).

К этой малочисленной, но по-своему прекрасной категории авторов принадлежал и Георгий Оболдуев.

При имени Оболдуева я всегда вспоминаю стихи поэтессы Елены Благиной, его второй жены, из ее

сборника «Окна в сад», написанные в пору забвения поэтического наследия Оболдуева.

Я вам прочту стихи, которых нет,
Которых даже не было в помине,
Которые не думают о славе,
И ничего не знают о наследстве,
Оставленном поэтами земле.

Они растут травой, и стынут камнем,
И зреют хлебом, и текут водой,
И просто так живут со мною рядом,
Как горные чабанские собаки,
Бегущие за стадом дней вослед...
Я вам прочту стихи, которых нет.

Георгий Николаевич Оболдуев родился в Москве 6 мая (19 мая по нов. ст.) 1898 года в дворянской семье среднего достатка. Отец его был предводителем дворянства в Ковровском уезде, Владимирской губернии, и семье принадлежало небольшое родовое имение Дорки (неподалеку от Шуи). (Оболдуевы – старинная русская фамилия; если не забыли, упоминаемая в «Кому на Руси жить хорошо».) Родители Оболдуева, Николай Платонович и Мария Константиновна, умерли, когда мальчику было десять—одиннадцать лет: в 1908 году – отец, в 1909-м – мать, оставив его с сестрой Юлией, которая была старше на год, сиротами. Детей воспитывала сестра отца Ольга Платоновна Янушко; однако она скоро умерла, и дети оказались на попечении ее дочери, Людмилы Иосифовны Янушко.

В 1916 году Оболдуев окончил 7-ю московскую гимназию в память императора Александра III

на Страстной площади (среди преподавателей древних языков – знаменитый античник С.И.Радциг) и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Проучился 3 курса, и пришлось идти на Гражданскую войну. Он попал в 19-й тяжелый артиллерийский дивизион, откуда в 1922 году был уволен в запас. Позднее в анкетах Оболдуев указывал: «С 1918 по 1922 г. в Культурно-Просветительных Отделах в тылу и на фронте». И к ответу о службе в Красной Армии в той же анкете чьей-то рукой сделано добавление: «в передвижной труппе на фронте».

К концу армейской службы он был уже женат на Нине Фалалеевне Толстиковой (в браке Оболдуевой), и у него подрастала дочь, Василиса.

Осенью 1921 года Оболдуев поступил на III курс Высшего литературно-художественного института имени В.Я.Брюсова, который заканчивал в 1924 году, но без защиты диплома.

Многие годы, еще с дореволюционных лет Оболдуев серьезно занимался музыкой. В 1917 году он окончил музыкальную школу имени Визлер. В молодости брал уроки у известной пианистки Е.Бекман-Щербины. И будучи студентом, участвовал как пианист в вечерних концертах, так что на вопрос анкеты об основной профессии или занятии отвечал: «Студент Московского Университета и пианист». И уже учась в Высшем литературно-художественном институте имени В.Брюсова, дал такое объяснение, почему часто пропускает занятия: «Причиной непосещения мной Института являются вечерние концерты, в которых я участвую как пианист».

Стихи, по собственному признанию, Оболдуев писал «с 14–15 лет», они не сохранились. Но обраще-

ние к поэзии в детстве не было случайным. Георгий Оболдуев стремился получить именно литературное, филологическое образование. Он владел несколькими европейскими языками. И в университете занимался в семинаре П.Н.Сакулина.

По выходе из Брюсовского Института Оболдуев начал служить в издательствах: в ГИЗе, в Партиздате, в Профиздате... Причем, не всегда это была работа литературного редактора, но также и технического редактора, заведующего оформительским отделом, корректора и так далее.

В «Кратких заметках о жизни Г.Н.Оболдуева», набросанных в октябре 1966 года, Елена Александровна Благинина писала: «Несмотря на то, что времени свободного оставалось очень мало, поэт много работает над стихами в манере весьма своеобразной. К 1934-му году им создано несколько циклов <...>. Но напечатанными своих стихов Г.Н. не видел, если не считать двадцатистишия <...> в журнале “Новый Мир”. Причин тому много: гордость и застенчивость, с одной стороны, и необычный, острый, эпатирующий эстетские вкусы тон стихов, с другой» (архив автора статьи).

Е.Благинина имела в виду единственное опубликованное при жизни Георгия Оболдуева стихотворение «Скачет босой жеребец...» («Новый мир», 1929, № 5).

Скачет босой жеребец.
Тащит мальчонка хомут.
Девочка гонит овец.
Встречные ветры поют.
Нежен вечерний простор
Голых весенних полей.

Неба кисейный узор
Льется по коже моей.
Я – городской завсегдатай –
Еду землей конопатой,
В дряблой телеге трясусь,
Пыли гутирую вкус.

Волей белья и еды
Ближе мне улиц ряды:
Обыкновенный уют,
Где ундервуды поют.
Ближе мне служащих бег;
Нежной бездельницы кольца;
Быстрые двери аптек;
Крепкая рысь комсомольца;
Нервных трамваев возня;
И сам я день ото дня.

Все же поэтика, как видим, здесь вполне традиционная, если не приметить отдельных строк, вроде: «Пыли гутирую вкус» или «Нервных трамваев возня»...

Однако, хотя в 1920-е годы Оболдуев не печатался, он не чурался литературной среды, посещал, в частности, «Никитинские субботники». Среди его друзей были поэт, стиховед и литературный критик И.А.Аксенов, поэт, стиховед и прозаик С.П.Бобров, поэт Иван Пулькин, поэт Кирилл Андреев, поэт и стиховед А.Квятковский и другие. Примыкая к Литературному центру конструктивистов (ЛЦК), он в начале 1929 года вместе с тем же примерно кругом лиц (Аксенов, Андреев, Пулькин, Я.Фрид) подписал декларацию Союза приблизительно равных.

Человек острый и нелицеприятный, Оболдуев не скрывал своих взглядов. В письме к неустановленно-

му лицу по имени Владимир Васильевич он писал (1-го октября 1926 года):

«...есть критики, считающие поэта рупором главенствующей партии <...>. Есть среди них умные, могущие и хотящие уяснить себе хотя бы такое явление, как поэт; не очень умные, идущие вслед за первыми и пересказывающие на свой лад их слова; и просто глупые, годные на довольно точное исполнение всякого рода приказаний. Но бывает, что к этой группе критиков причислит себя говорливый человек безответственного поведения и, прикрываясь ярлыком якобы понятой им идеологии современности, несет беспрепятственно наивный вздор, вызванный чаще всего хотениями его левой ноги. <...>

Вчера у Вас некий люмпен-марксист на ницшеанской подкладке позволил себе утрировать свою принадлежность к неприятнейшей разновидности вышеуказанной quasi критики. Считая, что общего языка с такого рода “критиками” ни у одного из уважающих себя литературных деятелей быть не может, я принужден или взять обратно свое обещание бывать у Вас на литературных собраниях, или просить Вас персонально воздействовать на такого рода критиков, выяснив им неуместность и в корне неверную прицелку их жандармского поведения».

Такой тип гражданина, такая личность не могла остаться незамеченной для бдительных властей, пронизавших общество осведомителями, доносчиками, выискивающими тех, «кто сегодня поет не с нами».

В самом конце 1933 года, 27 декабря, Оболдуев был арестован и обвинен по статье 58¹⁰ УК РСФСР («агитация и пропаганда... призыв к свержению советского строя...»). В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения от

10 января 1934 года сказано, что «Оболдуев Георгий Николаевич <...> вел антисоветскую пропаганду и нелегально распространял контр-революционные литературные произведения». Формальным поводом для ареста будто бы послужило то, что Оболдуев публично читал и передавал другим стихи Марины Цветаевой. В протоколе допроса 9 января 1934 года это подано так:

«Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в нелегальном распространении контр-революционного произведения белоэмигрантки М.Цветаевой: “В.В.Маяковскому”?

Ответ: Да, я признаю себя виновным в нелегальном распространении названного контр-революционного произведения М.Цветаевой».

На следующих допросах Оболдуев вменялось в вину сочинение «контр-революционных произведений»: «Ростов на Дому» («сатирического характера записи о литературе и литераторах», как сказано в протоколе от 28 января 1934 года), «поэмы в цитатах» «Мысли до ветру», частушек «Тот, от которого» и проч.

5 марта 1934 года Георгий Оболдуев был осужден Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ и приговорен к высылке в Карелию на три года. Местом ссылки был определен город Медвежья Гора. Туда Оболдуев добирался без конвоя своим путем. Он даже успел перед дорогой, обросший, с бородой, забежать в Александро-Невский переулок и повидать Елену Благинину.

В ссылке Оболдуев был концертмейстером и заведующим литературной частью театра, в котором играли ссыльные, среди них были и очень хорошие профессиональные артисты (драматические актеры Вацлав Дворжецкий, Иван Русинов, конферансье Алек-

сей Алексеев, оперный певец Георгий Тартаковский...), работавшие до ареста в Москве и Ленинграде. Они ставили спектакли «“Онегин” дыбом», «“Женитьба” почти по Гоголю» и другие и разъезжали с ними по стройкам Беломорканала. В ссылку к Георгию Николаевичу приезжали сначала первая жена и дочь, потом только дочь, не раз приезжала Е.А.Благинина.

Человек по натуре едкий, язвительный, Оболдуев, видимо, обладал вместе с тем особым обаянием. Е.Благинина вспоминала:

«Дверь отворилась – вошел Георгий. В его манерах всегда было что-то старомодно-пленительное. Изящно (и немного потешно) изгибаясь, он поцеловал руки женщинам и, непрерывно болтая уморительную чепуху, в которой никогда, на моей памяти, никто его не превосходил, тотчас сделался центром внимания. Все любили его болтовню. Это было не настырное балаболенье, не жалкое ситро прирожденного остряка, а искрящееся шампанское настоящего остролова, словотворца и поэта» («Воспоминания о жизни с Г.Н.Оболдуевым», 1957–1961).

Другая современница Оболдуева, поэтесса и одно время его ученица по музыке Ольга Мочалова, знавшая его, по-видимому с 20-х годов, вспоминала:

«Он никогда не говорил о своем дворянстве, но я ощущала в нем черту дворянской чести: он никогда не лгал, даже из любезности. Правдивость его была неподкупна. С этой чертой связывался и его художественный вкус, искавший всегда смелой и точной определительности. <...> Критиком он был решительным, бил с плеча, так как искусством не шутил. О ненависти к выпренной отвлеченности и разговаривать не приходилось» (О.Мочалова. «Голоса Серебряного века», 2004).

По возвращении из административной высылки Оболдуев не имел права жить в Москве (и еще в 13 городах). Он жил, как многие, вернувшиеся из зланных мест, за 101-м километром от Москвы (в Малоярославце). «Эти годы, – свидетельствовала Е.Благинина, – с 1939-го и до войны полны мытарств, поисков работы, незащитности и неустройства» («Краткие заметы...»).

В своих «Воспоминаниях о жизни с Г.Н.Оболдуевым» Е.Благинина еще конкретизирует обстоятельство тех лет.

«Письма его той поры – зимы 38–39 годов, – пишет она, – были полны одним: “Мне так хочется работать, а ведь какие б я ни писал расколдованные стихи, это ж пока впустую. Так бы надо было сейчас хоть ерундовый заказ откуда не-то”.

“Завидую тебе с твоим дивным хохлом” (это он о Шевченко). (Е.Благинина переводила Шевченко. – *В.Г.*)

“Знаешь, я бы с удовольствием пошел в дворники, я же здоровый, как свинья. Как ты думаешь, возьмут?”

Но работы, – продолжает Благинина, – не было, то есть ее не давали. Он пробовал делать кое-что самотеком, но даже талантливые инсценировки, переводы и прочее не шли, ибо автора боялись – неблагонадежен! Меж тем мужское его достоинство и самолюбие страдало, и он часто писал об этом».

Но и в эту пору и после войны он имел литературных друзей, среди них – Сергей Бобров и его жена, переводчица Мария Богословская, детский писатель и переводчик Михаил Гершензон (погиб на фронте), прозаик Степан Злобин, поэт и переводчик Аркадий Штейнберг, переводчик Владимир Бугаевский, поэт и переводчик Арсений Тарковский.

В 1943 году Оболдуева мобилизовали и отправили на фронт. С мая 1943-го по август 1944-го он воевал разведчиком в 336-м разведывательном противотанковом дивизионе. Когда в августе 1944 года дивизион переформировали, Оболдуев попал в запасный полк. На фронте он был контужен, и последствием контузии оказалась тяжелая форма гипертонии.

После демобилизации в 1945-м его жизнь не стала легче. Оригинальные стихи по-прежнему не печатали. Хлопотами друзей (в частности, Сергея Боброва) и жены Оболдуеву давали переводы с языков народов СССР и с иностранных языков. Он переводил стихи Г.Абашидзе (сборник «Знамена». М., 1946), И.Мосашвили (сборник «Стихи». М., 1947), Г.Эмина (сборник «Стихи». М., 1947), А.Кекилова (сборник «Любовь». М., 1948), переводил с белорусского, литовского и других языков. Перевел также поэму «Гражина» и несколько стихотворений А.Мицкевича (1948), «Всеобщую песнь Чили» из «Всеобщей песни» П.Неруды (1952).

Е.Благинина привлекла его к работе на детском радио, и Оболдуев сочинял тексты для серийной передачи «Тритуттик». Писал романсы на музыку Н.Ракова, либретто оперы «Василиса Прекрасная» и музыкальной комедии Г.Доницетти «Свадьба при фонарях» (русский текст).

Однако все это была видимая сторона его жизни. Главным же оставались собственные стихи, которые Оболдуев писал непрерывно и которые, вместе с тем, нигде не публиковались.

Еще до ссылки он создал несколько стихотворных циклов: «Людское обозренье», «Поэтическое обозренье», «Живописное обозрение», «Устойчивое неравновесье» и другие. Эти циклы держатся на не подда-

ющейся связному изложению цепи неожиданных картин, ассоциаций, сцен, пейзажей и тому подобном, увиденных глазами поэта. Так, в «Людском обозрении» (1930), обращаясь к «Милейшим людям, /Дорогим моим товарищам /По жизни и смерти», Оболдуев рисует одну за другой картины, именуя их даже не главами, а параграфами. В этих параграфах автор описывает всё, что попадает в поле его зрения или чего коснется его мысль. Скажем, вот § 28:

Хлев наш насущный!
Начинаясь «а», «б»,
Азбука горожан
Продолжается абортами, презервативами,
Тэбэцами, холуэсами, раз-два-трипперами,
Импотентами, лезбабами, педераками, –
Чтоб кончиться законным наследством
Преждевременной смерти.

Оболдуев мало озабочен «побрякушками поэзии», он насмешлив, саркастичен, гневен, будто кричит: смотрите, люди, какие вы есть на самом деле, а не какими хотите казаться! И при этом его строка лишена любых поэтических изысков, язык тяготеет к обычной разговорной речи. Но вдруг, будто для того лишь, чтобы доказать, что и он не чужд мило-поэтического взгляда, заговорит в традиционном стиле:

Что качаешь, цветик,
Бледной головой:
Ведь на этом свете
Мы живем с тобой.

(§ 11)

И вовсе не странно, что, при всей разрозненности и разноликости параграфов, они, как камушки в мозаике, складываются в представительную поэтическую картину жизни, нравов, отношений, – это действительно «людское обозренье».

Стиль его подчеркнуто эпатажен, он способен расшевелить не только равнодушного читателя, но и обострить слух неравнодушного: «Радуйтесь, хоть и не долго вам жить...», он призывает «Внюхаться по сон, /Вглядеться по аберрацию... /Вжить-ся по уши».

В «Живописном обозрении» (1927) перед нами предстает такой «Живой разлив /Почек, листьев, лепестков, /Веток, цветиков, злаков, /Трав, корней и былиннок», что глаза разбегаются от пышных метафорических красок. Поэт поистине неистощим на их перечисление, вереница сравнений-описаний в какой-то миг кажется уже избыточной и бесконечной.

Но поэт держит читательское внимание и в самом длинном повествовании-обозрении. Создаваемая им картина зыблется, трепещет, переливается красками. Не случайно же «Живописное обозрение» Оболдуев включает в свое избранное «Устойчивое неравновесие. Внутри, вокруг и около», – это как бы формула его наблюдений, взгляда на действительность, на жизнь. При всей определенности своих воззрений поэт не преподносит их как истину в последней инстанции. Смотрите и делайте выводы, – вот это он и говорит читателю.

Оболдуев отчетливо ощущает себя свидетелем своей эпохи, своего времени. И совершенно чужд заблуждений, которым подвержены многие и многие его соотечественники.

Я не томился, не страдал,
Не лез ни в Ленины, ни в Лессинги:
Зато вот – и не умирал,
Как некоторые ровесники.

(«Для детей», 1933)

Нет у него, разумеется, и заблуждения по поводу исповедуемого в его время «догмата»:

Живые люди вряд ли дрогнут
(Дрожать – ни небесам, ни землям!),
Когда прокиснет вялый догмат,
Который нынче столь приемлем,
Которым нынче (эка подлость!)
В глаза и мысли нагло тычет
Тот, для кого любая область
Из самого себя навычет.

(«Для детей», 1934)

Можно сказать, что Георгий Оболдуев был гражданственен не по признанию, поскольку не печатался, а по призванию, по глубокому внутреннему чувству. Не имея выхода к читателю, к слову печатному, он исполнен подлинно гражданского сознания и трезвости в оценке Времени. Никаких шор, никакого тумана. Поэт видит всё, как есть, без принятых идеологических прикрас и готов взвалить на себя всю людскую боль.

И, как в серебряные блюда
Под бегом яблок наливных,
Чужие жизни перельются
В мой жадный и горячий стих.

Имей я волю чародея,
Я б на себя весь мир навёл:
Пусть насекают, не жалея,
Моей души могучий ствол.

(«Насечки», 1947)

Не многие лирические дарования советского периода могли поэтически объять, осмыслить время, не запутаться в нем, как в трех соснах, а преломить его в себе, в своей поэзии – с той степенью жесткости и открытости, которая не позволяет говорить о близорукости – скажем так – поэта. Одним из этих немногих, если не единственным бескомпромиссным, был Оболдуев.

Насколько хорошо поэт сознавал, в каком капкане оказалась вся страна и все люди, видно даже из одного двустихия, явно собственного сочинения, поставленного эпиграфом к «Мыслям до ветру» (1932):

Граждáне и гражданки,
Вагон идёт до Лубянки.

На волне этой гражданственной лирики особенно пронзительно звучат лирические, а точнее сказать – любовные стихи Оболдуева, в которых поэт достигает редкой красоты и высоты душевных движений. Такие строчки запоминаются как афоризмы:

Жизнь хороша не от того,
Чего имеешь очень много,
А чаще лишь от одного,
В чём вся любовь и вся тревога.

(«Окно», 1947)

Выражение нежности поэт подчас скрашивает шуткой, но она делает его признания еще человечнее.

Неоднократно в стихах Оболдуева возникает музыкальная тема. Он великолепно разбирался в музыке, жил ею, и его стихи пестрят музыкальными терминами: контрапункт, ля-минор, fuga, терции, квинты, оратория, кантата, мазурка, «бас октавный», серенада, дуэт, кода и т.п. То и дело мелькают имена композиторов: Гайдна, Хиндемита, Чайковского, Прокофьева, Шопена, Грига, Венявского... не говоря уже о стихах, целиком посвященных музыке или сочиненных под ее впечатлением, вроде «Музыкального обозрения» (1929), «Концерта» (1924), «Девочкам, играющим на фортепьяно» (1947) и других.

Первые (пока первые) комментаторы его поэзии расслышали в ней и Хлебникова, и Маяковского, и Мандельштама, и даже обэриутов. Но это, конечно, всё в сплаве, в его поэтической магме, потому что больше всего в стихах Оболдуева – ...Оболдуева.

Его голос – голос непокоренной, несломленной поэзии. А сам Оболдуев – истинный поэт, свидетель своего времени, поскольку жил без пострафленья ему, и уже тем заслужил наше сегодняшнее внимание.

В 1941–1952 годах Оболдуев писал большую поэму «Я видел», включающую десять песен (со многими лирическими отступлениями), повествующих о жизни небогатой дворянской семьи с начала XX века до примерно 1918 года. Двенадцатистрочная ямбическая строфа, вполне законченная в своих пределах, легко и свободно двигала эту почти восьмидесятистрочную поэму. Оболдуев пытался по завершении опубликовать ее, но она везде была отвергнута. Сохранился отзыв (сентябрь 1952 года) на этот огромный поэтический труд, присланный из редакции

«Знамени». Его сопроводил своим письмом тогдашний заместитель главного редактора А.Макаров: «Мы не сможем использовать в журнале Вашу поэму “Я видел”. Возвращаем ее Вам с подробным отзывом нашего рецензента, поэта Г.Горностаева» (архив автора статьи). Означенный рецензент резюмировал: «Автору не удалось по-настоящему отобразить события <...> создать произведение, понятное и нужное советскому читателю в наши дни <...>. Поэтому не может быть и речи об опубликовании этого произведения» (архив автора статьи).

И в 20-е, и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы Оболдуеву ничего не оставалось как писать «в стол» и делать самодельные рукописные сборники своих стихов, которые он раздаривал своим друзьям. Прижизненного признания в печати поэт не дождался.

Последние два года Оболдуев почти безвыездно жил в Голицыне, под Москвой, где Е.А.Благинина приобрела половину дачного дома.

Полученная на фронте контузия свела Оболдуева в могилу. Ему было отпущено даже меньше, чем средний мужской век, – всего пятьдесят шесть лет. Он умер в Голицыне 27 августа 1954 года, и урна с его прахом захоронена на тамошнем кладбище. Среди тех, кто в Голицыне провожал его прах в последний путь, была и Анна Ахматова.

Только после смерти Оболдуева стараниями его вдовы, поэтессы Елены Благининой, его стихи стали появляться в газетах, в «Днях поэзии» и других сборниках. А первая его книга вышла не на родине, а в Германии, в Мюнхене, в 1979 году. Составил ее наш соотечественник Геннадий Айги, выступивший под псевдонимом А.Н.Терезин, и автор этих строк сколько мог тоже участвовал в подготовке мюнхенского издания.

Настоящий том – безусловно самое полное из всех собраний поэзии Георгия Оболдуева, появившихся до сих пор. В нем впервые публикуются многие и многие стихотворения поэта из его рукописных тетрадей (особенно стихи 1920-х и 1930-х годов). И вообще впервые полностью печатается поэма Оболдуева «Я видел».

Как и предполагалось, поэт Георгий Оболдуев приходит к своим читателям-потомкам, чтобы занять наконец заслуженное место в русской поэзии XX века.

Владимир Глоцер

**Внутри,
УСТОЙЧИВОЕ
вокруг
НЕРАВНОВЕСЬЕ
И ОКОЛО**

1927 - 1950

*Всякая мысль подло, какъ змя, по земли ползётъ;
но есть въ ней око голубицы, взирающее выше
потопных водъ на прекрасную ипостась истины.*

Г. С. Сковорода

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

*«Оратор – вслух,
прозаик – шопотом,
поэт – про себя».*

ДЛЯ ДЕТЕЙ (In usum delphini)

1

Я осторожно вёл стихи
Среди подводных скал людей.
Меня прощали, как грехи
Своих развинченных затей.

Мной не клялись, но знали час
Невольных современных снов,
Когда и эта мной клялась,
И та жила, чем я здоров.

Моих невидимых костей
В объятьях энергичных мяс
Не трогал эклектизм детей,
Которым грамота далась.

Я – не отпетый алфавит
Укладывал в огонь и лёд:
Так что, коль время подождёт,
Твой правнук мной заговорит.

А ты, заткнувший гнев и стыд
За пазуху своих невзгод,
Будешь иметь неважный вид,
Хоть нынче он тебе идёт.

Довольно хитрости и лжи,
Довольно правил и доброт.
Ты не жил, но зато я жил:
И жизнь от жизни заживёт.

2

Одушевлять на кой нам
Такую красоту,
Которая покойна
На белом паспарту.

Ни жизнью обрамить,
Ни смертью стереть:
Как в собственную память,
Смотреть на неё да смотреть.

Она дана не небом:
И очень хорошо!

Мы сыты чёрным хлебом
Под возгласы «ишшо!»;
Мы знаем цену страсти
Без всяких конъюнктур;
Мы счастливы отчасти
Нищетой своих конур.

Красот вокруг немного,
Но тем они ценней,
Живые, как берлога
Окрестности моей.

Нам иноходь такая
Набёт пустой заком,
Но, ей не потакая,
Живём обиняком.

Спаяны свежо и тесно
Жизни выжитой слою:
Как прелестно, как прелестно
Жить на свете в дни свои.

3

Я не томился, не страдал,
Не лез ни в Ленины, ни в Лессинги:
Зато вот – и не умирал,
Как некоторые ровесники.

Слова и звуки, что цветы,
В стихах и музыках нарваны:
Эту смертельность красоты
Растопчут варвары,
Которые – грубы
В своём трогательном невежестве –
Думают, что весь вес судьбы
В быструбитой свежести.

Не узнать им, что есть за ней
Неуничтожимое качество,
Какое своре дикарей –
Ни выдумать, ни выдрать начисто.

4

Шелестит колючий лес
На пустые облака.

Вытекает из небес
Тёмно-серая река.

Я запомнил, как сумел,
Медленный пейзаж,
Разложивший под прицел
Ветра дрожь, влаги блажь.

Штатский, как всеобщий мир,
Как разреза́тельный нож,
Человек – отменно хорош,
Любопытен, мил –
Видит лодку: длинный шов
Распускается за ней;
Видит небо: звёздный ковш,
Нас громадней и вечней,
Запрокинут и отвисл,
Удивителен и дряхл,
Стережёт какой-то смысл,
Точно он здесь застрял.

5

Ржал в траве кузнечик
Медленно и знойно.
Несколько овечек
Шло благопристойно.

Люди – жолты, босы –
Ворошили сено,
Отбивали косы,
Преклонив колена.

Те тёплые толпы
Облекла кончина:

С ними холод тёплый
Делит их скотина.

Конь, корова, жучка,
Плуги, сохи, косы –
Как бойко, так жутко* –
Распластали кости.

Ржёт в поле кузнечик,
Прёт по полю стадо,
Каждый человечек
Делает, что надо.

У одного книга,
У других газета:
Посильное иго
Темноты и света.

Ветрик насекомых!
Ветрище аварий!
Ветерок черёмух!
Ветер гор и далей!

*Как скоро, так сейчас

6
Город взвален долгим вечером
На плечи людских бессонниц.

Ночь дрожит стеклянным черепом.

Я бегу, как незнакомец,
Мимо собственной комедии.

Благодушной, чем мерзавец,
Распускается столетие;
На дрожжах своих красавиц
Разбухая всё проклятое,
Прибедняются по-вдовьи:
Диктатура, демократия,
Мистика, средневековье,
Провокация, двуличие,
Малодушие, шпионство...

Каннибальские обычаи
Нынче вынужден я конста...

7

Высокий мир наук
Не бешенством постигнут:
Не в мановеньи рук
Закоренелый стигмат.

Велосипедный сон
Того, что довелось нам
Перенести, несём
В своём дыханьи постном.

То выплеснем сплеча,
То лоснимся от сала...
И жизнь – то горяча,
То хладна – проблестала.

А нам-то что? Мы – де...
По́ миру колесим, мол,
Как в радости, в беде
Угадывая символ.

И то не грех, хотя,
Коль рассудить по сути,
В суть мира молотя,
Вздыхаем об уюте,
Невежественно, но
Упорно, лясы точим,
Долбя всю жизнь одно:
Де – ничего не хотим.

8

Не поповская начинка
Про меня насочиняла.
Чисто бабочки личинка
В недрах школьного пенала
Выводился незаметно,
Под зиянья грубых глоток,
Ни газетой, ни сонетом
Не обременённый. Что так
Мой невежливый, смертельный,
Обязательный рассудок
Хладнокровно пучит бельма
На пукетик незабудок?
Что так невольно и странно
Озабочено сознание,
Точно младенец по странам
Не прогуливался с няней?
Что так нерациональна,
Велика мне моя юность,
Как в накидку, вроде – тальма?

Думал, сдохну, не просунусь.
Ан нет! С любопытством вдвинут
В щель пенала грязный ноготь
И на свет внезапно вынут

Я – с запрещением трогать, –
Потому что щуп и гогот
Шкуру куколки увечат.

Труд – приличен и нелёгок;
Мне ж – равны и чёт, и нёчет.

9

Петухи ревут. Ничего подобного:
Пароход. Петухи. Не спорь:
Просто по тембру подогнано
То, над чем живут стихи.
Белая ночь – непромокаемый
Плащ: звёзды не моросят.
Выползает на́ берег каменный
Стадо маленьких поросят.
Небо, точно снятое, выпито.
За мое здоровье? Ну, за твоё.
От этого распада, утери, выпада
С земли всё на цыпочки привстаёт.
А озеро красивое? Да не то́, чтобы..
Оно лежит в ответ небесам
Без фальши, акцента, по́шиба.
Да разве я об нем не писал?
Вот оно. И оно единственно.
Будто утешенье тишины.
Будто баланс той истины,
Которой мы лишены.

10

Живые люди вряд ли дрогнут
(Дрожать – ни небесам, ни землям!)
Когда прокиснет вялый догмат,

Который нынче столь приемлем,
Которым нынче (эка подлость!)
В глаза и мысли нагло тычет
Тот, для кого любая область
Из самого себя навывчет.

Мне-то начхать! Ликуйте, пейте,
Трубя в победные фанфары!
Я – что ж? – смогу сыграть на флейте
За неимением гитары,
Иль спеть, а то смолчать и вовсе,
Чтоб кто-нибудь потом: «при чём он
Без употребления разохся,
Как опрокинутый бочонок»...

Нет. Я твёрдо и безвозмездно,
А также горячо и прямо,
Скажу о том, какая бездна
Мила на вид, как панорама.

Пыл метонимий и синекдох
Охвачен подданным искусством
Не в миг, когда дыханье нё в дых
И мозг неверностью искусан.
Неточность «дважды два – четыре» –
С другого бока, исподлобья.

Лихой пиит, привыкший к лире,
Вдруг видит: лиры нет; оглобля!

Эх, этим длинным инструментом
Огреть бы болтунов по спинам,
А главного (ну, монстр!.. ну, ментор!..)
За дряхлость – лёгкой хворостиной.

11

Ветра горные синкопы
С тупостью контрабасей
Теребят венком икоты
Собственное громогласье.

Кашу маек и футболок
Расхлёбывает прозаик:
Выдержанный идеолог
Вышеизложенных маек.

Взглянешь, будто жребий вынешь
На юру своих позиций:
Дивно шевельнётся финиш
Сна сквозь тапочки и ситцы.

Эй, разинутый писатель
Забияк, тихонь и мошек,
Это сказано касатель-
Но, ну, хоть бы женских ножек.

Это сказано особен-
Но применительно к жизням,
Средь ухабов и колдобин,
Коими в потомках взвизгнем.

Это сказано затем,
Чтоб иметь право
Выбора сквозных тем
В нашей целости дырявой.

1. 1933–1935

ТРЕУГОЛЬНИК

1

Роскошен и лишнь, как палец,
Указывающий слепым,
Жил я под взмахом палиц,
Падающих в меня, как в дым.
Этим древним питаньем поддержан,
Будто жестом цапающей руки,
Я пытался направить в стержень
Бледные щупальцев ростки.
Если удаётся уравновесить
Невзыскательную игру,
Так счастлив я, словно месяц,
Синенький, горлающий: «тпру!»

2

Я расплёскан и пролит
В её милое существованье.
Маленькое чудо, вспотевшее
Упрямым запахом ромашки,
Доверчиво прокладывает взгляд
В мой опротестованный мир.
Лёгкое тело облетает
Невольным лепестком улыбки;
Верные шаги ведут её
К моему проклятому забвенью.
Нет сил мне пыжиться, девочка,
За твоим родимым доверьем;
Я готов зачерпнуть тебя:
Берегись – погибнешь или сдохну.

3

Посеет ловкость кривотолка
Такую скромность нас,
Что она вспомнится, как чолка,
Как рабочий танцкласс.
Испод поварённого быта
Замурованных жертв
Обозначит, что позабыто
Множество милых черт,
Что восторженность узких знаний,
Мыслей, кокетств, чувств –
Только не более чем знамя
Старинной системы «прокруст».
Исход из таких оснований
Всё же не столь велик,
Чтоб я вложенными перстами
Пренебрёг, как мужик.

VI. 1933

ТРИ СТИШКА НЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Н.Н.Я.

1

О, продёргиваю звёзд мнимость
Сквозь существованье, как псы!
Будто жратвой тьмой веков сдвинусь
В медленном взоре на часы.

Хоть трепетного тленья соус
Не очень призрачен во мне,
Признаться, я не беспокоюсь
Стремленьем, свойственным волне.

Не разольюсь: не лью, не вылью.
Вовсе не вылезу в фойе.
Легонько свистну сегидилью
Охрипшей совестью своей.

Но, коль хоть маленький примерик
Об этом, хоть один человек, –
Я буду выброшен на берег
Спокойно и легко, как снег.

2

Зелёные временные составы веток
В меня, как в воду в паводок:
И черпают мой занавешенный опыт
Куда-какие невесёлые лентяи.
Вызванные бранным цветом рассвета,
Ложатся ловкие, точно хитрые, мысли
На немогучие плечи вещичек.

Мне ль не знать радостной ёмкости
За беспредметной цепкостью ассоциаций?
Вот так лианы, вот так ёжики!
Того гляди, пырнут меня секундной
Вечностью своего пребывания.

Ух, как точно и беспредельно!

3

Я подошёл к её глазам,
Отведя собственные:
Серенькие её, замшевые,
Как ливнем прополосканные,
Как воспоминаньем по моей коже,
Точно не было их тут же,
Точно не стало похоже,
Будто взгляд стянут вдвое туже.

В достаточной степени дерзко,
Не без напыщенности,
Наподобье по морде треска,
Что может быть пищей... Но, тссс!..

Никаких пиц! Она глядеть ещё
Отсюда долго должна, как всегда,
Как моё несведущее детище,
Ископаемое и отлежавшееся: – руда.

XII. 1935

КЛИСТИР

Я не знаю теоретических положений,
Ведущих сознание человека
К видению поэзии, –

Где Достоевский
Прерывающимся от волнения лицом
Пытается сохранить отсутствие духа;

Где современность,
Зияя в уши,
Набитые судорожным и сладостным обмираньем
Скрябина,
Характеризуется увесистой безвкусицей;

Где интеллигент (трудовой разумник)
Подразнивает сознание яви (память, сон и мечту)
Каждого человека, как социально опасного пижона.
Вот так прабабушкина клизма
Лихой эпохи романтизма!

XII. 1947

ЛЕПЕТАНЬЕ ЛЕТЫ

*Солнце уходит, как ошастливленный любовник,
оставивший долгий, задумчивый след счастья
на любимом лице.*

И.А.Гончаров

ЛЮБОВЬ

Не красавица: милая женщина ласковым телом
приникла.
Как шепчет доверчиво; морщит носик; ёжится
зябко.
Как вздыхает удовлетворённо, лепестки очей
опуская,
Пальцами худенькими грудь свою давя в изумленье.
Будто не верит, что это она – Лёлька! – а не сон,
а не кажется;
Будто развратницей кто-то сочтёт, а не любимый
целует,
В которм всех цветов дыханье, всем мыслям покой.

1938–1947

* * *

Е.

Шомполом твоей улыбки
Вбит в меня тот миг:
Флагов золотые рыбки,
Волн густой язык.

От твоей отличной шеи
Длился светлый шарф,
Точно бережность Психеи
Мне наобещав.

В превосходную каюту
Драгоценный клад
Не на век, не на минуту:
На неделю взят.

Ветер носится в высотах
Безмятежно, иль
В наших нужностях и потах
Подымает пыль.

Ты плывёшь, моя забота,
Девушка моя:
Мне ни плакать не охота
Что-то, ни смея...

Поскорей телеграфируй:
Встретить побегу,
Потому что жить без милой
Очень не могу.

Как зелёная берёзка
Тает на весну,

Так и я, – будто из воска, –
По тебе тряхну.

Ничего не надо, кроме...
(Флагов над водой?..)
...Нет... чтоб здесь, чтоб в этом доме
Ты была со мной.

V. 1938

* * *

Я был когда-то занят
Тем, что для всех людей
Придёт, пройдёт и канет
В мельканье дел и дней...

А сердце, вспомнив говор
Ночей настороже,
Что надо, словно повар
Отыщет в граманже:
Где тел сияньем мыльным
Ведётся снам подсчёт,
Где рокотом умильным
Ручей речей течёт,
Откуда человеческий
Зародыш рвётся в твердь,
Откуда нам – далече
И близко, словно смерть.

Хохочут флейты, трубы
Кричат, шумит орган:
Но это ж только губы,
Которыми ты зван.
Ни молнии, ни громы...
Но рук не разомкнуть,
Которыми ты тронул
Её нагую грудь.
Мерцает месяц, будто...
И это губы, сам
Которыми прильнул ты
К её губам, глазам.

Они лежат, смеются, –
Глазастые красы –

Сердца их бьются, бьются
Недолгие часы.
Едва ли понимает
Хотя б одна из них,
Каких тягóт и маят
Блаженство стоит их.
Их множество (как звёзды
В понятии «звезда»)
Легонько перенёс ты
Сюда, сюда, сюда!

Сгорайте, умирайте
На медленном огне
Той неземной кровати,
Где отдавались мне.
На мягком пьедестале
Своих ночных забот
Вы вечненькими стали,
Красоты из красот.
И я стал попокойней,
Наверно, оттого,
Что боровок на бойне
Не чует ничего.

X. 1938

НЕВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Ею дышал и её любил:
Провести не мог без неё мгновенье.
Всё для неё бросил и забыл:
Песни, мечты, вдохновенье.

Я для неё нынче не хорош.
Моя любовь ей не слаще плена.
В неверном сердце таится ложь:
В сердце любимой – измена.

О, как я помню ревнивый взор,
Её дыханье и ласк небрежность.
В моей крови бьётся до сих пор
К ней незабытая нежность.

XI. 1938

ЛЕПЕТАНЬЕ ЛЕТЫ

Militat omnis amans et habet sua castra Cupido.

Овидий

1

От перепутья существования
Я быстро и деловито шагал.

Этим невинным и лёгким бегом
Потоптал благие намеренья.

Думая выбрести на рассветную опушку,
Неожиданно и логично попал в ад.

Люди! – это вовсе не так пышно, как у Данта,
Но гораздо страшней, чем у него.

Ему-то в помощь дикая вера,
Ему-то в радость равнодушие что ли,
Ему-то в счастье свет и выход.

А нам и боль не в утешенье,
И тупость сна не в бессознание,
И смерти равенство не в смерть.

Нам только, как зиянье горя,
Любовь, палящая неутомимой жаждой.

2

Ты зажмуриваешь очи
И крадёшься, как слепая,
Мимо света, мимо ночи,
Дорогая, дорогая.

Стеариновые руки
Осторожным ожерельем
Забирают на поруки
Всё, чем раньше очерствели.

Забывая недомолвку,
Отвечая прежним спорам,
Втихомолку, втихомолку
Изумлённым водишь взором.

Не зовёшь ты ни упрёком,
Ни заботой, ни угрозой:
Ненароком, ненароком
Улыбаешься сквозь слёзы.

Ты коверкаешь забвеньё,
Ты отгалкиваешь ропот,
Каждое твоё движенье
Незаметнее, чем шопот.

Будто сбитая из жести,
Вот ты – будто восковая,
Вот ты – будто в каждом жесте,
Дорогая, дорогая...

3

И проклят и прекрасен миг,
В который отнялся язык.
И жалок и чудесен плен,
Когда застыл движений тлен.

В сияньи, розовом и сонном,
Полночному закату вслед,
Колеблет медленные сосны
Полночный и простой рассвет.

И сердце, в сереньком полёте,
Вдруг загорлая во всю мочь,
Как раз возьмёт да и проглотит,
Пропустит пустоту, как ночь.

Когда Ромео полюбил?
Когда Отелло ревновал?
За что и что́ ты сам забыл,
Забудешь или забывал?

Подлости людской нет предела:
Честность кажется благородством
Глупцам, которым надоело
Жонглировать собственным сходством.

На высоте её души
Все мысли станут хороши.
Она захочет есть и пить.
Она захочет вкусной быть.
Она – вкусным-вкусна,
А жизнь тебе – тесна.

Я знаю, что смешней любви
Нет ничего на свете.

Прощай, любимая, живи
По собственной диете.

Правдив закон любовных прав
И человечески лукав.

4

Я узнал красу богини
С той последней стороны,

Где гниенья пламень синий
Жизнь бросает на конь.

И как будто бы не струсил,
И как будто б не подох:
Снова к струям прежних русел
Прикасаю каждый вздох.

Ах, богиня, ты, богиня,
Не тяжёл твой дивный зад:
Право, зря об этих штуках
Больно много говорят.

И гогочут, и хлопочут,
И вдаются в пустяки.
Точно жизни край непочат
Завсегда – с лёгкой руки.

Торопись, дружище! Бросил –
Стало быть, не подымай.
От искусства до ремёсел
Всё – держи и не пушай.

5

Пресна, как тень, твоя еда,
Многоуважаемый мир.
Твоя поверхность – ерунда:
Под скорлупой ты рыхл и сыр.

Несчастливая звезда! – пеки,
Хоть жару вечности поддай:
А то, пожалуй, не с руки
Ремонтировать ад да рай.

6

Ни насмешки, ни гаерства,
Ни крупницы озорства
Не хотело мое сердце
И не хочет голова.

Человек, как и другие,
Говорю, кричу, шепчу:
«Дорогие, дорогие,
Оглянитесь, гляньте, чу!»

Только, правда, не забочусь,
Оглянулись или нет:
Эта почесть мне не в почесть,
И не в этом мой завет.

Я хочу, чтоб всяк двуногий
Под заботой и трудом
Хоть посильно, хоть немного
Шевелил своим мозгом.

Верь (– но верь! –) во что угодно,
Знай (– но знай! –) на что горазд:
Это – пусть и неудобно! –
Так зато уж не продаст.

7

Худой, горячий, подвижный,
Совершенно самоуверенный,
Будто нарочно не по времени,
Несвоевременный, как фижмы.

От эдакого деликатеса
Невозбранимо сходить с ума

Характерам любого веса,
Красотам, избранным весьма.

Пылая нежностью и лаской
(За поэтами по пятам...)
Девчонкой, школьницей, салкой,
Непонятной памятью пятнал
Какой-то там вечер.

В стельку

Блаженством пьяные тела
Пусть лягут, милые, в постельку,
Пусть любовь – была-не-была,
Пусть недолго им и, не мучась
Воспоминаями утех,
Иль горькую постигнуть участь,
Иль сладкий подцепить успех.

8

Несомненно у Петрарки
От рассвета до полудня
Лепетаньем милым лютня
Покрывает говор цитр.

Это ты, моё смущенье,
Отворяешь в сердце пропасть,
Сочетаешь гнев и робость,
Взгляд глотая, точно спирт.

Здесь куётся цепь неволи.
Здесь начинается рабство.
Отсюда выхода нет:
Так устроен белый свет.

Глаз двуствольное сиянье
Не ведёт к благополучью.

Умирают без осечки
Молодые человечки.

Труп Джульетты, труп Ромео
Далеки, как звёзды змеям:
Мы и подумать не смеем,
Что всё это, мол, – «рго тео».

Мы тихохонько не будем
Развлекаться звоном лютен.
Прёт любой любовный смерд
В симфонический концерт.

9

Я вас не звал, воспоминанья:
Вы сами добрели ко мне
Остановить покой изгнанья,
Ну, хоть бы в своевольном сне.

Не сила времени, не свойства,
Приличествующие всем,
Внушают злость и беспокойство
Сегодняшней отрывке схем.

Нет. Ветренность и человечность.
Полярность солнца и воды.
Желанье, мудрость, беспечность.
(– Уж лучше не пуцать туды! –)

Что делать с сердцем, делать с сердцем,
В котором слабости – нема́,
В котором плавает всё сердце,
Как в проруби клочок дерьма?

Нет остановленности сдвигу,
Покой – затея для детей.
Тот, которому книга в фигу,
Сам себя подтыкает ей.

Сверх сил подвластные теченью,
Растем мы длинно вкривь и вкось,
Покорны каждому ученью,
Какое б там ни завелось.

А сердце бьётся, кровь кружится,
Незнаемый ведётся счёт
Всему, что всё равно случится
Со всем тем, что, пожив, помрёт.

10

Я потерял живую нить –
Своей поэзии окрестность:
Не знаю, как остановить
Грехопадение в бессловесность.

Наверно – это результат
И одинокости и свинства:
Их даже среди людских громад
Повсюду властвует единство,
А здесь, в глуши, наперечёт
Не только люди без гипноза,
Но просто весь живой народ,
Который не взяла угроза.

И путь, по мыслям и делам,
Далёк от одного к другому:
Пойдёшь, да удивишься сам,
Да повернёшь обратно к дому.

И страшен дом, когда в дому́
Хотя б единое биенье
Совместно сердцу твоему
Хотя б в единое мгновенье.

И безответна пустота,
Которой даже нет названья,
Которую душа и та
Не выбрала б для умиранья.

И вот ты понял, почему
Я променяю без оглядки
На боль, на голод, на чуму
Болото здешней лихорадки.

11

И нелепа, и груба,
И полна коварной злобы,
Человек, твоя судьба.

Вот поверил ты и, чтобы
Разувериться не смог,
Отдал сердце ради пробы.

Этот лакомый кусок
И захвачен, и проглочен.
А тебе-то невдомёк,
Хоть и мучаешься очень.

12

Воспитываем мы упорное желанье
Опровержимостью мечты,
Полуголодное влача существованье,
Друг другу всматриваясь в рты.

Кусает ли, жуёт, целует ли, бормочет –
Всё нам питаенье, зависть, пыл:
Чтоб тот, кто, если б мог, так даже и не хочет,
Узнал, усвоил, позабыл.

Мы знаем страсти боль и гнев больного мяса,
Оторванного от любви
Переживаньями любого лоботряса,
Допущенного в визави.

Нишкни, любимая, молчи о том позоре,
Который на тебя слетел! –
Я буду лгать тебе, что даже в этом горе
Ни с кем делиться б не хотел.

Пусть не посмеет звать тебя моей отрадой
Ни сон, ни память, ни молва,
Пусть мне останутся забвеньем и наградой
Слова, слова, слова, слова.

II–VIII. 1938

* * *

Есть же, это, счастье
На земле у нас:
Его-то почуять,
Ну, хоть один раз!

Его-то затеять,
В него поиграть:
Выпустить злодея –
И расцеловать!

Розе и левкою
Понять не легко,
Что это такое
Роза да левкой.

Сон чертополоха
Захвачен врасплох
Холодным цветочком:
Сам чертополох.

...Хоть неверным сердцем,
Хоть с левой руки,
Хоть в песенке той, что
Поют ямщики.

И. 1940

* * *

Ты хочешь песен, краля,
О тоненькой весне? –
Одной из них сияли
Твои глаза во мне.

Другая песня – рядом,
Со мной всегда она,
Твоим любовным взглядом
Во мне отражена.

И третью песню спел мне
Твой тёмно-серый взор,
Но вдруг седым, смертельным
Стал серый тот костёр.

Он серый, он отцветший,
В нём пепел и зола...
Неужто ты (– да нет же! –)
Так поглядеть смогла?

В нём сталь, в нём ложь и опыт:
Торчит он – нож в спине.
А в сердце тот же шопот
О серенькой весне.

П. 1940

СОЛДАТ

«На зелёном ковре мы лежали,
Целовала Наташа меня», –
Не забыть мне голубенькой шали,
Не забыть мне далёкого дня.

Вспомни, вспомни, моя дорогая,
Как мы шли по дорожке лесной,
Как от солнышка оберегая,
Ветки ты заплела надо мной.

Я не знаю живее отрады,
Чем в лазоревый полдень, в лесу,
Поглядеть на зелёные травы,
Когда ветер качает листву.

Мне видать, как бежит сквозь опушку
Даль за далью, простором маня,
Мне слышать, словно рядом, кукушку –
Словно бьётся внутри у меня.

Целый мир суетливых букашек
Вокруг нас шелестит, колесит...
Запах леса, над запахом кашек,
Будто колокол гулкий, висит.

Мы проводим минуты в блаженстве,
Обмирая в лесной тишине:
Вот ты встала и нежно, по-женски
Улыбнулась, как девочка, мне.

Мне теперь помереть невозможно,
Буйну грудь на траву уроня:
Даже пагуба смерти тревожной
Не отнимет далёкого дня.

III. 1947

ДРОЖЖИ

Я пылок был, как сто чертей,
И зол, как сатана;
Пугала мной моих детей
Красавица жена.

Домой вползал трезвым-трезв я, –
Она – нежным-нежна;
А пьян – нежным-нежней моя
Красавица жена.

Какого ж чорта-сатаны
Мне было внушено,
Что у красавицы жены
Любовников – полно?

Я изменял налево ей,
Направо изменял, –
Ей-ей, я стал, как дуралей,
Менялой из менял.

На женщин я смотрел, как на...
Ну, это – всё равно! –
Жена, красавица жена –
Моя, моё звено.

Потом, сначала всё начав,
Очей любви полна,
Ко мне ласкалась по ночам
Красавица жена.

Потом, сведя конец с концом,
Исчезла, как волна;
Покинула презренный дом
Красавица жена.

Любовь моя – причина бед –
Кому теперь нужна,
Когда ушла на этот свет
Красавица жена?

Мне снится смерти трын-трава,
На кой же дьявол-чорт –
Она мертва, она мертва...
Иль это я был мёртв?..

Лежать в могиле, ой, свежо,
Мне жить – не горячей:
Ну ладно, погоди, ужо
Забуду свет очей.

Забуду то, над чем дрожат
Мильоны мужиков,
То выброшу, чем дорожат
Хранители оков.

Её пригрев и осень,
Звенит, звенит земля...
Прости меня, прости меня,
Вдовца и бобыля!

Любви загвоздка не божбой –
Проклятьями сильна...
Хочу тебя, к тебе, с тобой,
Красавица жена.

III. 1947

МЕСЯЦ

Швырнув сонату клавишам,
Как солнца луч – поляне,
Я ароматом давешним
Шершавлю обонянье.

Весна. Мы бродим пóд ручку.
Домой. Она орлино
Глядит, сдирая корочку
С большого апельсина.

Румяный отсвет с пальчиков
Вокруг сияньем розлит,
И цепи слов запальчивых
Бряцают, как у взрослых.

Весенний месяц искоса
Висит ладьёй топазной:
Под ним на страже искуса
Блуждать небезопасно.

Верней – держаться пó-следу
Иль подпирать устои:
А то – наткнёшься сó-слепу
На что-нибудь такое.

Кричи на распознавшего
Любви неясный почерк,
Что это всего-навсего
Младенчества кусочек.

Бери с него, как с выродка,
Проценты пень и пошлин,
Чтоб хоть квитался изредка
И с будущим, и с прошлым.

Сведя со слова на́ слово
В речитативе тихом:
Прощайте... будьте счастливы...
Не поминайте лихом.

А разве холод нынешний
В зигзагах чёрствых линий
Заказано – невиннейше
Отогреть в теплыни?..

Вечерней тенью вытянсья,
Прильни к моим потёмкам:
Мы больше не увидимся
В своём житье неёмком.

И слёзы – нет им удержу,
Как в оттепель – капли! –
Блеснут в салют за кучершу
Той юной канители.

IV. 1948

СЕРЫЙ ВЗОР

1

Не верь, приятель, сероглазым:
Коварен серый взор,
Он отымает дух и разум
И на расправу скор.
Любовь подобна лунным фазам:
То пялится в упор
Бессонным золотым топазом,
То прячется, как вор.
Правительственным бы указом
Дать всем страстям отпор,
По запасным сердечным базам
Храня отпетый вздор.
А коли нет – покончим разом
Наш невозникший спор,
Навеки предпочтя проказам
Приятный разговор.

2

Тот серый взор на белом свете,
Как солнце серое, сиял.
Я в тёплом свете, в сером свете
Дни золотые коротал.

Печальней, холодней, колючей,
Покрытый пеплом и золой,
Он снеговой, свинцовой тучей
Висит сегодня надо мной.

И я не знаю, было ль надо,
Чтоб застил он весь белый свет,
Чтоб вся любовная отрада
Лелеяла простывший след?

Пусть море северное серо,
Пусть ночь весенняя седа,
Пусть эта пепельная вера
Не возвратится никогда.

Не равновесья серый пламень,
А золотой костёр огня
Разжёт тот взор, тот серый камень,
Что пущен был судьбой в меня.

IX. 1948

ВИРА-МАЙНА

Das Wesen des Geistes ist die Freiheit.

Гегель

СЕНИ

Что мне разумом беспечным,
Как кругами по воде,
С первым встречным-поперечным
Предаваться чехарде?

Что мне сердцем неразумным,
Имитируя глупца,
По дворцам или по гумнам
Оперировать сердца?

Что мне бессердечным телом,
Как крысёнком в западне,
В общем, в частном, в среднем, в целом
Оставаться в стороне?

Забирался я под купол
Самых выпренных идей:
Но не верил; брал; и щупал
Суть предложенных затей.

Я, как доктор, их простукал,
Проследил и пульс и жар;

Отобрал людей от кукол,
Чтоб запрятать в свой амбар.

Каждый сердца взмах – паломник
По своим святым местам:
Не забудет он, попомнит
Всё, что не попомнил сам.

Он притащит из архива
По протоптанной тропе
Сладость взлёта, горечь срыва,
Боль, желанья и т.п.

Коли очень нашедевришь,
Коли слишком наподлишь, –
Может, молвят люди: «дервиш»,
Может, пробормочут: «ишь»...

Песни, новые как сени,
Как кленовые листья,
Разузоренные тени
Отпоют у красоты.

VI. 1938

ПОЭЗИЯ

Не знаю я, что такое стихи,
Кому это надо, кому нужно,
Кому понадобятся – тихи,
Как взоры, как взгляды, –
Тихи, как очи ночи южной.

Какое слово пустословится:
Война, война, война...
В нём, как в оскоmine поговорка,
Ошибка коренна.

Зачем смотреть по сторонам
(О, как она нежна!..)
И делать вид, что нам, что нам
Поэзия нужна?

Не опасайся умереть
В сраженьи, брат солдат,
Чтоб мог прозреть сейчас и впредь
Чей бы то ни был взгляд.

Цитатой леса маленькая роща
Стояла на виду.
Как будто ничего нет прощя:
Возьму да подойду...

Но, вспоминая, как любил её,
Как проклинал её,
Готовый на дыханье милое
Отдать своё бытё, –
Я думаю, что всем и каждому
Известно что к чему,
Когда ведёт, ведёт – аж до́ дому
К сознанию своему,

Куда через простор полей,
Согласно верному инстинкту,
Уходят взорами колеи
На одноглазую тропинку.

И напролёт ночами целыми,
Во всю тоску звеня,
Вся смерть её очами серыми
Смотрела на меня.

VII. 1946

ВИРА-МАЙНА

Так высадим же романтизм
На опухоль весенних желез:

Ручья небрежный хроматизм,
Ветвей политональный шелест,
Печать древесного гриба,
Осин закинутые грабли –
Сегодня им глядеть судьба
На тенью скрещенные сабли.

Луч, небесам наперерез
Валясь, как понуканья возглас,
Прогреет сиволапый лес
И бедную земли промозглость.

Кто пьет всю эту кутерьму,
Фотографически приблизясь
И сердце опростав, тому
Известен урбанизма лизис.

Трансцендентальный контрапункт
Сознание опускает низко
Во всяческую шантрапу
Шуршанья, свиристенья, писка.

Так как вот это-то и есть
Весны беспутной «вира-майна», –
Оно надеется, что здесь
Понятной станет мира тайна.

П. 1947

ОКНО

Жизнь хороша не от того,
Чего имеешь очень много,
А чаще лишь от одного,
В чём вся любовь и вся тревога.

И часто это-то одно
Так сильно мучает и манит,
Как в даль открытое окно,
В которой ни краев, ни днá нет.

Ты знаешь, что в твоём доме
Окно выходит в море взором,
Ты можешь подойти к нему,
Свободен вопреки затворам.

От пойманного пустяка
Пахнёт в лицо такая свежесть,
Что станет уж не так тяжка
Игра пророческих невежеств.

Мы счастливы не от того,
Чего имеем очень много,
А только лишь от одного,
В чём вся любовь и вся тревога.

II. 1947

ВДАЛЬ

Под приближающимся мраком
Хочу поговорить со вкусом
Об очертаниях спины
Столь удалившейся весны,
Той недоверчивой весны –
Тяжёлой, голенастой цапли –
Чьи сны нам до сих пор ясны
На волоске набухшей капли.

Худышки норов – свеж и сыр –
Вкусней, чем гастроному сыр.
Весна сияет на задворках
Алмазом скромным из грязей,
Творя из субчиков в опорках
До гробовой доски друзей.
Она дает на вкус задир
Попробовать могучий мир.

И наблюдают однолетки,
Как ельника встаёт копна
По мановенью колдуна,
Как простирает ветер ветхий
Ив укоряющие ветки
К печальным локонам берёз.
И сдавлены грудные клетки
Подспудным ожерельем слёз.

II. 1947

РАДУГА

Крутые кудри яблони,
Подоткнутые граблями,
Плоды таят. Доподлинно –
Дракон приполз, а подле него
Бульдог с устами дряблыми,
Сократ прилег, раскинуци
Ума палаты иночи.

К чертям, к чертям! Не иначе –
И мы-то все Горынычи,
И нами переловятся,
Как стаи птиц, пословицы
Со старыми, знакомыми
Слепыми идиомами.

Чтó пёсьего, чтó бесьего
(Поди попробуй, взвесь его!)
Наворочёно месива,
В котором заключается
Безвольный хор случайностей,
Людской тоски террариум...

Обещано получше ещё им,
Не только пролетариям,
А и благополучнейшим.

Сильна, цветна, тугá дуга –
Полмира держит радуга,
Сердца надеждой радуга:
От синего до карего
Набито в очи варева.

Не красному, не синему,
Не максимум, а минимум

Всему хвосту павлиньему
Здесь на́ ветер поверено:
Доселева оттелева
Хватай, держи теперь его!

Когда стоят на цыпочках
И озорно поглядывают
Высокие обрядовые
Стволы, закатом выпачканные, –
Тоскливый возглас дерева
Тюрьмой торчит из терема.

IV. 1947

СВЕТ И ТЕНЬ

Этот день был пригож и весеннь:
Распускался, сверкая все искристей...
Тенью ль жизни из памяти выскрести
Леса благоуханную тень?

Как бессмертно пищали птенцы!
Как деревья шуршали доверчиво!
Как всю жизнь провело под уздцы
От рассвета до позднего вечера!

Вслед ему наступившая ночь,
Я не думал, что будет соперницей,
Я не подозревал, что подвергнется
Размноженью красы во всю мочь.

Что там делалось! В сон уроня
Контрапункты прищуренных путаниц,
Все подробности бывшего дня
Будто лунным туманом окутались.

Будто брали стеснённо взаймы,
Будто в чём извинялись застенчиво,
Заслоня травинками птенчиков
От живой бесцензурности тьмы.

Вся, рождённая светом весна –
В трепетаньи, в сверканьи и в высвисте –
Повторялась в безмолвном неистовстве
На луну наведённого сна.

А теперь, когда близится тьма,
Свет ложится всё ниже, всё косвенней...
Придвигается пасмурно к осени
Жизни бестолочь и кутерьма.

VII. 1947

ERGO

В капризе человеческой фортуны
Не то достойно всяческой хвалы,
Что и старушки эти были юны
И эти детки могут быть дряхлы, –
А то, что ив седое шевеленье,
Смерть позабыв, доверчиво глядим,
И жизни бедное хитросплетенье
Считать готовы вечно молодым.

(...В сомнительной надежде полутрупа,
Что в непрерывном тленьи – глубина,
Что силам плесени не верить – глупо,
Что жизнь не может быть прекращена...)

XI. 1947

БЕССМЕРТНИК

Бессмертники и метеолы,
И звёздных кружение сонмищ,
И сельскую вывеску школы, –
Ты вспомнишь, ты вспомнишь!

На память... Как в клетке волчица,
Она неразборчива в средстве, –
Ей – вырваться, ей – изловчиться,
Ей – вгрызться в забывшее сердце!

Ей – путь никуда не запрещен;
Она доберётся, разлившись,
До тайн заскорузлых отметин
Меж праха постов и излишеств.

Занает – то тупо, то остро –
Лови её, грешницу, на-кось!
Проявит не к месту упорство
И вовсе ненужную мягкость.

Поток доказательств увесист,
Преступна подкладка мотива,
Вина отягчённей раз в десять,
И мрака черней перспектива...

Бессмертники и метеолы
Среди круженья звёздных сонмищ,
Крылечко деревенской школы, –
Друг, вспомнишь! – недруг, вспомнишь!!

XI. 1947

НАСЕЧКИ

Как ствол до гибели доносит
Болячки закорузлых букв,
Так и во мне пустоголосит
Насечек чуждых давний звук.

Чьё горе бережно хранит он,
Чьё счастье нежно бережёт,
Притягивая, как магнитом,
Сок сформированных пород?

Когда гармония живая
Встаёт глубоко, неспеша,
Спокойно преодолевая
Всё, чем топорщится душа, –

Тот звук своё находит место,
Он вдруг становится моим,
С насечкой своего насеста
Ничем другим не заменим.

И, как в серебряные блюда
Под бегом яблок наливных,
Чужие жизни перельются
В мой жадный и горячий стих.

Имей я волю чародея,
Я б на себя весь мир навёл:
Пусть насекает, не жалея,
Моей души могучий ствол.

XII. 1947

ОСЕННИЙ ЛЕС

Р.И.Т.

Быть может, этот лес обычен
На заячий иль птичий взгляд:
Они живут с листвою в лад,
И капли крупные брусничин
Для них не чудеса таят.

Мне ж сквозь лепечущий осинник –
Глубоководное, как дно, –
Небес окно разведено,
Где облака в объятых синих
Бегут бесшумно, как в кино.

За тишиной древесной клади
Таится земляная тишь:
Ты дышишь ей, в неё глядишь...
И пойман вдруг в привыкшем взгляде
Грибной, испуганный малыш.

В ветвях продета шкурка лисья,
И воздух терпкий, как вино,
Висит с закатом заодно...
И аметистовые листья
Летят бесшумно, как в кино.

XII. 1947

ВОТУМ

Расставив маяки огней,
Мы оставляем по кивотам
Во власти разных ахиной
Доверия и веры вотум.

Мы тёплым ворохом забот
Своё окутываем тельце
И, выводом считая ввод,
Позабываем о владельце.

Но часто – силам вопреки,
Порывом прихоти влекомо –
Движенье слабенькой руки
Повелевает волей грома.

Виденьем бреда смерть летит,
Мрак, пламень, вихрь и смрад обруша:
Ан – всего-навсего Давид
Удобно лёг средь мха иль плюша,
Ан – всего-навсего герой
Обескуражен лёгким штрафом...

И станет чуть ли не игрой
Борьба Давида с Голиафом.

И хочет пылкая душа,
Которой жизнь мелькает вкратце,
В манере бойкого ерша,
Ну, «хоть немножечко подраться».

Пусть ум отыметя, язык,
Пусть даже жизнь идет на вылом...
Чтоб в бесконечно малый миг
Всё стало бесконечно милым.

II. 1948

МУЗА

Ненавидь мою музу:
Примечай, что она
Только силе в обузу,
Как плохая жена.

Сторожи, контролируй –
Эка невидаль, вишь,
Своевременной лирой
Потрясает малыш...

Вольным балует ветром,
Даже мыслить готов,
Посыпая пиретрум
На окрестных клопов.

И он член профсоюза?
И он общества член?!
Значит, дерзкая муза
Забрала его в плен.

Полюби мою музу
И как боль, и как сладь,
И как сердца обузу,
И как по сердцу власть.

Ты её не тетёшкой,
Не води в детсады,
Чтоб проезжей дорожкой
По указке узды
Мерным шагом иль рысью
Продвигалась, кляня
И заботливость лисью,
И себя, и меня.

Своевольна, как птаха,
Возбранима, как свет,
Начиная из праха
Свой невидимый след,
Она водит по жизни
Взором бережных глаз
И в ответ укоризне
Поминает про нас.

Значит, сам ты, ровесник,
Обездолен в судьбе,
Если честные песни
Не по думе тебе.

IV. 1948

ОТВЕРСТИЕ

Друг мой – близкий и далёкий –
Не пугайся, не дрожи
И не гневайся: молоки
Нашей будущей межи
Хоть и мерзко и свирепо
Выглядят на первый взгляд,
Да зато – живая скрепа
С тем, чем будет райский сад.

Жизнь всегда небезопасна:
Три отверстия заткнуть –
И культура вся напрасна,
И уязвлена вся суть.

А по сути-то, вестимо,
Не в отверстиях вопрос,
А во всём, что мчится, мнимо, –
То обрадовав до слёз,
То до боли опечаля:
Ничего не бойся впредь,
Вот чего ты в жизни чаял,
Вот и можно умереть.

Друг мой – встречный-поперечный –
Не волнуйся, не грусти,
Что и твой – небесконечный –
Тоже путь, как все пути.

XI. 1948

ПОЭТ

Поэт и вычурен и прост,
Как всякий дельный запевала.

То разведёт павлином хвост,
Чтоб песня, вставши во весь рост,
Широким трепетом взлетала;
То в тихом бульканье ручья
Под небом, ласковым и синим,
Воткнёт напев пером павлиньим,
Печаль и радость притая
Любезным сердцу героиням.

И кажется ему, что нет
На свете шибче скомороха
Ни родника, ни самородка,
Что белый свет и чёрный свет
Висят серо и старомодно.

Кому же он какая дробь
Иль показатель логарифма?
Окрест – людской трясины топь,
Чтоб он взревел: «Робя! Не робь!..
Нам по сопатке ритм и рифма»...

В едином мании перста
Залог чудес: глубокомыслье
Провалит, «будто в немца», мысли
В тупой подвал, где простота
Бывает хуже воровства.

XI. 1948

СУРЖИК

«Сперва говорят: как он молод!
Вдруг скажут о нём: как он стар»...
Неправда: второе – лишь повод,
А в первом и финиш и старт.
Неверно, неверно, неверно:
Включенное в цепь облаков,
Как ясного неба каверна,
Глубокое неглубоко.
Года раздаются по смете,
Составленной впрок, про запас,
Изъявшей излишки по смерти,
Не вовремя схапавшей нас.
Конечно, конечно, конечно,
И плод, – меж листов перезрев,
Так пылко, так сладко, так нежно, –
Не станет сдаваться в резерв.
Когда говорят: как он древен...
Вдруг скажут о нём: как он юн! –
И мечется стадо царевен,
И рыцарей бьётся табун.
Занятно, занятно, занятно:
Наверно рассвет, а не тьма,
Невежливо тыкает в пятна
На выпрленном солнце ума.

XII. 1948

ЖЕЗЛ

Несчастья бояться – счастья не видать.

Петр I

ОБРАТНО

Сирены непристоен вой:
Он близок чем-то гнусным с подлецами.

Блистанье ночи теневой –
Прожекторов немое восклицанье –
Тяжёлым золотом любви
Сжимает сердца жёсткий самородок:
Ей не мешают холуи
В пазах общественных перегородок.

Остановился человек,
Глубоко впитывая даль глазами.
Мякины и небес стратег –
Недвижен. Ветр шевелится в азяме.
Взгляд византийского письма,
Которому, наверно, всё обрыдло,
Морозит легкая зима.

Землицы украинское повидло
То раскисает, то хрустит
В предчувствии победного рекорда.

Её захватывает вид –
Понур, как лошади усталой морда,
Лежит коричневый овраг,
Раззяванно язвящий всю округу.

... Чего не должен знать твой враг,
Того не доверяй и другу...

О, ноченька! Тебя ведет конвой,
Твой антураж с поличным здесь изловлен.
Блистанье ночи теневой
Орёт прожекторов безмолвьем.

IV. 1947

ТЫЛ

Путь дальний вместе с дамами
Истопап,
Отъехав с чемоданами
В Чистополь.

Свидетелями слопаны
Кулисы,
И встречены циклопами
Улисссы.

Излишни декорации
При сукнах:
Их, ишь, эвакуацией
Пристукнет.

Но цвеств и ей пора было,
Росе-то,
Поэзией параболы
Расцвета.

Чем жизнь уединённой, тем
Никчемней:
Обычая не стронете
Ничем в ней.

Сильны закоренелости
Привычки,
И взят остаток смелости
В кавычки.

Взглянув – всех жён коварнее –
На бицепс,
Припомнил, как шли армии
На Витебск.

Пусть жизнь бежит... Будь суть её
Как тезис,
Пусть факт её отсутствия
Увесист.

Не приманись Елабугой
Оттуда,
Когда восстанет радугой
Победа.

И. 1947

КУР

Над кем нависла тень трагизма,
Тому на помощь электричество,
Что голодающему – клизма,
Что в средние века – язычество.
Всей глубиоу мозговых извилин
Он с этой тягостью не справится,
А, будучи не щепетилеи,
Отправится ко прахам праотцев.

С дагерротипов, пригорюнясь,
Сойдите, отроки и девушки!
Как вас лягала ваша юность,
Скажите, бабушки и дедушки!
Которые из ваших качеств,
Помимо имени и отчества,
За кипы мемуаров прячась,
Из памяти исчезли дочиста?

Ах да! Ведь по дороге к счастью,
Куда придем не без изящества,
Нам улыбается всей пастью
Дракон, Георгием разящийся.
Спало бесплотными тенями –
В сияньи, в трепетаньи, в реяньи –
Всё то, что стало вместе с нами
Людьми, животными, деревьями.

С того, чем были суеверья,
Пророчества и ауспиции,
Теперь оципывают перья
Живых оравы бледнолицые.
Оно, конечно, было проще б,
Да и похлёще б тем не менее,

Не попадать, как куры в ощиц,
На быт высокого давления.

И. 1947

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Все мы – ровесники, младенцы и старушки –
Жизнь ежедневную посильно создаём,
То вздор отпетый чуть не до небес раздувши,
А то сокровище отправивши на слом.

И отовсюду-то грозят нам чьи-то жезлы:
Доноса и толчка, приказа и перста...
Невыпотрошенный – глотай, что в рот полезло,
А выпотрошат – так уж не отворишь рта.

Живем, носы задрав, но прячась за кулисы
То честолюбий, то успехов, то скорбей...
Старательно доим наш пафос тугосисый,
Крепя энтузиазм предложенных идей.

И если это всё уж выглядит не вовсе
Непрезентабельно, по правде говоря,
В том виноват не зуд, чесавшийся в Хеопсе,
А трудно занимающаяся заря.

Там был разгульный смрад во след ночной пирушке,
Здесь – перед ярким днём рассветный, лёгкий дым,
Все мы – ровесники, младенцы и старушки –
Благоую будущность наверно создадим.

П. 1947

АЙ, ЛЮЛИ

1

Заиграли светотени:
Потянуло от земли
Свежим запахом растений –
Ай, люли.
Поводя холодным носом,
Побежали кобели –
Фтю!.. по половым вопросам,
Ай, люли!
Кораблей и пароходов
Заскрипевшие рули
Забурлили в полных водах –
Ай, люли...
Заплясали по озёрам
Молодые голавли,
Завели безмолвным хором:
Ай, люли.
Ну а люди, ну а люди,
Поглядев на корабли,
Будто вспомнили о чуде –
Ай, люли, –
Распахнув умы и души
(Ох, уж эти утили!),
Ватой затыкают уши
(Ай, люли!..)
И мечтают о предмете
Из родимой конопли:
Кнут, вожжа, верёвка, сети...
Ай, люли...

2

Для войны необходимы
Единицы и нули:
Ад из грязи, шума, дыма –
Ай, люли!
В чистом небе самолёты
Загудели, как шмели:
Что ты, что ты, что ты, что ты! –
Ай, люли?..
В день, пригожий и весенний,
Застучали костыли
В сени, лучшие из сеней, –
Ай люли:
Неудобны в обороте
И торчат, как горбыли,
Так, что шкуру оборвёте,
Ай, люли...
Ни слезами, ни слюнями
Не перешибить сопли...
Что-то завтра будет с нами?
Ай, люли?
Много всяких наций кúли
Тащат тяжкие кули...
Эй, вы, ну ли, что заснули?
Ай, люли!..
Скажут правду, правду скажут
Европейские вралю:
Им положено по стажу
Ай, люли.
Городские кавалеры –
Ух, какие ковали –
Подкуют хоть символ веры:
Ай, люли!

3

Осенив себя крестами,
Вышли в поле севали:
Ну, колхознички-крестьяне,
Ай, люли!
Если с неба прямо в сердце
Потянули журавли,
У злодея вянет зверство,
Ай, люли.
Очень жалко, что такого
Не знавали короли:
Это было бы им ново –
Ай, люли.
Генералы офицерам
Не кричали б: «целься, пли
По врагу живым манером!»
Ай, люли...
Зарывающим таланты
По полтиннику рубли
Предложили б спекулянты –
Ай, люли...
Этой купли и продажи
Не стерпели б москали:
«Что ж такого, если даже
Ай, люли?»
Вроде будто не по чести
Вот так бредни развели?!
Не сидится, вишь, на месте, –
Ай, люли?..
Завивает половодье
Сновиденья да хмели:
Крепче, знай, держи поводья, –
Ай, люли!

4

Если я сижу на стуле,
Стало быть, не на мели.
Ну-ка, братцы, затянули
Ай, люли!
Пусть старательно полмира
Охраняют патрули:
Я не выйду из трактира:
Ай, люли...
Закажу я осетрину
И говядину-були,
Шапку на уши надвину –
Ай, люли!
Выпью чаю, выпью водки,
Цинандали и шабли,
Запищат тогда красотки –
Ай, люли...
Ведь истории колёса
Не касательны до тли?
Уж я сею, сею просо –
Ай, люли!
Кто это, ощерив морду,
Кажет кукиш из щели?
Я ему отвечу твёрдо:
Ай. Люли.
Ну и ладно! Коль от пётли
Недалёко до петли́,
Так сначала не запеть ли
Ай, люли?

II. 1947

ВАРИАЦИИ

Облетают лёгким светом,
Тихим звоном хрустали,
С песней, с чортом, с пистолетом –
Ай, люли!
Шевеля исподом сивым
Под ветрами, ковыли
Клонятся сплошным курсивом,
Ай, люли...
Облака плывут, с наскока
Натыкаясь на шпиди,
От востока до востока –
Ай, люли.
Без подвохов и напраслин
Украшает февраль
Блин, поджарист и промаслен, –
Ай, люли!
Голос, полный жгучей ласки,
Напевает «тюр-люр-ли»:
Это значит по-арабски
Ай, люли.
Наших дедов, всем на диво,
Зажигали Жигули,
Ну и нам осталось пиво,
Ай, люли.
Нам крамбамбули прикрытие,
Будто шляпа без тульи:
Не зевай, душа-малышка,
Ай, люли!
Над зелеными полями
Загибая пароли,
Шли на «пэ» и шли «углами» –
Ай, люли.
Мы поймаем их на слове,
Словим en flagrant delit,

Выдадим quod licet bovi, –
Ай, люли!
На двух маток сил не тратя,
Наподобие тели,
Будь телятиной, телятя,
Ай, люли.
Денег собранные кучи
Не валяются в пыли:
Мы и так – без них – могучи;
Ай, люли.
У поэзии пути есть, –
Не пути, а кругали:
Это может сердце выесть,
Ай, люли...
Не в рассказе, не в былине,
Не в романе, а в были
В наших судьбах выпал иней,
Ай, люли.
Всё бы нам бы нипочем бы!
Расцветают миндали,
Шишки валяются и бомбы...
Ай, люли.
Мы у пушек, как у свечек,
Поджигаем фитили:
Пой, любезный человечек,
Ай, люли.
Будто притчу во языцех
Затевают рамолли
Разговор о синих птицах:
Ай, люли!
Коль вблизи такая пьеса,
Мы предчувствуем вдали
Достижение прогресса,
Ай, люли.
Знали «мэнэ, такэл, фарэс»
Ведали «или́, или́!» –

Не приходится раз нá раз,
Ай, люли...
Мы и не холостомеры,
И не вовсе бобыли, –
Мы – ходячие примеры,
Ай, люли.
Гром заимствуя в июле
У пророка Илии,
Отольем из грома пули,
Ай, люли.
Затыкаем для потехи
Кружевами-шантильи
Все отверстия и прорехи,
Ай, люли.
Не хотим мы без плацкарта,
Подавай нам wagon-lit
Не под финиш, а со старта,
Ай, люли!
Проезжаем Шуи, Пензы,
Конотопы, Кинели,
Разменяв рубли на пенсы,
Ай, люли.
Всё же мы не безобразим,
Не бьём стёкол в Тиволи...
Каемся, упавши наземь:
Ай, люли!..
Мы не те седьмые воды,
Что текли на кисели,
Мы – наследники природы,
Ай, люли.
Городища наши стары,
Украшают их кремли:
Не к чему тут тары-бары,
Ай, люли.
Начиналась заваруха
В итальянском Сомали:

Сердце вздрагивало глухо,
Ай!.. Люли!..
Разнесчастные мы негры!
Внуки генералов Ли,
Запахают всех нас в недра,
Ай, люли!
Генерал-собака Власов
Вашей кровью, куркули,
Подновлял красу лампасов,
Ай, люли.
Консервировал Кутузов
Безызвестные Фили:
Грянем, члены профсоюзов,
Ай, люли!
Девушкам – предел мечтаний –
Ситцы, бязи, миткали
Вместо рукодельной ткани
Ай, люли.
Успокоиться изволь ты:
Сплошь одни каракули́
Здесь отпущены на польты, –
Ай, люли.
Здесь, как у Луи Каторза,
Очень бойкого в любви,
Что-то нужное примерзло,
Ай, люли..
Громыхните на пьянино
Что-нибудь из «très joli»...
Я люблю Вас, как мужчина, –
Ай, люли, –
Мне, пожалуйста, подлейте
Счастья, мармазель Жюли,
Чтоб изобразить на флейте
Ай, люли.
Раз мы поняли друг друга –
Хорошо ли, худо ли, –

Подплывай к финалу, фуга,
Ай, люли!
Превосходные узбеки
Ты – Фазли, ты – Физули,
Славьтесь, милые, вовеки, –
Ай, люли!
Жил на свете бедный турок,
Бедный турок Бен-Али,
И потух он, как окурок:
Ай, люли.

V. 1947

POST SCRIPTUM

Мы изнеженности чужды:
Нам сплошные текстили
Удовлетворяют нужды, –
Ай, люли.

Хоть подчас для украшений
Кружева, газы, тюли
(Превосходные мишени –
Ай, люли!)

Котики, лисицы, скунсы,
Соболя и шиншили –
Дамы раздобыть искусны –
Ай, люли!

Есть инкассо в этом мире,
Сторно, сальдо, онколи,
Что приводит к харакири,
Ай, люли.

Каждой нации присущи
Собственные Шамили –
Крик, будящий и зовущий! –
Ай, люли...

Не промоют бурны воды,
Не протравят жавели
Подлости людской породы –
Ой, люли...

Эка в покере мне пёрка:
Все кулёры да фули...
Богатей, моя конторка, –
Ай, люли.

Современные Меджнуны,
Соответственно – Лейли, –
Вам – лафа: покуда юны, –
Ай, люли!

Не вводите нас в обманы,
Пеструшки-коростели:
Прячьте дудочки в карманы, –
Ай, люли.

Даже в море-океане
Задевают дно кили
Наших мыслей и желаний, –
Ай, люли!

Раньше были Чемберлены,
Нынче стали Черчили:
Не видать в том перемены, –
Ай, люли...

Человеческие гнили
Надо выдержать в соли:
Были, батенька, да сплыли, –
Ай, люли.

Длинно-пламенн, твёрдо-каменн –
Разные у нас угли:
Мы пошлем их на экзамен
Ай, люли.

Фирулера – лера – лера,
Фирулеру – фирули,
Мне подходят для размера
Ай, люли.

Ну, ребята, ну, пройдохи –
Цепко вросшие комли –
Им в трагической эпохе
Ай, люли!

Витамины, жмых на сое,
Пищ эрзацы, щавели...
Что за странное такое
Ай, люли?

Пудинги, сыры, паштеты,
Гроги, пунши и эли –
Вот, как шамают поэты!
Ай, люли.

V. 1947

ОСЕНЬ

*А и в горе жить, не кручинну быть,
А кручинну в горе – погибнути.*

«О горе-злосчастьє»

Это невозможно:
Где ж закон и норма?
Что это? Платформа?
Железнодорожная?..

Запах йодоформа,
Ноготков и бархоток
В ноздри перепархивает,
Как нажатый тормоз:
В памяти задерживая
Зовы свежей осени,
Хмурые и бережные,
Будто хвоя сосен.

Словно сердце вымостили
Самыми счастливостями;
Заменяли – выменили –
Белыми ли, синими ли
Утренними инеями;
Словно сами плакали мы
Дождевыми капельками;
Словно и не ими
Облачко разлакомили;
Словно хоть по имени
(Именно – вот именней – !)
Нет нам их любимей.

В думы пали нам они
Рваными туманами,
Спозаранок изморосью
По-за ближней изгородью;

Вялостью и маяньем
Ароматной горечи...
Точно и ума у ней,
Силой с ветром спорючи,
Литься нежной свежестью
Невесомой сырости
В запоздалом бешенстве:
(Будто ирис в ирисе,
Притворяясь нежитью,
Всею утробой нежится,
Вирусом на вирусе
Собираясь вырасти).

Видимо-невидимо
(...Ну, иди, иди домой,
Конкурент Овидиям!..) –
Будто на гимнастиках
Держится за поручни –
Злобных головастикав,
Мелюзги икорочной,
Голодраной перхоти,
Неспособной вверх идти,
Всеми ненавидимой,
Тупо ненавидящей...

Каждый, что-то выдавивши,
Идолищем-идолище,
Пусть и недовыдал ещё,
Пусть и недопредал ещё
Каждого последующего...
И на днище илистом –
Вперехлёт и выхлестом –
Ползают извилистей,
Чем и слыхом-слыхано,
Чем и видом-видано,
И не могут вылезти...

Ах, в руках у них она,
Да, у них в руках она:
Костромского Тихона
(То ли перепахано), –
Бежецкого Сергия
(То ли понамыкано), –
Киевского Никона
(И на что бы серьги ей?), –
Курского Аверкия,
Прова, Филарета...
(Туго понапихано) –
Будто бы и барышня:
(Хоть бы и боярышника
Или бересклета),
Ох и беспорядочная,
Потощей скелета!

Как же не смогли в ней
Мы услышать ливней?
Как не захотели, не
Зашумели в зелени?
Как не полетели к ней
Без доли-юдоли?
Как же мы не пролили в ней
Горести и боли
Непроливней проливней?

И отходит поезд,
Будто в клумбах роясь,
Будто в астрах по пояс,
Всё резвее трогаясь,
Дребезжа и топясь...

Что же это? То есть
Кто это из тех же
Так забеспокоится
В окнах запотевших

Мчащегося поезда
Домовых и леших?
Целым циклом (что́ из того?!)
Баек и потешек
Кто же распотешит их –
Конных или пеших,
По волна́м ли плавающих,
По́ миру ли шастающих?

Самое же главное ещё:
Где-то, где-то счастьюшко их,
Ценное желаньице?
Иль кому приглянется,
Иль кому привидится
Босоногой странницей,
Трёпаной провидицей?

...Что глубокой осенью,
Золотой и ветреной, –
Что глубокой осенью,
Вянущей и медленной, –
Что глубокой осенью,
Морозящей, хлещущей,
Шла до моря, до́ синя,
Синя-моря, морюшка,
Под ветер, калечущий
По самое горлушко?..

Ей и не прилечь ещё,
Не сорвать веретища,
Не размыкать горюшка...

Ветер, ветер, вётрище.

III. 1947

ЖЕЗЛ

Расцветающий жезл Аарона –
Непотизмом наполненный жест.
И в прошедшее время, и в оно
Мы не знали от бога урона
Без отменных пышнот и торжеств.

Уж теперь рассуждать нам не время,
Доказательства принорова:
Что простительно было евреям
Тех времен, мы в нутрах не пригреем,
Как сосущего сердце червя.

Современным ярмом евхаристий
Убедительнейше приструня,
В мире малых забот и корыстей
С каждым годом всё крепче, всё истей
Растопыренная пятерня.

Мы не думаем о Саваофе:
Думать не́ к чему и невтерпёж.
Каждый день, после чаю иль кофе,
Суждено нам гулять по Голгофе,
Забывая про правду и ложь.

Мы не знаем ни храмов, ни скиний,
Откровения ждет наш ковчег.

Нам и город зияет пустыней,
Потому что там выпал, как иней
От дыханья судьбы, человек.

IV. 1947

ЭКЛОГА

Вихрем ли, метелью ли,
Взрывом ли – неужто,
Что бы мы ни делали,
Никому не нужно?

Каждый естся поедом
Сном, из чорта вырванным,
Быв либо непонятым,
Либо спровоцированным.

Милый, деревянный,
Неподвижный лес
Для защиты явной
Дочиста облез.

Молодые тучи,
Полные дождя,
Развернут онучи,
Солнца не щадя,
И наденут ризы
К отправленью служб,
Над рекою сизой
Проверяя глушь.

Набивай за пазуху
Тщательно и бодро
Под ненастье засуху,
Проливень на вёдро.

Так как я не предан
Сну и шантажу,
Искренно при этом
И воображу,

С кротостью знакомясь
Около зверья,
Будто я не помесь,
Будто козырь я.

Выну из запаса,
Неиздалека,
Своего лабаза
Тюльку и сетка.

Это даже глубже
Битвы за гнездо,
Тлеющей на службе
В бденьи от и до.

Будь же, ради бога,
На моем венке
Эдака эклога
И коммюнике.

IV. 1947

ЖЕНЩИНА

Распушу-ка я тесьму,
Оборву-ка бахрому,
Погружу-ка на корму
Чухлому и Кострому.

Поэтому-потому,
Взвившись под небо, что кричит,
Переборы перейму
Да напомним кой-кому,
Как девица в терему
Вглядывается во тьму,
Непостижную уму,
И зовёт, и взоры мечет,
И нелепицу лепечет,
И гадает: счёт или нечёт
Будущее обеспечит.

Чтоб рвался к ней хоть один
Крепконогий гражданин:
Да не вовсе пусть младенец
Иль утильный старичок, –
Пусть имеет меж коленец
Аппарат для наслажденья,
Основательный крючок.

Чтоб без всяких окошечек
Лез без удержу в постель,
Чуть не до седьмых небесек
Подымая канитель.

Чтоб на тридевятый месяц
Запищала колыбель.

Мы живые, мы живые,
Сделаны не из травы и,
Значит, вправе ожидать,
Что в минуты роковые
Шлёпнет смерть на наши выи
Неподвижности печать.

Не нужны нам недоумки,
На святош нам наплевать, –
Пусть подержанную стать
Водят пóд вечер по струнке,
Как болонку прогулять.

Выпьем, женщина, по рюмке
И уляжемся в кровать,
Тело – к телу, дума – к думке:
Знают эту благодать
Каждые отец и мать.

IV. 1947

ОЧИ

Какие тут обиняки
Иль ребусы в ребусе? –
Раз это мне с мысли, с руки, –
Так будь здесь и требуйся!

Нет злей человеческих глаз,
Нет неутомимее:
Всю ширь зачерпнёт напоказ
Очей биохимия.

Откатывая далеко
От яблони яблоко,
Заквашивая молоко,
Закрытое наглухо,
Оказывает человек
Давление издавна
На то, что глядит из-под век
Инстинкта на истины.

В жизнь выкидыши мы, а в смерть,
Пожалуй что – вкидыши.
Людёнок, – ты горстка и персть,
И в землю отыдеши!

Вокруг срамотища и смрад,
Ни луч не засветится;
Проложена сходнями в мрак
Сердец гололедица.

Скрипя, раздаются пазы, –
Сурова действительность!
А жизнь повторяет азы,
Из бедствия вызволясь.

IV. 1947

ВСЁ К ЛУЧШЕМУ

Всё к лучшему на этом лучшем свете:
Жить, мучаясь – не так уж плохо.
Торчит кулак пяти тысячелетий
Близ каждого живого вздоха.

Пожизненна предсмертная икота
Блаженством сдобренных истерик.
Телами погибающих без счёта
Усеян каждый новый берег.

Сколь ни вихляйся, ни пищи, ни бейся,
Ни суйся со своей природой, –
Нелепо, как тонзура или пейса,
Тебя придавит каждой модой.

Когда, сознание хилое туманя,
Погладит против шорстки щётка, –
«Ништо, бабуся, ничаво, маманя,
Уж как не то, авось, ужотко»...

Но если со времен царя Гороха
Ты всё такая же неряха, –
Эх ты, ах ты, грядущая эпоха,
Да не подымешься из праха!

IV. 1947

МЕДАЛЬОН

В войне обязаны солдатские штаны
Иметь стандартный, часовой карманчик:
Последыш там для матери, детей, жены, –
Свидетельство, жестокое, как мальчик.

Припоминать, напоминать, запоминать
Не нужно этой подлости звериной:
Могла всю кладь и стать назвать по именам
Судьба бойца под ломовой сурдиной.

Качая звук, как будто взятый под педаль,
Гудят небес негромкие раскаты:
Визгливым воем раздираемая даль
Упрётся в точку – и мертвы солдаты.

Подкрадываются, карабкаются вверх
Глиссанды флажолетов в малых тонах:
Незримо вспыхивает чёрный фейерверк, –
И кровь течёт по саблям трав зелёных.

И всё-таки он жил: смерть в медальон ввинтя,
Прошёл беспечно по кровавой тюре.
Ура: так как с огнём шутящее дитя
Всегда весомо в мировой культуре.

IV. 1947

КУКАРЕКУ

Сократ был контрреволюционером,
За что и принял смерти приз.
Плюнь, трижды плюнь. Стократ – другим манером
Горячей жизни прикоснись.
Высокопоэтические мысли
(Благоразумью ль вопреки?)
Поглубже прячь, в глухой архив отчисли:
Чтоб корень вырос, режь ростки.
На выпретенное вытараща зенки,
О сверхсознании не трубя,
Строй смирно домиков и замков стенки: –
Да не поставят к ней тебя.
Да благо будет ти, да многодетным
Покинешь ты курятник свой,
Когда пожмёт, отмыв грядущий свет нам,
Рука руку – твоей рукой!

XI. 1947

СОНЕТ

Узнал без радости, без гнева,
Что в этом мире – кабала,
Что это дерево – не древо
Познания добра и зла.
Эх, кабы пресвятая дева
Ну хоть отчасти помогла
Росток недоброго посева
Отвесть от дома и стола.

Но ни направо, ни налево
Тебе не отойти от хлева:
Там сразу расцветает мгла
Зерном халдейского напева,
И нет значительней согрева,
Чем обжитой уют угла.

IX. 1947

ПАЛЕЦ

Отзынь, исчезни, позабудься,
Души невнятное виденье.
Привидься палец у распутья –
Определённой и идейней
Всех указующих нам пальцев,
Всех награждающих нас шлёпов, –
Тот перст, что доведет скитальцев
До мест, где прост язык эзопов.
Чужие клады и потери
В душе не оставляют следа,
Пускай от них, по крайней мере,
Придут – и гибель и победа.
Поэту – жизнь неинтересна
И противопоказан климат.
Земли раззятые ложесна
Его – зерном в объяття примут.

II. 1948

НЕЛЮДИМО

Е.А.Б.

Нелюдимо наше горе:
Одиночество, как тьма,
Обживается тем скорее,
Чем слабей огонь ума.

Нелюдима радость наша:
Бред угрюмый, сон больной...
Жизни выпитая чаша –
Бесприютный непокой.

И когда проходит мимо –
Ни обычно, ни ново –
Наше счастье: нелюдимо,
Потому что нет его.

IX. 1948

ПСАЛОМ

Существование животных трагично.
Светятся очи антропоморфические,
Хлещущие по себе, словно бич, но
Жёстче, презрительней и величественнее.

Что-то не очень устойчив и верен
Вотум доверия иль недоверия.
Каждым, рождённым на пагубу, зверем
Копится правильная бухгалтерия.

Regum persarum, o, regum persarum
Сердце, бесчувственное, словно дерево,
Не отомстит неразумным хозарам
И не отведаёт конского черепа.

Знает ли то человеческий субчик,
Если не пережито (хоть и прожито
Столько, что хватит на лучших и худших)
Око вопросов: «да как же? да что ж это?»

Мы пересмотрим, проверим, прокинем,
Вывернув чистого сердца исподнее:
Может, пророческой силы прокимен
Нам приотворит места преисподние?

Пусть же, не здравствуя, да расточатся, –
Будь они прокляты, будь обесславлены! –
Нашего будущего домочадца
Предполагающиеся развалины.

XI. 1948

НЕ ЗРЯ

Ништо, мой друг, ништо: мы выпрем,
Протянем очередь звена.
Не зря мы закалёны вихрем,
Которому не грош цена.

Не зря мы были, есть и будем –
Бездельники и колдуны.
Без нас неинтересны людям
Избытки собственной мошны.

Спокойно бодрствуй на причале:
Ещё настанет час весны..
Не зря два мира нас рожали,
Не зря долбали две войны.

VI. 1950

СВИДЕТЕЛЬ

Quos ego.

Вергилий, «Энеида». 1, 135

ПИСЬМО

А. П. К.

Я не успел прочесть тебе
Ни третьей, ни четвертой песни:
Перед концом в моей судьбе
Препятствия всё неуместней
Толпятся, чтоб я не утёк,
Торопятся вокруг чего-то...

Хоть средь фефёл, хоть меж тетёх
Мне там ещё побыть охота,
Где жил я, тщательно снуя,
Где всё – от бога до клистира –
Душа ведомая моя
Своим волнением крестила.

Меня ещё не съели вши,
В нутро ещё не вгнили гниды,
По-прежнему мне хороши
Все обстоятельства и виды.
Беззуб, морщинист и усат,

По-прежнему я – жив и ветрен –
Врага сумею искусать,
А друга изувечить в метре.

Ты спрашивал меня о том,
С кем вместе прожил на Онеге?
Жив-цел-здоров он... Ну, а тон
Его раздумий не о неге,
Когда друзьям он отдал стих,
Друзьям простил и ложь законов,
И гибель родичей своих,
И казнь друзей, и мор знакомых.

Хрен с ним. Все это пустяки:
Он выдержит. Чего получше –
Тебе нужнее. Пусть-ка ты
Скорей бы впал в благополучье.

III. 1944

ФОТОГРАФИЯ

Склонился к женщине мужчина:
Бубнит он, трогая усы,
Что только разлюли-малина
Достойна этакой красы.
Потом он стал ее опорой...
Как безответственность идей
Кровать стояла, на которой
Супруги делали детей.
Потом пропахла потом пища
В труде, в оскомине обид,
И нищей брэнностью жилища
Украсился скрипучий быт.

И укоризненный подсолнух
Смотрел на игры детворы,
На кувырканья плотей, полных
И развесёлых до поры.

II. 1947

ПОЭТУ

Не подвиг бывает предпринят,
Когда, под влияньем шлеи,
Подумает и отодвинет
Запетую нитку любви.

Он понят. И в нём ничего нет
Такого, чего нет в других.
Он не закричит, не застонет –
Доверчив, сконфужен и тих.

А голос божественно свежий
Бессмысленно радостных птиц
К нему залетает всё реже,
И он говорит ему: «ццц!»

Он – странен, как старый крестьянин
Поблизости с конференсье –
Любой пустяковиной ранен
В своём раскалённом житье.

Как карканье древней Кассандры,
Всё – тянет в безвестную тьму,
Всё давит... Хотя оркестранты
Поют славословья ему.

И. 1947

ВНОВЬ

Не умирайте, подождите:
Мне с вами очень интересно.
Под те метели, под дожди те,
Что в нас летели столь телесно,
Мне вновь прокрасться б, вновь упасть б ещё,
Вновь подышать бы влажным сумраком,
Пробиться б на живое пастбище,
Навстречу солнушкам и сумеркам.

Того, что все дыханья ценят,
Нам выпало не так уж много:
То – глина, то – асбест, то – цемент, –
И – запорошена дорога...
Где ж было выглянуть растеньицу
Кусочком яркой, щуплой зелени,
Когда на жизнь, как на изменницу,
Всё – валит вёленого веленей.

Венками с трупов всех Офелий,
Любовным вихрем всех Франчесок,
Браслетками всех Нин – летели
Века в мгновений перелесок.
Вот мы и дожили до зрелости,
Почти уж съёжились на старости,
В каком-то нерешённом ребусе
О Гамлете, Икаре, Фаусте.

II. 1947

МЫ ПОБЕДИЛИ

(Песенка английского солдата)

Вот они мы, вернулись, чать,
А не сыграли в ящик!
Теперь уж, чур, не жульничать:
Слав ставьте настоящих.
Настроены умы
На радости и почести,
Мы победили, мы...
Подайте сколько можете!

Пришли отцы и дедушки,
Мужья, братья-младенцы,
И валом валят деушки
Хлеб-соль на полотенца,
Вынают из сумы
Того-сего во множестве,
За что сражались мы.
Подайте, сколько можете...

Без слёз, без крестных знамений,
Храня любовь к отчизне,
За честь родного знамени
Шли, не жалея жизни.
Всесветной кутерьмы
Невиданные мощности
Мы своротили, мы...
Подайте, сколько можете.

Крутые схватки выстояв
С достаточным упорством,
Полны желаньем истовым –
И обоюдоострым –
Уж, избежав чумы,

Забуть о всём ничтожестве
Того, чем были мы, –
(Подайте, сколько можете) –

Терпели мы от голода,
Терпели от обжорства,
От сырости, от холода,
От мягко и от чёрство.
От лета и зимы
Спасаясь по возможности,
Без хворей мёрли мы...
Подайте, сколько можете.

Не ждали мы заранее
Ни славы, ни медали,
Когда за другом раненым
Под вихорь выползали,
Уздая ветер тьмы.
Припоминая вожжи те,
Мы отдыхаем, мы –
Подайте, сколько можете...

Мы не были ни пленными,
Ни даже в окруженьи:
За что ж от роду-племени
Терпеть нам возраженья?
Сонны мы; как сомы –
Малоподвижны... Что же, де:
Контуженые мы.
Подайте, сколько можете!

Возможно ль без мошенничеств,
Когда свистят стихии?
Пусть несколько среди женщин есть
Таких-сяких, какие

Поотдали внаймы
Своих сердец жилплощади:
Ан, вот – вернулись мы –
«Подайте, сколько можете» .

Готовы наши ноженьки
Задать, скакнув в постельку
Ленивицы иль неженки,
Медовую недельку.
Покрепче сулемы
Любовь дерёт по коже:
Мы здесь, тут мы,
Подайте, сколько можете!

Ты, брат-солдат, за двѹх гляди,
Того-гляди, разнежась,
Остаток давней рухляди
Смогѣшь принять за свежесть.
Неверием Фомы
Проверили мы, боже, тя:
И вот – живые мы!..
Подайте, сколько можете?!

С позиции эзоповой
Явсья за Пенелопой,
Покрепче рот захлопывай:
Что выдадут, то лопай.
Так будем же немь:
Да сохраняются ножницы
Меж тем, что – вы, что – мы!..
Подайте, сколько можете.

Чтó – боя, чтó – тюрьмы
Мгновенья да не множатся:
Увоевались мы!!

И всё же – обезножившись,
Слепы, немые, хромы –
Мы счастливы в убожестве,
Мы победили, мы...

Подайте, сколько можете!

III. 1947

РАУСА

Intelligenti pauca.

Будто выпущенный из пращи
Я лечу, и близится паденье.

С каждым днём никчемней, безыдейней
Пафос (– трепещи не трепещи! –)
И высовывает жжёный кукиш
Чёрных дней лихая спорынья,
Так как участь ни продашь, ни купишь,
Жизнь от горести обороня.

Счастье! – это что ж это такое?
Слава, деньги... – это для кого?
Нет ни катастрофы, ни покоя:
Среднекачественно волшебство.

Нам его б не вдохновеньем кликать,
Нам его б не роком окрестить,
Нам бы им по стрункам попиливать
Либо отпустить на акростих.

Если ты и сопричислен к лику
На основе всех платформ и баз,
Вряд ли не собьёшься с панталыку,
Проползая на иконостас.

Дело аберраций, перехлёстов,
Раккурсов, ансамблей и панно
Заполнять туманно-тёмный остов
Света, где прожить нам суждено.

Уж не так богаты перспективы
И скорей ползут не вглубь, а вширь,

Так что, современник мой ретивый,
Ты своих мечтаний не топырь.

Да и сам не очень уж топырься:
Не бог знает что произошло,
Если прославляется тесло
Вместо легкомысленного тирса.

Неизвестности манящий вир
Сторожит уюты и закуты.
Равнодушным пойлом из цыкуты
Угостит тебя желанный мир.

III. 1947

MEMENTO MORI

Бедный, дрожащий зверёк,
Раненный выстрелом,
Плохо себя ты сберёг:
Доли не выстроил.

Лапы и хвост поджимал,
Морщился ласково,
Скраивал свой идеал
Начерно, наскоро.

Сердцем не бейся в судьбу:
Накрепко заперто.
Спёрло дыханье в зобу
Чуть ли не замертво.

Болью предсмертных потуг
Жил не надсаживай:
Видно, не нам с тобой, друг,
Встретиться заживо.

Что-то в неожиданной судьбе
Вышло навыворот,
Раз не мелькнуло тебе
Верного выбора.

Кровью исходишь? скулишь,
Жмурясь на извергов,
Тёпленький, серый малыш?..
Сиверко, сиверко!

Ноги дрожат и ползут,
Потные, мокрые,
Бегом последних минут
Стёртые до крови.

Словно в заветном рывке
С силой рванулись и...
Всё повторяют пике
Смертной конвульсии.

Трепетом самых основ
Двинута под руку:
Скоро тягучий озноб
Влезет до потроху.

Жизнь, что была не полна –
Отмель на отмели! –
Им-то хоть и не нужна, –
Взяли да отняли.

Ихнего права не трожь
Писком: «а где ж оно?»
Что-то ты дуба даёшь
Медленно, мешкотно.

Слабостям, чорт подери,
Место не в очерке!
Жалостный тон убери,
Брось разговорчики!

Чтоб у злодеев (тьфу, тьфу!)
Слезы не падали
В каждую эту строфу
Из-за падали.

III. 1947

ТАЛЬЯНКА

С севом не запаздывай,
Говори – заказывай
По Руси веселие!
А не то сумею ли
Отписать с оказией,
Как мы просо сеяли,
Яровую борозду
Ковыряя попросту,
Как по плану-профилю
(То-то вини-козыри!)
Запасли картофелю,
Землю унавозили.

Сила разной разности
Вылезет на празднестве,
Если сможем вытерпеть
Всё, что предназначено.
Разберёте ль вы теперь,
Набело иль начерно,
Шиворот-навыворот
Или сразу начисто
Надо проектировать
Воеводства-княжества?

Слесарево – слесареви:
По четвёрке с четверти,
С пересолом, бёз соли...
Чорт-ге что расчертите!
Предовольно прибыло
Ёрника-анцыбола,
Люда-пересмешника
Из того ли идола,
Из того ли грешника,
Города-скворешника.

Эдак-то, вестимо, нам,
Знамо дело, поздно, чать,
Симонам-гулимонам
Спрохвала колхозничать.

III. 1947

ДЕВОЧКАМ, ИГРАЮЩИМ НА ФОРТЕПЬЯНО

Толпятся терции и децимы
От гамм, свитых руками детскими,
Где надлежит стоять по стартам
Секундам, септимаам и квартам.
Мой вздох надменный, как строфа,
Вплетен в арпеджио in fa.

Из музыки разбитой вдребезги,
Бьёт вонью тефтелей по-гречески.
Трезвоны щуплой сонатины
Мутит, как хворый взор скотины,
Забывчивостью Ань и Аль
Ногой прижатая педаль.

Но настаёт – да это просто же
Награда рукодельной роскоши! –
Органый пункт на доминанте...
Ох, девочки мои, устаньте!
Я буду вас любить и так,
Без гармонических атак.

Где предоставлен homo homini,
Нет места каменной оскомине.
Коль мира сам себе не застишь,
Он пред тобой распахнут настезь.
Да будет милым, как туше,
Осадок быта на душе.

IV. 1947

ПОХОРОНКА

Он лежал не один: шевелилось внутри и вокруг
В жизнерадостном трепете разнообразное тленьё.
Он постиг, он проведал: попав под солдатский каюк,
Он стал частью родимой ландшафта,
земли и растенья.

Плугом врезался в землю разорванной пушки
лафет;
На ничейной поляне качались высокие травы;
Новый, смиренный жилец, ежесуточным солнцем
прогрет,
Обживал обыдённость необыкновенной оправы.

И шаги раздались, и солдат подошел к мертвяку;
Взял кисет, что лежал в стороне; усмехнулся
невзрачно;
Постоял, поглядел; не спеша завернул табачку;
Ещё раз ухмыльнулся мужчина недобрый
и мрачный.

И батальные сцены с Гомера до наших времён,
И подробности старых картин, и позднейшие
фрески
Пробежали в сознании свидетелями похорон
Непонятно и чуждо, как надпись
по-древнееврейски.

На войне, на войне, на войне, на войне, на войне
Надо счастливу быть, чтобы так умереть
превосходно.
Чтобы трупом вполне уцелеть, надо счастья
вдвойне,
Так как будет так точно, как случаю будет угодно.

Мысли хуже не стали и легче не стал карабин,
Когда двинулся прочь брат-солдат, утомлённый
и тощий.
Поминай высоту двести тридцать один ноль один,
Где, сражаясь с фашистами, пал неизвестный
близ рощи.

V. 1947

ЯЗЫК

Мы живём в безвоздушном пространстве
Не крича, не шепча, не дыша...
А попробуй по жизни пространствуй
Странной переступью антраша.

Все повадки и навыки лисьи
Израсходованы меж потреб,
А большие и чистые мысли
Не годятся к обмену на хлеб.

На соседей оглядки бросаючи,
Под оглядками ближних бредя,
По-людски, по-собачьи, по-заячьи
Подставляем умы для бритья.

Брейте, перебирайте, стригите,
Укрощайте, корняйте, обтрясывайте,
Чтоб бессмертных сдержать на граните
Воплощенных мечтаниц о паспорте.

Что ж это происходит? По-видимому,
Как на чей, а на бережный взгляд –
По-госкливейшему, по-обыденному
Нам приказывают и велят
Наших горестей писк комариный,
Наших болей удержанный крик...

И виденье казнённой Марины
Кажет высунутый праязык.

VII. 1947

ЛИХО

О, бедный homo sapiens.

Б. Пастернак

Не пригнуто, так согнуто...
Кривая – вывози
Апостолов инкогнито,
Виденья на мази!

Эх, имярек, замызгался
Вещей круговорот,
Среди которых сызмальства
Живет твой грешный род...

Они в тебя прицелились,
Забрали под конвой,
Поддели дух на пёревязь...
Глядь: ты – живым-живой.

Гляди-гляди! – проспёрити
Гравюрой на медí,
Украсясь пузом спереди,
Маячит впереди.

Нам прибыля́ умножить бы,
Раздасться б в ширину...
Всё может быть, всё может быть,
Всё может быть! – ну-ну...

Внутри, вокруг и около –
У са́мого жерла –
По́ди, видать и сокола,
Заметить и орла.

Всё взвешено, подсчитано,
Промеж разделено,
Водружено на щит оно,
И со щитом оно.

А горе наше луково
(Пущай – малым-мало!)
Из склепов душ аукало,
Искало и звало.

По смыслу «para bellum'a»
«Так точно!» быть должно.
Что молодо, что зелено, –
То в смерть отведено.

Ведь «sapientis homini»
С раздумьем хоть на грош
Сегодня ты ни в доме, ни
Снаружи не найдёшь.

Не высмотреть, не вынюхать,
Не подцепить в пути...
Да напорись на мину хоть,
Шаром хоть покати!

Взгляни, опершись на́ локоть:
Не жизнь, а разлюли-
Малина... Это, стало быть,
Должно быть, от любви...

А может быть, на облаке
Или на небеси
В своем лукавом облике
Подвешен – так виси?

Прорежет флейтой-пикколо
Грома громов, что от
Смешного до великого
Один твой шаг ведёт.

ТЬфу! – да чего ж вы смотрите
На эту благодать?
Чай, не помрёте до смерти?
Двум смертям не бывать?!

...Иван Ильич Непомнящий,
Себе не пособия,
Узрев людское сонмище,
Доносит на себя.

Степан Лукич Всеспорящий –
Не человек – бурав! –
Лишается на сборище
Всех самых полных прав...

Поэзия, поэзия –
Микитки обнажа,
Тупя лихое лезвие –
Ты режешь без ножа.

XI. 1947

ВАНДЫШ

Смерть да смерть кругом:
Рай – ни дать ни взять!
Марш! – ать, два... Кругом! –
Ать, два... Стройся! – Ать...

Ни поэзия, ни проза –
Явь лежит в клещах гипноза,
Снов плакучая берёза,
Жизни вящщая угроза.

Может – сперепуга,
Может – просто так
Предают друг друга
Умник и дурак.

Смерть да смерть кругом:
Ад – ни дать ни взять!
Стой! – Ать, два... Кругом! –
Ать-два... В ногу! – Ать...

Может статья, этот олух –
Вислоух, а из весёлых! –
Мысли петушиный сполох
Вздует в городах и сёлах?

Елью сиволапой
Мужичок обмяк:
Драпай, ёжик, драпай,
Отбивая шаг...

Смерть да смерть кругом:
Жизнь – ни дать ни взять!
Пли! – Ать, два... Кругом!
Ать, два... С песней!! – Ать...

Ноги суй, солдат, в онучи,
Кашу – в брюхо, пулю – в лоб,
Неподавленный, вонючий,
Ухмыляющийся клоп.

XI. 1947

СКАФАНДР

В потугах творческих сначала
Я нужных слов не находил:
Мне всё вокруг обозначало
Желанный символ тайных сил.

И не в названиях было дело,
А в том, чтоб наспех продохнуть
Всем тем, что пело и летело,
Стремглав переполняя грудь.

Потом пришёл отбор понятий,
И вместе с ним такая статья,
Чтоб на натянутом канате
Стоять, ходить и танцевать.

Теряя силы на размене,
Копя проросшее зерно,
Дыша тугим обменом мнений,
Задохнуться немудрено.

Но в крепко спаянном скафандре
Я проникал до дна глубин,
Где б надлежало быть Кассандре,
Куда сходилась клином клин.

И там отстаивалось слово,
Там слово начинало петь,
Там ветренность всего живого
Оно в свою ловило сеть.

Скафандр мой цел. Надёжен ворот,
Меня влекущий на волну.
И я, уютом не поборот,
Готов спускаться в глубину.

XII. 1947

СВИДЕТЕЛЮ

Средь разного рода лишений
Единую знаешь поживу,
Которая в центре мишени:
Быть живу, быть живу, быть живу.

Очнись, отряхнись и ответствуй
Насупленному супостату,
Что мысли греховному месту
Быть святу, быть святу, быть святу.

Но помни, не гневаясь впрочем
В ответ на позорную тему,
Что лучше тебе, как и прочим,
Быть нему, быть нему, быть нему.

Прищурясь, посматривай: эко
Досталось в наследье к беспутству
Свидетелю нашего века
Быть слепу, быть глуху, быть пусту.

1. 1948

ФИЛИН

Кроя́ слова и так и эдак,
Я объяснить порой бессилён:
Какой концепцией разведок
В ночи угукаю, как филин,
У чьей мечты на поводу,
Как заколдованный, бреду,
Что́ – клятвенно, как на духу –
Вверяю своему стиху.

Все склонны наполнять окрестность
Трезвоном личных колоколен.
Вполне понятна неуместность
Того, кто здрав, средь тех, кто болен.
Не выяснено: ко двору ль
Направлен брэнной жизни руль,
Нацелившейся в пустоту
Под гвалт: «ату её, ату!»

Но если строй нутра целебен,
Какая может быть обида:
Пусть распускается молебен
Над тем, что вроеет панихида,
Ещё пищащим на бегу
Ревниво-мудрое «агу»,
Ещё воркующим «уа»
На тон загробных амплуа.

Угрюма ночь. На вихре свежем
Слетаться б чумам и проказам.
Кастрирован и обезврежен

Весь, даже самый малый, разум.
Того гляди, загаснет уж
И кроличье дрожанье душ...

Могёшь ли ты? Могу, могу
Сиреной выть в ночи «угу-у!»

I. 1948

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Э.В.Г.

1

Вынают, с ходу трепеща,
Аккордеон из-под плаща:
Воняет плащ резиной.

Аккордеон новёхонек,
Он принесен разиней, –
Тем, что похож на окуня,
Тем, что сейчас разинет
Всю пасть аккордеонову,
Тем, что под розовой осиною
Завоет песню по-нову.

2

Осенняя осина –
Дешёвые дрова –
Не сукина ли сына
Под тобой голова?

Твои, матушка, корни –
Заветный твой покой –
Загаптывает ёрник
Чечёточной пятой.

Не верь словам Шульженки,
Русланиху души:
Они снимают пенки
Со всей твоей души.

3

Эй, Митюха, эй, Алёха,
Жить на свете вовсе плохо...
Наша жизнь – крошево:
Ничего хорошего!

Чтоб прожить на свете хитром,
Сбегай, Ванька, за поллитром,
Не забудь закусочки –
Квашеной капусточки.

Мы водочки выпьем-выпьем,
Из макушек горе выьем:
Не вяжись веревочкой
За весёлым Вовочкой.

У нашего у Володи
Сапожки не по погоде...
Целу ночку нынечко
Спать Володке с Ниночкой.

Ох-ти, ах-ти, эх-ти, ух-ти,
Ух-ти, тухти – берено-лахухти, –
Наша совесть девичья
Застоялась давеча...

Эка Катя, Катерина,
Терина́-Катёрина,
В ей порода ма́терина,
Может быть уверена!

4

Не верю я. И ты не верь.
То – тетерев зовет тетерь.

Не трожь. Не кличь. Не вырони.
Прилип. Не денется теперь.
И перья растопырены.

5

Развернулась веером
За поляной рощица;
Ветерок – несеверен –
Меж ветвей полощется;
Пепельному солнцу в поле
Сетуй о плакучей доле;
Над берёзой – что разлукой –
Лёгкой памятью аукай.

I. 1948

ПРОХОДИМЦАМ

Рядом с творцом суесловий,
Гимнов, похвал и анафем
Вежливей, но бестолковой
Думать, что мы не потрафим.

Нас не собьёшь с панталыку:
Ведомо нашему оку
Знать, что не каждому лыку
Надо быть вписану в строку.

Если мы в том просчитались,
Что не вопили «подвиньтесь»,
Что зачастую анализ
Мы принимали за синтез, –

Если мы в том прогляделись,
В чём не прогляден деляга,
Хват, балагур и владелец, –
Что же?.. – да будет нам благо.

Чем уж мы так не годимся,
Так уж не вылезли рылом,
Что даже у проходимца
Числимся самым немилым.

Лучше ль в ответ «кукурекам»,
Значимым в мире курином,
Прежде, чем быть человеком,
Пыжиться стать гражданином.

Не увлекаясь, ни в коем
Случае, мертвенным чеком:
Сделаться вящим героем
Прежде, чем стать человеком.

Может быть, в царстве пернатых,
В царстве хотя бы орлином,
Мы в поднебесных палатах
Сыщем прощенье всем винам.

Ты-то, поэт, не беснуйся
В гордом расчёте на вымор:
Господи твой Иисусе
Властен и в царстве кикимор.

Яму бездонную вырой
Музе бездомной и сирой.
К мысли своей апеллируй
Точной и бережной лирой.

II. 1948

СЮРКУП

Шествуй с музыкой и с песнею,
Вширь на животе ползя.
Получай за службу пенсию,
Коли взятки брать нельзя.

Невзирая на коррупцию,
Ковыряя щёлки в рай,
Собственной своею «руцею»
Духи ближних предавай.

От дневного света вянущий,
Мрак несущий в стан теней,
Где найдешь себе пристанище,
Людоед и лиходей?

Покрывайся свежей плесенью
От мозолей до плешин:
Да излечит хворь телесную
Собственный пенициллин!

Точно так ведется издревле,
Что, попавши под прицел,
Кое-кто от жизни выздоровел
И от смерти уцелел.

П. 1948

СТИГМАТЫ

1

Выкинув мысль об экзамене,
Словно студенты,
Жизнь проводили под знаменем
«Dolce far niente».

Только б по самую полночь нам,
Только б подольше,
Только б в сиянии солнечном
Вечного «dolce».

Вспыхиванье, словно волчье, фар
В вареве быта
Лжёт, что концепция «dolce far
Niente» – убита.

2

Быть навеки подговаривал
Клейкость утра,
Пенье птичьё, зарево –
Nec plus ultra.

Облечённый в беге беличьём
Быть близ пульта,
Вёл неполный перечень
Nec plus ultra.

Констатировал уклончиво
Цепкость культа,
Что было не очень-то
Nec plus ultra.

Но лучи для нас невидимы
Инфра-, ультра- –
Наша жизнь, по-видимому,
Nec plus ultra.

V. 1950

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ

Сытый голодного подразумевает.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

*Пока над вами светит солнце, радуйтесь,
А мёртвым счастья и богатств не надобно.*

Эсхил, «Персы». 841–842

1

Солнце – матью –
Нравоучительствует
Здорово и материалистично.

Месяц – Пантелеймоном –
Качается
Укоризненно и елейно.

Живой разлив
Почек, листьев, лепестков,
Веток, цветиков, злаков,
Трав, корней и былинков.

Душистый винегрет
Мелкопоместных и владетельных
Овощей и корнеплодов.

Сочная тяжесть
Отставных плодов.

Потомственное разложение
Осунувшихся цветов.

2

На условленных местах
Нетерпеливо комсомолятся девчонки
Или нервничают пареньки,
Запоминая влюблёнными телами
Разнообразные процветанья.

По солнцепёкам
С полей тащатся дачницы,
Уткнувши точёные носики
В неудобные букеты.

В садах
Стайки сорванцов
Наскоро набивают постные брюшки
Неустороженной добычей.

От опушек
Тянутся оравы детворы,
Хозяйственно согнутой
Под грибным грузом.

По рынкам
Вдосталь удобренные хозяйюшки
Выкатывают острые глазки
На отлежавшееся богатство.

У приятелей
Семейные ответственные работники

Штурмуют тёпленьких капризниц
Щедрыми великолепьями
Иностранных вкуснятин.

На перронах
Клетчатые джентельменки
Плотоядно фыркают
В охапки мертвецов.

С кушеток
Только что отлюбленные нэпячки
Удовлетворённо растопыривают ноздри
На подвластные цветники.

3

Буйное вундеркиндство тополей;
Угарная острота черёмух;
Утрированные колпачки каштанов;
Шершавые подмышки бузин;
Земляная сочность сиреней;
Огуречная свежесть жасминов;
Лёгонькие крылышки шиповников;
Ювелирные подвески боярышников;
Озябшее шушуканье осин;
Льстивые диваны ив;
Тёмная гордость ольх;
Узорчатая горечь берёз;
Ржавые ноги рябин;
Крепкое шуршанье дубов;
Сухая разморенность сосен;
Просмолённая прелость ёлок;
Непролазные заросли орешников;
Сладкая гарь лип.
Поднебесный простор сена;

Меховые сугробы мхов;
Добродушные своры репейников;
Шерстяные веера лопухов;
Вспыльчивые стаи крапив;
Пряные горлы дягилей;
Ситцевые куколки мальв;
Укромные рюмки повилик;
Китайские зонтики анисов;
Прислушивающиеся головы подсолнечников;
Связное перестукивание камышей;
Стеариновые фарфóры водяных лилий.

Акварельные кулачки кувшинок;
Медовая сырость незабудок;
Багровые макушки конских щавелёй;
Трепещущий бисер богородицыных слёзок;
Растрёпанные конуса петухиликуриц;
Пушистые мизинцы тимофеевок;
Лимонные огоньки лютиков;
Обгорелые головешки одуванчиков;
Пролетарские созвездья матрёшек;
Солнечная лекарственность ромашек;
Колыбельная безвольность колокольчиков;
Зубастые гирлянды мышинных горошков;
Двухголосная пестрота ивандамарий;
Открытые ранки гвоздик;
Летние небеса цикориев;
Финиковые косточки хлопушек;
Бенгальское пламя чертополохов;
Острые зубки маргариток;
Интимная нескромность ночных фиалок;
Щетинистые брошки полевых астр;
Раздутые ноздри львиных зёвов;
Липкие язвы дрём;
Театральные капоры кашек;

Выцветшая ветхость бессмертников;
Суховатый мёд васильков;
Пыльная хина полыней.

Скромные ёлки ржей;
Полные косы пшениц;
Усатые хребты овсов;
Дурмящая вялость коноплей;
Отяжелевшие султаны просов;
Поджаристые брызги гречих;
Голубоглазые жилки льнов;
Пышные усы ячменей.

Стеклянные бусы смородин;
Карамельные пузики крыжовников;
Мокрые губки малин;
Близкие глаза вишен;
Выпуклые лбы клубник;
Загорелые лысины яблоч;
Отёкшие окорочка́ груш;
Распухшие гланды слив;
Веснушчатые носики земляник;
Выдавленные капли костяник;
Пресное сусло черник;
Горьковатые пригорки брусник;
Раскалённые ячмени волчьих ягод;
Вяжущая сладость можжевельников.

Прыщавые нарывы мухоморов;
Влажные струпыя поганок;
Сырые пузыри дождевиков;
Гончие подпалины зайчат;
Рыжие лилии лисичек;
Вылупившиеся шишки шампиньонов;
Карапузная спесивость боровиков;
Краплёные стволы подберёзовиков;

Бесстыдный приапизм подосиновичков;
Сопливые толпы маслят;
Разноцветные блюда сыроежек;
Мохнатая мертвенность груздей;
Крепкие уши рыжиков;
Скользкие болванки валуёв;
Продрогшие пучки опят;
Дешёвая крепость сухарей;
Розовая фланель волнушек.

Скрипучая пышнота капуст;
Ревматические опухоли картошек;
Деревянные кубари реп;
Лошадиные коленки свёкол;
Ядрёные корни морковей;
Хрупкие шелка луков;
Обдрипанные миноги петрушек;
Помойная доблесть редек;
Детские трупики спарж,
Девичья старость редисок;
Тупая талантливость огурцов;
Морская свежесть укропов;
Крепкая непристойность хренов;
Напряжённые груди бушм;
Свиные туши кормовых свёкол;
Здоровенные вымена тыкв.

Холодные ляжки дынь;
Футбольные ядра арбузов;
Мускулистые волокна ананасов;
Мозолистые комья гранатов;
Потрескавшиеся губы апельсинов;
Ликёрные язычки мандаринов;
Ватные шейки бананов;
Аппетитные ягодицы персиков.
Сладкий пот резед;

Горькая свежесть астр;
Грудная сладость роз;
Мягкий перец левкоев;
Пленная томность табаков;
Картофельная юность вербен;
Уездный яд бархоток;
Плакучие метёлки мят;
Податливые щёки маков;
Медузы прически георгинов;
Нежный батист душистых горошков;
Узорные лапы папоротников;
Огненные бокалы лилий;
Епархиальная наивность анютиных глазок;
Надушенные чепчики гелиотропов;
Гусарская пустота пионов;
Кружевная мякоть гвоздик.

Густые кусты азалий;
Любопытные мордочки альпийских фиалок;
Бескровные щупальцы хризантем;
Выдохшиеся ладони персидских сиреней;
Непристойная распущенность тубероз;
Изнасилованная бледность лилий;
Мясистая вонь гиацинтов;
Ненасытная извращенность орхидей;
Шикарные махры гортензий;
Обнаженная теплота мимоз;
Важная безуханность тюльпанов;
Чахоточные свечи нарциссов;
Недоношенные шепотки подснежников;
Коротенькие горсточки фиалок;
Восковые фигурки ландышей;
(da capo al fine).

III. 1927

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ

*Во всех «просперити» есть
опасность излишества второго «п»*

«Der» «mot»

1

Один однажды шел домой:
Все в одиночестве шли толпой.

Живые лужи теней
Вели плоский перевод,
Перемещались, рисуя
Присвоенный висеньем плод.

Оголтелое буянство
Сияло немощным пятном
Немую схватку постоянства,
Любви, забытой под окном.

Как своевольно равновесье
Исподней верности теней,
Какой выгодной смесью
Ляжет как тень от жизни моей.

2

Это, как обыкновенно, граждáne,
Как вихрь, я впустил её в себя;
Нет ни мне, ни ей оправданья;
Как вихрь она во мне, как вихрь.

Перегрызу о ней ногти.
Натреплю о ней вихри.
Вход в её жильё, как в дегте,

Во мне: – и все гогочут,
Заголя подноготные икры:
Так как все того же хочут,
Как жрать утренние тигры.

3

На сберегательное дышло
Нанизан заимообразный конь.
У человека чегой-то вышло:
На лице лежит ладонь.

Древним парусом бумаги
Опрокинут в солнышке дом.
Я проверил вкус зигзаги
Ветром: см. Карл Маркс, стр., том.

Я не робок, как цитаты
Солнца, ветра и воды:
Я любил её когда-то
Под влиянием звезды.

Принужденные лечить зубы
У современных знахарей
Знают этот запах грубый,
Этот утрированный сельдерей.

Вот и отвернулась крошка,
А я вонюю пренебрёг;
Мужеством, живучим, как кошка,
Жизнь любви её сберёг.

Не опрокидывая понятий встречи
Вполне уместным неприличьем,

Повторю: «великое красноречье
Обладает косноязычьем».

4

Никогда. Нигде. Нынче
Настаиваю непритязательно и обычно
На причастности поэзии
Ко всем, что походили, ездили
И вот – желают вести себя отлично.

И отлично! Её шевровые рúки,
Ногí одежда, руки нагие,
Могучий рот. Никогда. Руки́. Нигде. Рúки...
Какие? Какие такие? – Такие.

Никогда, нигде не отдам их ребятам,
Чтоб к концу пятилетки повстречать её ребята́й,
Чтоб никогда, нигде сильнее того сентября там
Не пахло полыньёю и мятой.

5

Трудов прокислая овчина.
Пойдемте спать, мужчина.
Поставьте клизму, сестра.
Любви мальчишеская мездра.
Не притрагиваясь жадным снам.
Тéла мыльное разложение.
Попы переодевают сан.
Она любила наслажденье.
Берёза выпила, как спирт.
Инвалид, побывавший в плену.
Воды распространяют луну.

Не препятствует, точно спит.
Играет на шарманке шарманщик.
Скотов погоняет погонщик.
Никто не верит обманщику.
Работает в бане банщик.

Трамвая бывший конь
Наспех несёт людей:
Брызжет немой огонь
Этих проволочных ноздрей.

6

От повелительных павлинов
До засиженных кур
Бродил я, память вынув:

– «Цур, цур, цур...
Я не заметил, девочка,
Ваших левых убеждений,
Когда настала спевочка
Взаимных упражнений».

До-ре-ми-фа-соль-ля-си-фи-лис...

– «О, немзыкальная угроза!
Ложь! Не отсюда б вывелись
Розеола, когда вы – как роза».

И вот санитарный гражданин
Ведет её к врачу.
И я теперь, как сукин сын,
Их видеть не хочу.

7

Деревья, напряжённые, как птицы,
Двигают личным утром и снегом,
Стоят над растерянным человеком,
Над пылом стихов и передовицы.

Я вижу, будто и ты видишь,
Как иногда такое настаёт,
Что каждый людской вкидыш
Выкидышем на свете как не живёт.

8

Он на диалекте чолки
Объяснился, как уж хотел-прохотел.

Но лапы его только у ёлки,
Может быть, и были б на высоте:
Он их растерянно прячет,
Не знает, куда развесистые девать.

Изумлена. Да что ж это значит,
Что её не трогают, как на кровать.

Все знают, как мне чужд
Из-молодых-да-ранний рост.
Но эта вежливая чушь:
К кошке её под хвост.

9

Мне ни вдруг, ни исподтишка,
Ни вот так, как всегда,
Не заморить голодного червяка,
Заморённого, как звезда.

Этот голубенький и розовенький светик,
Это, стало быть, зелёное сиянье
Брезжит и светает, как крестьяне,
Обыкновенно, как вода и дети.

Не мне. Ах, красавица моя, смирно, смирно!
О, красавица, покусанная клопами
По тем самым ночам всемирным,
Которыми шевелились по тебе движенья
                                мои, любовь моя, жизнь моя,
                                воспоминанья мои, сон мой,
  память моя.

10

Обыдённая обида:
Во́ поле собачий труп
Глеет, не смыкая вида.

Мальвы, цвѣта мѣртвых губ.
Маки, цвета жадных ртов.

Пыльный свет луной развеян.
Не волнуйся. Будь осмеян.
Будь доволен. Будь здоров.

Вот уж скоро каждый день;
Долго ещё, каждый век;
Сколько лет забыть мне лень,
Что это лепечет человек.

Жизнь, наставшая, как вещи,
Я шепчу твой вой зловещий.

11

В средствах оправдательной цели
Проявляя жест суеты,
Я присел на край постели
Любезной телу красоты.

Это зубоскальство сценок,
Как облизывая пальчики:
На дорогую! за бесценок!
«А что с ней, мальчики?»

Двадцать пять минут второго:
Дорогая, будь здорова
(Как теории основа
Марксо-Энгельсо-Ленина).

ТЬфу, чорт! Подвох. Расход. Она снова
Временно беременна.

12

Она его любила,
И он её любил.
Всё это было:
И я был.

Разрисованный мелом
Тоже не был занят делом –
Далёк, краист, лебязж –
Высокомерный кряж.

На том горластом тополе
Аукались птенцы.
Не сводила вó поле
Земля с концами концы.

Комбинируя сыр и пиво,
Отчего сыр и здоров,
Равнодушной объектива
Он помереть был готов.

Я помереть готов,
Как большинство людей,
Гигантскими шагами
Плеться за милой своей,
Шепча, плюя или свистя
На всё, что дорого:
Ну, вот-вот совсем дитя,
Устами которого.

13

Пылая прокусанный лучом негатив,
Я необдуманно зевал:
То был полупристойно кичлив,
Как наш осенний карнавал,
Неприкосновенный, общеобязательный
Вечер, исполняющий историю
Обстоятельной небесной неги,
Выводящий ускоренно
(Как поприща и наменьшинства)
Травы непрошенной побеги,
Любви сверхмногое единство.

Тут типа жизни, типа любви,
Типа внушительной теплоты,
Типа рассыпанных половин,
Соединённых в плоды.

Я – самый скромный плод,
Что живёт себе, да живёт,

Понимая что к чему
И не нравясь никому.

14

Как смертельная свирель.
(...Какая ель, какая ель...)
С места делает сальто,
(...Какие шишечки на ей!)

Он выбрал бритву. Плѣс её
(Дымный припорох асфальта)
Реки́, выгнутой, точно обнимая,
Точно светает. Белѣсое
Морганье ночного мая.

Бритва не тронет её альта, –
Который тогда не пел,
Когда припомненная Ялта, –
Будто он вспомнить поспел.

Женщина покроет песней
Твоё бездонное бритье;
Так как с ней еще прелестней,
Чем быть может без неё.

15

Не покидая тенистых,
Тенистых ее глаз,
Он высунул порцию свиста,
Которая неслась
Вперед по свету-белу:
А он за ней шѣл,
Прибитый к своему телу,
Как самый мокрый шѣлк.

Соловей, соловей, блядь-птичка,
Карамеленка, маленький цветок...

16

Паяй слепую плавь
Мертвых торчков того самого,
Что многие зовут так-то:
Апперцепция, рефлекс, синтетичность...(
А многие эдак-то.

Горе муругое. Матушка
Жеребёночка своего бережненько
Потчует. Кумыса максимы
Лоснят его сладкое мясо.

Сангина да кармин...

Но этот гражданин,
Который что-то строит,
Пристроившись на базе баз:
Эх, раз, что ли, да еще рраз...

17

Поверим мы иль не поверим
Приватной честности гражданства,
Когда построим стройный терем
Дешёвой силой голодранца?

Он вылезет убогим зверем
От заблаговременных шкур;
Коварный пробник, сонный мерин,
Сопливый чорт, амур для дур.

18

Вы думаете, чудеса, милсдарь?
Молодцы, что такое ду-ма-е-те.
Идите в звязду. Звезда?
Много туды сунуто! Остатки? Суньте и те.

19

Мне не по воле королевство
Отобранных чистот.
Законной связи раболепство
Поёт, как кот, и тот,
Кто буден праздник всевозможный
Вечерним кодом встреч
(Забудем этот признак ложный)
Умеет подстеречь.

Ах, хулиган, жульё, мошенник,
Процентный капитал,
Коллекционер дребеденег,
Буржуй, собачий кал.

20

Он знавал этих цып сладкоглазых.
Он поупотреблял этих цып.
На марксистских платформах и базах
Выводились такие ж птенцы,
Как и те, что крахмалы кормилиц
Поливали дореволюционным дерьмом,
А мякотью рылец
Уже грозили тюрьмой.

Не заметил он криво и дрябло,
Что в дыму диалектик маркси...

Зазвенело трезвучием набло,
Самородный грибок завелси:
Это – мерным дыханием искусство
Предъявляло свой косвенный сон,
Просыпáлось. Вставало. В буйство
Впадало так же, как и он.

21

Я лежу, хожу, играю,
Забываю, помню, знаю;
Я живу – упруг иль ломок –
Так же, как и мой потомок.

Мы топорщимся и лезем
С нашим счастьем крамольным,
С месивом страданий, нежностей,
Сбритых лезвием подпольным.

Пусть случайное потомство
Проживёт, ко мне приблизясь,
Нашу боль и вероломство,
Веру, катарзис и кризис.

Заведя свои прогулки,
Пусть оно почует, нежась
Близким привкусом разлуки,
Нашей жизни нашу свежесть.

22

Я вижу солнечную воду,
Отражённую берегом песка;
Тихое, седое облако;
И чёрную зелень леса.

Наверно спят рыбаки:
Что-то ругани их не слышать.
Наверно трусливые птицы
Напиваются теперь до отвалу.

Мне в лодке полно так,
Тихо и выразительно,
Будто я пуп земли,
Будто я красавица какая.

Отвечая настойчивым мыслям,
Порядочная рыба купается,
Вылетая из воды, озираясь
На громкую ей мою тишину.

23

Твою девчонку мотылёчью
Я обнял как-то летней ночью:

Холодновата. Красит губы.
Целуясь, обнажает зубы.
Веселым «корнем туалета»
Забронированно одета, –
Но не поймёшь, зачем ей это.
Таинственность того, что в блузе,
Доступна, как младенцу мать.
Неоткровенностью иллюзий
Сама спешит пренебрегать;
Торопит волю половую,
Прелестна и нежна, как ночь.

О, эту человечью дочь
Я с удовольствием целую.

24

Девушки гурковали:
«А в кого бы это влюбиться?»
Будто довольно трудно догадаться,
Что я являюсь принципатом страсти,
Что под боком такое есть,
Чему не быть вдали,
Что нужно только рядом сесть,
Пролепетав: «вали!»

Свою солидную манеру
Он пробовал продать на веру,
А если вере повредит,
Отдать кому-нибудь в кредит.

Неверен шахматный баланс
На бытовом пути.

Но если б можно с итальянс-
-Кого перевести,
Той бухгалтерии двойной
Парадные ряды,
Тогда б он шёл домой
И заметал следы.

Обыден и дебе́л обед
Средь супа и котлет;
Ложится жаркое жарко́е
На всякое такое.

Тогда ему не надо знать
Ни Марксов ни Спиноз,
Так как поёт его кровать
От сексуальных поз.

25

Шёл я ночью полевой
Мимо порослей деревни.
Каждый шаг мой, как левкой,
Отрывался в воздух древний.

Ночь катилась по ноздрям
Запахом своих угодий.
Я размяк: ну, просто срам,
Совершенно не по моде.

Что́ в земле? Что́ в небесах?
Что за лёгкость нежной дружбы?
И на кой мне это лях
После города и службы?

Чтоб освоить экстаичность,
Я устроил неприличность:
Но она, журча, бежит,
Не нарушив стройный вид.

26

Я догорал на часах,
Потому что их тугие стрёлки
С каждой секундой казали,
Что иль опаздывает миловка,
Иль вовсе не придёт.

Вокруг – безличный шум
К моему незаметному казусу.
Липко шипят автомобили,
Поджаривая скорости.

Я перебирал любовные услуги,
Которые пылал оказать
Неверной подруге,
Сумевшей, в лучшем случае, опоздать.

Прикованный к месту времени,
Я мысленно врывался в аптеки,
Я звонил, невзирая на мужа,
По запрещённому телефону.

Стрелка падала, открывая
Пятиминутную бездну разлуки;
Нетерпенье переходило в зевоту;
Отчаянье взрывалось ожиданьем.

О сколь лохматым псом
Я подбежал к ней, к ней, к ней,
Беглыми телесными словами
Выдающей удостоверенье верности.

27

Я вышел к пушистому сосняку,
Зелёному до синевы.
Небо над ним торопилось.
Птицы обгоняли облако.

Не наблюдалось грибов,
Продравших моховую скорлупу.
Не замечалось белок,
Развешивающих скаковые шкурки.

Одиноко толпилось
Слишком много меня,
Озирающегося, стремящегося,
Тихонького в тишине.

Я разбежался, по-людски
Разведя колючую волну хвои.
Я выплывал из глубокого компота
Юношески озорного леса.

Грибы прошли меня,
Найдя тяжелый шаг.
Деревья на меня
Наскакивали, как...

Не всё ли равно, если
Выросли быстрые шаги
В легкую память, в мысли,
Живущие вместе со мной.

28

Действительно, в советской действительности
Довольно много стремительности.
Довольно-таки вёсен, зим, лет.
И жёлтый осени билет.

На музыку спустя штаны,
Наклав навозной кучей стон,
Брюжжит на чёрные блины
Лихой, как жопа, патефон.

«Чего там было, вот-те раз!
Отказу не было в еде:
И оливье, и ананас...
А выпили! – что полк блядей.
Бежим туда! Скорей! Сейчас!!
Где Тонька, – там и рвется! Где
Мы, там in vino Веры таз!»

29

Рядом жили гипнотические сеансы
Чтения великолепных авторов,
Наверно прикосновенные,
Как широкая воля причин.

Эти самоубийственные светофоры
Открывали возможность убеждению,
Возможность глубокой апелляции
К заунывному обыкновенью.

Мне жарко видеть их ряды
По ту сторону шор,
Куда блистает светофор
Беспечной чехарды.

Зачем он хочет, прикусив
Заведомый ломоть,
Своим волнением уколоть
Абстракции курсив?

О, эта наглая, как ложь,
Как ябеда пари,
О (ать, два), эта (ать, два) лош-
-Адь, два, три, ать, два, три.

Свои поверхностные гу-
-Бы может простирать,
А я, как будто, не могу,
...Два, три, ать, два, три, ать...

Её такая голова,
Которую нельзя
Ни целовать, ни дать, ни взъ-ать,
Два, ать, два, три, ать, два.

Пейзаж проколот, как серсо,
И выколот, как глаз.
Младенца выклик: «холосо!»
Мне и нам не указ.

30

Я ночью чуть не в слёзы упирался
О том благодушном пастушеском собаке,
Что погибает по зимам на нашем дворе
Под внимательным равнодушьем жильцов.

Мохнатый, продрогший, невыспавшийся
(от перманентной сонливости)
Сидит он, пошатываясь, на буром снегу среди двора.
Молчат его половые струны,
Дрожат его лапы, уши, глаза.
Нервно позёвывает. Даже не хочет есть.

Пьяный сапожник выходит блевать.
Возвращаются со служб разнообразные беги
соседей.
Сюсюкают возгласы: «Бобинька, собачка!..»
Глубокая мерзлота гонит его на чёрную лестницу,
Чтоб там прополусуществовать,
Уткнувшись тощим носом в родимое благовонье
паха.

31

На клумбе тихо процветали
Породистые травы и цветки,
Ожидая вниманья садовника
Или грубых рук любовника:
«Что-нибудь эдакое из нас сотки!»

Сотку́. Сотка́л. И что ж? (:)
Чтоб не вздумали чего встречные красы́,
Я прячу в карман цветы,
Обвернутые папиросным пипифаксом,
Упёртым из машинописного бюро.

Альпийские фиалки –
Тц!

32

Проснулся я ночью, – да нет! – не заснул ещё,
А вытолкнулся изо сна широким жестом нежности:
Она пригласила на тур ретроспективной любви.

Я надавал любимой кучу прозвищ,
По скромности не сказанных наяву.

Я исполосовал любовное лицо
Порхающими тельцами поцелуев.

Медлительным и упрямым шагом похоронной
процессии
Наклёвывались происшедшие кадры
Нашей отвязчивой взаимности.

Мне стало тускло так
От этих стеклянных поминок.

Наверно я заснул что́ ли.

33

Всяк по-сво́ему капризен
И по-сво́ему сутул:

То, чего не мог Фонвизин,
Может Пруст или Катулл.

Мне набрякал эгоист
О своей паскудной жизни;
Изложил он – подавись! –
Про труды, любви и грызни.

Неприятный индивид:
Дерзкий и несимпатичный...
Но, по-видимому, нынче
Каждый сам собою сыт.

Да и как же быть иначе,
Если всяк оттуда начат,
Где б другому человеку
Перед смертью слать в аптеку.

Где б другому...
  Что за чорт?..
Кажется – я наврал,
Кажется – невзачёт
Сей полифонический хорал.

34

Я брёл по свету выпуклого дня,
Обширный и неотвязный, как мысль.

Выспавшийся сытый шорох
Переполнял, как меня,
Людей, присвоенных
На моих лишних глазах.

На разные голоса
Тянулась свора идей
В эманации упрямой головы,
То есть головы моей.

Мне б покричать что ли
От встречной неволи?

Нет. Сквозь призму спазмы
Я мусолил таинственно
Инъективную истину
О том, что единства разны.

Или приблизительно о том.

Тема-то, собственно, ведь
Касательно житья.

Нашлэндавшись вошёл в дом,
Где родился, живёт и может умереть
– Я.

Потом...

35

После единоголосной фуги,
Прожитой за тринадцать лет,
Он со мной, как подруги,
Которых не было, как нет.

Начерно намечены роли.
Начинается. О пульт постукав,
Он ведет глубокие рои
Копощащегося смятенья звуков.

Афористичная музыка
Говорит о вещах,
Влекущих за узду́ узника,
Взятого в плен, в дух, в прах.

Подмигивают члены профсоюза:
Негостеприимны, как глаза,
Оркестранты. Какая обуза
Для моего категорического туза!

Каждый – максимум клещ;
Им бы антисоветскую власть;
Пожить бы им – перевласть;
Их – в заграничную бы вещь.

Улетучивается пот,
Разоблачается цель:
Разговаривает, поёт
Видимо-невидимая цепь.

Он сидит, к роялю приладя
Свое длинношее тулово,
Пальцами на прикладе
Созвучий: от великого до утлого.

Два голых куска тела
Подвижно выдавливают тона.
Шикарно-траурный ящик
Голосит не своим голосом. Луна.

Нестареющей силой отекли уши.
Не хочется из лесу уходить:
Всё б сидел над ручьём
Около возвратного пейзажа.

Гражданин Прокофьев душит
Наши пасквильные души:
Надо им помереть,
Чтоб потом жить и петь.

X-XII. 1932

POST SCRIPTUM

Поэзия – вибрация смысла.

СОЛОВЕЙ

Жизни круг почти очерчен,
И медовый соловей
Тусклым басом, будто шершень,
Трелью брякает своей.

Но восходят постепенно
Лист салата, цвет и ель,
Наполняя силой тленной
Громобулькающую трель.

Повышается, тончится,
Высвистывается она:
И выходит, что уж птица
Снова кличет сердцу: «на!»

Снова бьёт крылом надежды
Огнедышащая трель,
На тускнеющие вежды
Нагоняя прежний хмель.

V. 1949

НАМ БЫ

Нам бы, нам, бродя по саду,
Целоваться в том саду.
Сядь сюда. Я тоже сяду
И беседу поведу.

Пропылённые сусеки
Сердца памяти седой
Не солгут о человеке
С незатейливой судьбой.

Вот и хочется в садочек,
Где у клумбы, проще мальв,
Души «капитанских дочек»
Метят судьбы сонмом альф.

Штатские мои, родные,
Я вас вовсе не виною:
Вы берёте у стихии
Необычное меню.

Я ценю такие свойства,
Я разыскиваю их,
В основные кадры войска
Вхож тех свойств мельчайший штрих.

Нет на свете, есть на свете...
Нет на свете ни хрена,
Отчего бы наши дети
Зажили полным-полна.

Оказывается, раньше,
Чем такое написать,
Надо было генеральше
Что-то там расцеловать.

Губы тянутся к родному,
Не прозябнет в сердце фальшь,
Наплевать нам на истому
Всех на свете генеральш.

IX. 1949

ОТСТАВШИЙ

Е.А.Б.

Незабвенная Кумса,
Нашей памяти краса,
Поседевшей пеной метя
Плюшевые валуны,
Выкликает междометья
Мутным шелестом волны.

Я вас вижу, помню, слышу,
Знаки стряхнутой судьбы:
Под соломенную крышу
Своевременной избы
Вы летите, воя ровно,
Будто плача, глядя словно,
Шевеля большие брёвна
Неуклюже, как гробы,
И внезапно у плотины,
Зашумев еще грозней,
Оставляете меж тины
В прядях скользкой паутины
Зелень мертвенных костей.

Что это вы? Нате, нате
Снов трухлявых костяки!
Выдавая пустяки
Милой реченьки-реки,
Посередь слепых занятий
Ветви памяти клоня,
В десять тысяч раз мохнатей,
Чем вожак лешачьей знати,
Посмотрите на меня,
Во сто тысяч раз угрюмей,

Чем испод моих раздумий,
Погасите очи дня, –
Все равно, не быть нам в горе
Меж неведомых историй,
Где поет: «memento mori!» –
Пушек дряблая рычня.

V. 1949

ПТЕНЧИК

Средь обывателей, талантов, пьяниц,
Тупиц и гениев висит гнездо,
В котором каждый птенчик – иностранец,
Пришпиленный к подолу Виардо.

Нет ничего колючее и злее
Рулады вялой ежедневных гамм,
Проложенных небрежно по аллее,
Ведущей непосредственно в твой храм.

Торчмя торчит глававый набалдашник
Слепого разума двуногих злюк,
Которым сор идей позавсегдашних
Сегодня обезвредить недосуг.

И в магии таинственного слова,
Клеймящего узлы разлук и встреч,
Полна значенья самого простого
Высокая значительная речь.

IV. 1948

Георгий Оболдуев. Фотография. 1920-е годы

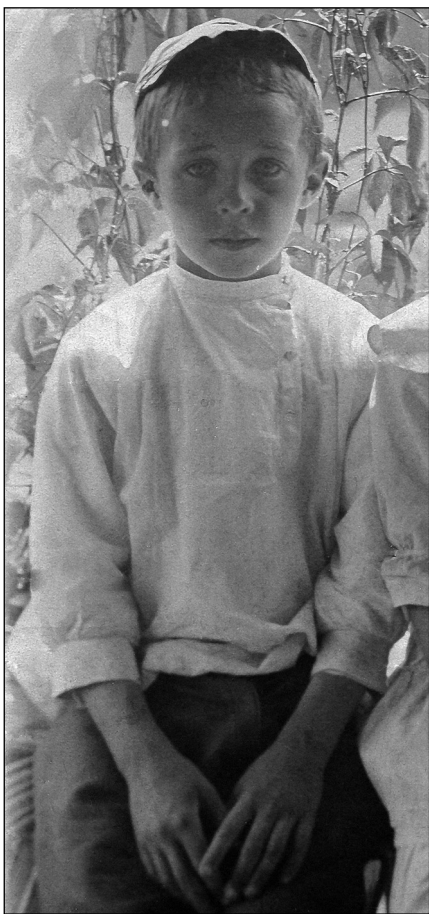
Николай Платонович Оболдуев. Фотография. 1900-е годы

Мария Константиновна Оболдуева. Фотография. 1900-е годы

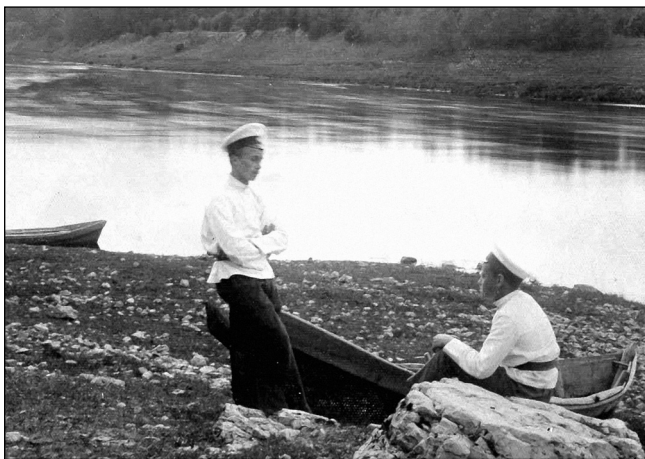
Слева направо: Юлия, Мария Константиновна, Николай Платонович и Георгий Оболдуевы. Фотография. 1902–1903 годы

Георгий Оболдуев. 1908 год

Георгий Оболдуев со своей няней и сестрой Юлией около дома в имении Дорки. Фотография. 1904 год

Георгий Оболдуев с двоюродным братом Владимиром Шумилиным. Фотография. 1914 год

Георгий Оболдуев. Фотография. 1912 год

Георгий Оболдуев с бабушкой и дядей.
Фотография. 1912—1914 годы

Георгий Оболдуев (крайний слева) на даче.
Фотография. 1914—1915 годы

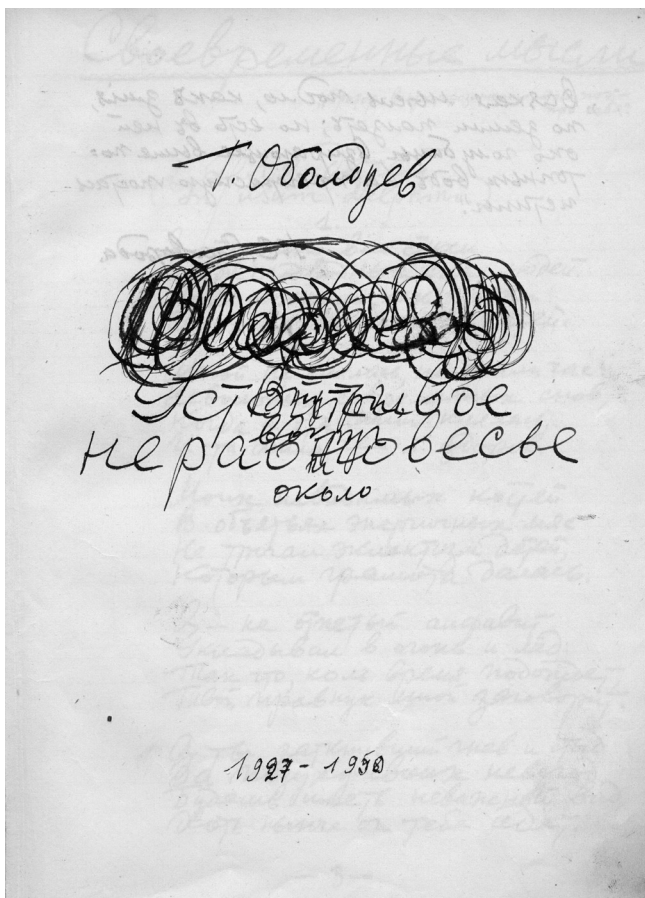
Георгий Оболдуев с дочерью Василисой. Фотография. 1936 год

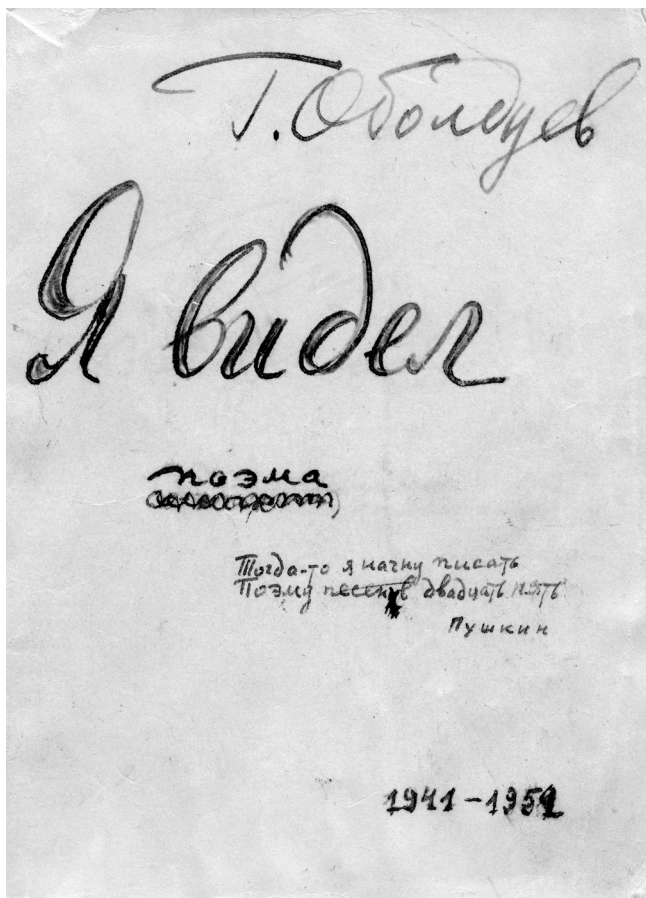
Георгий Оболдуев. Фотография. 1934 год

Георгий Оболдуев с Николаем Яновским.
Фотография. 1935 год

Титульный лист рукописного сборника
«Устойчивое неравновесие». Автограф. 1950-е годы

Титульный лист рукописи поэмы «Я видел».
Автограф. 1950-е годы

Здание театра Беломорско-Балтийского комбината (ББК).
Фотография. 1936 год

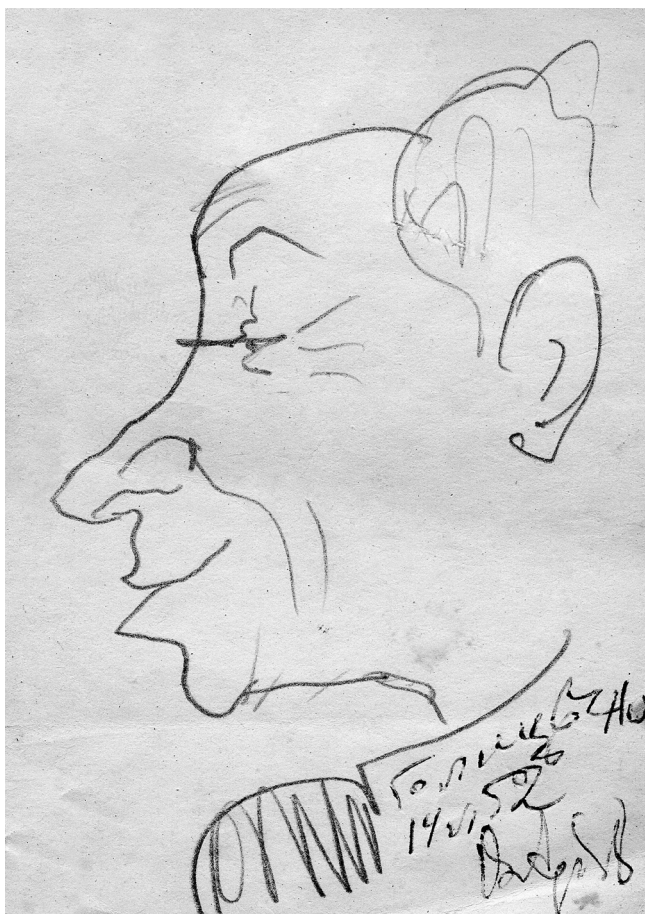

**Группа театра ББК после спектакля «Евгений Онегин». Первый
справа во втором ряду — Г.Н.Оболдуев. Фотография. 1936 год**

Георгий Оболдуев. Фотография. 1946 год

Георгий Оболдуев.

Дружеский шарж Виктора Ардова. Голицыно. 14 июня 1952 года

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ЦИКЛЫ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

ЛЮДСКОЕ ОБОЗРЕНЬЕ

§§ 1, 2, 3, 4

Радуйтесь, хоть и недолго вам жить,
Милейшие люди,
Дорогие мои товарищи
По жизни и смерти.

В этом до звёзд налитом мире
Следует во всё как можно шире:
Внюхаться по сон,
Вглядеться по аберрацию,
Вслушаться по сердце,
Вдуматься по память,
Вжиться по уши.

Тем более что перечисленное
Столь же безобидно
И заразительно,
Сколь дышать.
«Откуда видно»...
...Это прямо поразительно!..
«...Что и требовалось доказать».

§§ 1, 2, 3, 4

«Я, де, мол, старательно расчерчу,
Что ты тут передо мной ни развесь».
Развешиваю. Подавись. Чересчур
Окно, чересчур небо, чересчур здесь,

Чересчур пригоршней
Света оттопырен рельеф;
Глазами выкрашенный выброшен
Человек каких-то лет.

Тихо идет, голову опустив,
Руки в боки,
Точно мир акустически –
Безукоризнен, темой – глубок.

Уравновешенная сложность
Откровенна, будто вопит,
Что на нее открывается
Всевозможнейший вид.

Наскакивает на тень,
Отставшую от девицы
Вывихнутым крылом
Подстреленной птицы.

Свежо упирается подошвой
В живое оперенье земли,
В день до чрезмерности хороший,
Присутствующий наподобье семьи.

Гораздо проще
И сложнее в сто раз
Нечто вроде роши
Распределяет контраст.

Следовательно тут
Колтун орешника над травой,
Копотью мошкеры цветут
Запахи, гудящие над головой
Того, кто только что пройдя
Поломал безмолвную ветку,
Травинку покусал; а немного погода
Еще набуйствует, как спокон веку.

§§ 1, 2, 3, 4

Мы не из той породы, что склонна
Сахарить губы любимому;
Не к чему нам на земле зелёной
Индивидуализировать нелюдимость;
Да и пристало ль нам экономить
До крови вкуснейшие губки,
Вспоминать, забывать иль помнить
Чьи бы то ни было поступки?

Нет, нам этого не пристало.

Зато видим, что оправляется удивленная трава,
Что по промятому следу
Еще животные следуют,
Что облысевшей землёй льётся тропа.

§§ 1, 2, 3, 4

Рабочий, интеллигент, крестьянин,
Мужского и женского рода,
С индифферентными придатками семей и детьми;
Всякое вокруг удобное расстояние
И елико возможная погода
Вот каким представляется нужным
Видеть мир.

Рабочий, крестьянин, служащий, ученый, творец,
Движеньем тела иль мысли излагающий сознание,
Мир вами растормошен вконец,
Вы, так сказать, его знамя.

Зубная и прочие щётка, гребёнка, мыло, вода,
Зеркало, бритва, пудра, помада, духи,
Шапка, фуражка, картуз, шляпа, шляпка, платок,
Шуба, куртка, пальто, доха, тулуп, непромокашка,
Шарф, кашне, калоши, валенки, боты, сумка,
портфель,
Штиблеты, сапоги, башмаки, полуботинки, туфли,
Брюки, юбка, кофта, блуза, толстовка, пиджак,
рубаха,
Платье, костюм, чулки, носки, подштанники,
сорочка, панталоны,
Пояс, галстук, воротничок, подтяжки, лифчик,
бюстгальтер, подвязки,
В чем, мать, родила, кожа да кости, говядо.

§ 5

По полю идет молодой человек.
В траве свирисят кузнечики.
Он размечтался о зубовном жемчуге
И прочих обстоятельствах любезных нег.

А у женщины они заболели (т.е. зубы):
Флюс, плюс приехал из города брат.
Кусая приготовленные для поцелуев губы,
Мрачен любитель, дню не рад.

§ 6

Хочется дышать ей,
Наблюдать расположение

Возникающих объятий
И всяких осложнений
С ней, голой, как сыр,
Желанной изо всех сил.

Каждый бы попросил
Именно такой мир.

Нам просить не честь,
Ежели он есть.

§ 7

Она живет на доходы мужа.
Обед посвистывает на примусе.
Повечерело настолько, что ужас
Проступает на ней без примеси:

Вот-вот небрежно и резко
Навернётся так называемый деспот
И, вздуваясь, как нетрезвое тесто,
Зачнёт ежедневное побрезгиванье:

Но есть любовник молодой.
Завтра проводит с рынка.
Ощипет как курицу. Холодком
Потрагивается женская спинка.

§ 8

Добела раздувая небеса,
Солнце валит пресную силу
В вылупленные глаза летнего дня.

На экваторе нашей долготы
Всё б сейчас попало,

Кабы не – (как руку в жидкий чугу́н) –
Ломоть испарений.

А у нас в РСФСР знаменито:
Полным-полно красоты.
В волненьи застывший океан гектаров
Перетрагивается ветерком:
Зелен да хорош, хоть навсегда.

Ласкова да длинна, что текучий взгляд,
Речка бросается из-за поворотов,
Из-за загнутых ресниц бережков,
Хоронящих тихого мужичка,
Который которого видит издалека.

Корова хлыстом хвоста
Слепня под брюхом не доставая
Блаженно разбивает коленкой
Свежую заросль озерка;
Спокойно несёт
Природой и быком наставленные рога.

Тарантас равнодушно тренькает
В своих неудобных объятях
Окаменелого седока и
Владельца выезда, подающего признаки жизни.

Плавучий индюк раздувает грязную палитру
С выдавленными тюбиками хамелеонной краски
В генитальных подробностях головы.
Вот у завалинки, мягко просматривая пташек,
Сладострастно продрожал хвостом.
Розовый, облупленный старик
Что-то соображает беззубым ртом.
Распетушившаяся курица описывает букву «с»,

Имитируя бунт супружеской обязанности.
Старуха шамкает глазами ветерок,
Несущий во вздохе вольные благовонья и жилые
вони.

Собака смеется, потягивается,
На локтях волочит живот по прохладной землице.
Ребёнок важно прёт младенца:
Галдит и гадит непосильный груз.
На медленной глазам поляне,
Где гниют предков гробы,
С косою пляшут поселяне.

Пехота женщин, как серпы,
Сбирает белые грибы.

Балансом взаимных желаний
Из животов, покорных мужу,
Робята просятся наружу,
Чтоб быть на первом плане.

§ 9

Опять подстрочным примечаньем
Вытягиваются губы ночи
На розовое тело с очами,
Сквозь розовые очки. Очень
Очаровательные полотна,
Писанные в моих странах,
Предлагаются беззаботно
Г. Руссо да Л. Кранахом.
Братцы, с большим удовольствием
Подставляю лысеющую память
Под ваши светотени. Вам ведь
Считается с солнцем толстым:
Мне тож. Когда испареньем

Подымается лёгкая земля,
У меня возобновляется
Мысль, что мы не стареем.

§ 10

Конь волочит машинку для стрижки лугов:
Плавно ползёт,
Перепархивая с места на место,
Большое, изящное насекомое
Из породы неземных.
У трав подкашиваются ноги;
Не зудится рука;
Не размахивается плечо.

§ 11

Что качаешь цветик
Бледной головой:
Ведь на этом свете
Мы живем с тобой.

От луны лимонной
На моем лице
Натекает сонный
Взор, забитый в цель.

На седое ухо
Выпала роса
Наклонись, понюхай
Прежние глаза.

Убедись воочью,
Жадная трава,
Как сегодня ночью
Ты меня сорвал.

Вижу, улыбается
Маленький цветок
И вежливо наклоняется
С запада на восток.

§ 12

Утро весеннее вспыхивает
Глубокой, бенгальской водой.
Летний день запикивает
Под солнце облака с травой.

Осенний вечер сопит,
Опорожня поднебесье.
Зимняя ночь имеет вид
Лунного события в песе.

§ 13

Распилен лес
Тропинками, проходимыми и нет.
Расколот на деревья, кусты,
Мхи, грибы, сучья,
Прошлогодние листья,
Куски небес,
Гомоны птиц-невидимок,
Ответы ветру тресками и визгами дерев,
Безмолвные речи ручья.

§ 14

Точно речка в море, –
Я в тебя вошёл – впал.
Сначала пресен и мал;
Но с каждым шагом глубже
Просачиваюсь сквозь тебя;

В тебе с тобой поспал;
На здоровье, дорогой,
Выводи на опушку.

§ 15

Мимо речки, стянутой к затылку
Ныряньем и полотенцем,
Оглядывается, по́ боку с младенцем,
Зажиточная кобылка.

§ 16

Станция, вокзал, полустанок, разъезд.
Мальчишечья рогатка,
Заряженная поездом,
Натянутая до отказа
Паденьем отъездных секунд;
Где замирается боязно;
Откуда – в память:
Полосатая мякоть
Мягких купе,
Твердая махра́
Крашеного дерева,
Да двери, двери, двери во
Все стороны: –
С красных заломов,
С хвойной зелени,
С пыльной палёной желтизны,
С редкого синего зелья.

§ 17

Поза, принятая с прощанья
И забытая под раздумьем,

Дает себя знать и меняется
От зачесавшейся, выступившей
– «Разлуки – ты – разлуки».

§ 18

В матрасном избытке
Потенциального отдыха
От жужжания наружи –
Покой, будто в ампуле гомункул
В текущей быстроте окрестностей;
Будто дрожащая светотень, как студень,
Наполняет нутро вагона,
Дерётся косяками спальных полок,
Треплет глаза полыханьем свечи.

Кислый перегар угля
Подчеркивается крутым яйцом
Прожорливого соседа.

Исподволь друг друга оскорбляя,
Осторожно снюхиваются ездоки,
Еще неуравновешенные, как лебеди
Пóсуху, как мухи в молоке.

Внезапная симпатия меняет припасы
На «откуда – куда – едете»;
Вспыхивают папиросы и откровенности,
Исповедями бьющие через край:

§ 19

Потягиваются, давая осечки,
Трубы отопленья.
Природа берёт своё,

Распахивая мохнатым дуновеньем полотен
Щекотные струи
Мыла и уборной.

§ 20

Храпя величественно,
Застыл байбак.
Встречной милочки личико
Водит лапкой байковой.
«Какая вы», «какой вы», «вы» –
Вотмашь с ног до головы,
Сердце наголо, наголо:
Гуд-бай-баю... баюшки: – рассвело.

§ 21

Дальше, больше, дольше, крепче
Натягиваются нервы воспоминаний,
Где чище, глубже вознесена не
Разлука, а память о встрече.

§ 22

Нежный сигнал мокрого рожка
Выгоняет вагоны со станций
На товарные поля,
Рельсовые паутины,
Что расцветают лакомыми огоньками:
Грушевый, апельсинный, лимонный,
Черносмодинный, мятный, малиновый.

§ 23

Еще нагибаются ветви,
Заглядывая в окна;

Еще машут знакомые шкурки деревьев;
Но пыльным сияньем зарева
Пышет существование города:
Стрекочут по глазам
Пулемётные ленты фонарей;
Пока ещё как деталь,
Уж доводящая сознание до абсурда,
Ручной, неистовый, детский
Тявкает в пригороде трамвай.
Последне ощущение тормоза,
Будто живущего внутри тебя;
Суеглива рассеянность
На качающемся от неподвижности перроне.

§ 24

До крайности необходимо, чтобы
Усвоить географию,
Смотаться в Лихо... боры
Аль съездить в типографию.

§ 25

Да вот она,
Носу памятная громадина.

Поддельным светом фосфоресцирует
Фотографическое мерцание цинкографии.

С египетской фрески поглядывает
Циклопическая влага литографии.

Широкий гул включённой тяги
Пробит громовым раскатом тележки
Иль скрежещет переключаемым мотором.

Машиночка, машинка, машина, машинница,
Жми, дави, крути, маши, тяни – действуй:
Чтоб те сносу не было!

Равномерно аплодирующая «американка»
Осторожно задумывается на переломе движенья,
Машинально освобождаясь и наполняясь
Умными руками «американца».

«Плоские» бережно прожёвывают лист,
Направляемый сверху привычным взмахом
накладчика:
Падает лист, оживлённый свежей печатью,
Овевающий с деревянных пальцев веера
Внимательное ожиданье приёмщицы.

Выстуканная и выслушанная ротация
Послушно и самостоятельно отдувается,
Выпивая с рулона непрерывный водопадик бумаги.

Повышена фабрика на этаж и октаву
Женским гомоном голосов
В брошюровочной и переплётной.
Средь потного дыханья клея,
Средь бумажных завалов
Потайные гильотины резальных станков
Окунаются, как в сливочные масла,
В каменные пласти бумаги.
«Фальцевалки» всеми струнами фибр берегут лист,
Внезапно отмечая его нитяными укусами.
«Гачалки» звонкими собачонками огрызаются,
Источая струю проволочного яда.

Стереотипная – чортова кухня – блистает, –
– Средь инквизиционных дыбов, прессов, пил,
Ухватов, кочерёг и деревянных молотков, –

Слитками и стружками матерьяла.
Металлические операционные столы с телами
Захлороформированных форм набора.
Под нависшими прокопчёнными кáпорами
Плиты с котлами плавнн.
Слоеная маца матриц
Близ плоской и выгнутой тяжести стереотипов.
Мозги слипаются и глаза теряют память
В зелёной корректорской заводи.
Когда шуршит бумажная тишина
Бесчисленными толпами букв, –
Безмолвно гудит механизированная голова
Концепциями высокого напряженья и внутреннего
сгоранья.

Метранпаж намечает порции оригинала:
На линотип – горячие сгустки строк
Налить из тупого и педантичного автомата;
На типограф – выдоить такие же строки
Из вежливого головастого уродца:
Поклонился, и прядью спадают
Струны волос, чуть не до полу;
На монотип – в грохоте разрывных капель букв
Закончить изящный двойной процесс;
На ручной – на высокую сознательность
Квалифицированной рабочей силы,
Чтоб чистейшим был сложнейший набор;
Заголовки, титула, обложки –
В акцидентный, на мелочá;
Верстальщикам портянки надорванных гранок.
Тискальщик равномерно занимается физкультурой.
Посасывает скрежет и чавканье машин.
Густо благоухает чад гарта и краски.
В тупом, головном, металлическом испарении
матерьяла
Наборная – на полном ходу.

§ 26

Осенний вечер шипит, как содовый
Напиток, нашлепывается, бухнет,
Валит недоброкачественной кухней
Распахнутого жилья,
Хлюпает взмокшей обувью.

Истечение осени отвратительно
Длится, кашлем шевеля
Внутренность каждого жителя.

§ 27

Житель города – морской:
От слов «мор» и «тогс».

§ 28

Хлев наш насущный!
Начинаясь «а», «б»,
Азбука горожан
Продолжается абортами, презервативами,
Тэбэцами, холуэсами, раз-два-трипперами,
Импотентами, лезбабами, педераками, –
– Чтоб кончиться законным наследством
Преждевременной смерти.

§ 29

Сто голов –
– С больных да на здоровую –
Один ум.
Симпатичный шантретик,
Глаза вы карие, медный лоб.
Втянуты наливные щёчки,
Губки бантиком, до ушей,

Того гляди лопнет, сломится
Тоненькая, воловья шейка;
Очень косая сажень в узких плечах,
Впалая грудь колесом,
Антоновками набухли дряблые мошонки грудей;
Возьми руку, как спичка, загребущую,
С могучих бедер узкого таза,
С эластичного живота,
Повисшего над курчавой плесенью паха:
Не вишь ра́зи, что не в свою тарелку,
А в баленство матка выпадает.

§ 30

Простуженная всеми студнями,
Бездетная детоубийца,
На старости лет, при́ смерти,
Слышит из пятого своего этажа,
Как на улице стройный хор
Не по-людскі́ проросших абортвцов
Нетутошним баритоном вопит:
«Ма-м-ма!»

«А кто, спросите, были их мамаша?»
Вот суккина... «Да вы, чего лаетесь?»
Конечно, дело прошлое, не монашка»...
Вот и прославитесь.

§ 31

При нашем скученном жилье,
Да при з́нятом времени
Недосуг нам романиться:
Особенно по зимам,
В особенности с девушками,
С коими от знакомства до поцелуя

Месяцев на́ шесть времени,
Верст на триста пеших гулянок,
Пьес на десять разговору:
– Экой нерациональный расход.

§ 32

Косоглазенькая лапочка.
Смазливенькая сметанка.
Интимная пупочка.
Яблочная родинка.
От каждого поступочка
Как жидовочка. Как уродинка.
Как вся тут без останка.
Латышка – подмышка.
Хохотушка. Кацапочка.

§ 33

Он длился:
Этот ночь, день, утро, вечер, вечность, закат;
Простира́л свое состоянье
На каравай дремучего неба.

Играет наша природа
В эдакой тонкости темпа:
От разлагающейся гнойкоты,
От маринованной голубизны,
От боли, длинно прижатой
Отрицательным звучаньем пауз.

§ 34

Никогда этого не слыхано, чтоб ты
(– Чтоб я изныл! –),
Как и другие дивчаты,

Чуя, что я чуть не задыхаюсь
Желаньем задохнуться в твоих губах,
– Чтоб ты: –
Не позвонила по телефону:
Не в службу
(4-75-86)
Так в дружбу
(5-94-57).

§ 35

Уж слышу: свистящее тремоло
Предутренной сварки трамвайных рельсов,
Да холостую трель
Проверки милицейского поста.
Уж вижу: как жидкая темнота,
От верхушек деревьев поотстав,
Продирает взор,
Чуть перекосив
Чуть не ту ж краюху вечера.

§ 36

Он мало понимал, и жил,
Не подымая век,
Когда его остановил
Любимый человек.

Её потом забыл, а ласковость
Запомнилась им навек,
И было чем прополаскивать
Пустой от сна ночлег.

Любимицы растают пуще,
Чем прошлогодний снег.

§ 37

Так пусть же:

§ 38

Разнесло рассветное небо
Плавным дыханьем цвета.

Без мифологических выдумок
И я – просто-напросто –
Дышу навстречу.

6.V. 1930

Переписалось

и отделалось

24.VI. 1930

УРАВНЕНИЕ С ДВУМЯ ИЗВЕСТНЫМИ

Мы с тобой ровесники.
Дыханьями дерёмся
Чуть не за один и тот же воздух.
Друг у друга мысли вырываем.
Подставляем память один другому.
Нет нам на земле разлуки,
Как не было свиданья до таких-то
Апрелей, октябрей, июней,
Лет: девятисотых, десятых, двадцатых.

Мало нам простору,
Свет, час, день, жизнь коротка:
Так ночь, так вот уж как велика
От очей, снов, дум, разговору.

Не потому, что ты свежа,
Что я тебя, что мы с тобой:
Всё это пустяки, пожа-
луйста, не хвастайся судьбой, –

Тебе катаю. Посмотри:
От этой ломовой езды,
Как по небу пучок звезды
Дрожит любовь моя внутри.

Но, заливаясь в виде гимна,
Качаемся туды-сюды.

Но заклинанье анонимно:
Не пей сырой воды,
Не пой мне песни лебединой,
Всё одно не поверю и единой.
А «между впрочем» есть аптека

Для нужды взрослого человека
Первой половины XX века.

И всё-таки мы с тобой два мира,
С которых по нитке: –
Друг другу рубаха.

2.VI. 1930

ВНУТРЕННОСТИ I

Да. Так всё это распределилось.
Именно так повторил бы сначала
Время, по которому нырял Наутилус
(Оно к чертовой матери умчалось);

Годы, из которых всяческие тополя
Налезли в повышенного типа ноздри
(От этих, хоть и не осталось ни пиля́,
Всё ж присутствуют, будто козыри);

Месяцы, которые, собственно, не мои,
Принадлежат любимым: пусть скажут,
Каково ими память поить;
Им рад я и день ото дня раже.

Недели, дни, часы, минуты, мгновенья,
Что присутствуете во мне всегда, безвременно,
Только с вами всего откровенней
Приходится разговаривать: без термина, –
– Чтоб расклассифицировать эпизоды,
Без формулы, – чтоб укомплектовать события, –
– Только волной, перехлестнувшей годы,
Качающей то, что никогда да и не к чему забыть.

Сейчас гребень бросил меня в окно
Шестого этажа́ типографии «Красный пролетарий»,
Откуда глаза мои пролетали
По большому, мужественному дыму,
Что валит от багровой полосы
Прищемлённого румянца,
Поздним часом возведённого
В ранний час рассвета.

24.VI. 1930

ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Опять теплой ладошкой лип
Поглажен каждый вздох.
Опять мы с тобой вошли
Под сень заплёванных цветиками листов.

Опять пропитаны, окунуты
В откровенную глубь аромата,
Антураж рецидива юности
В полном спокойствии сохраняем.

Слышишь тёмные головы лошадок,
Приподнятые на летний восток.
Видишь трав беспорядок,
Любовно закрученный в стог.

Вывожу тебя из-под липы. –
Не зубоскалим. Идём – молчим.
Жилища запах сиплый
Прорывают липовые лучи.

Обновляя интимной негой
Засиженный искренний уют,
Из чёрной зелени – кремовые кулачки в небо: –
Нежной-нанежной поволокой по миру плывут.

6.VII. 1930

ВНУТРЕННОСТИ II

Горячим солнцем выдоена
Озера глубина.

Эта краса, невиданная
На все времена,
В воде выведенным
Удвоенным облаком
– От ветра, по-видимому, –
Кивается, облакачивается.

От ветра (водорослей запах?)
Голова кругом (по воде круги?)
В медленных тела взмахах
На воде, что лижет других.

Выворачиваюсь, впиваюсь в воду.
Озеро пробует меня: важно
Поглаживает рябым взглядом,
Опускает нежное дно.
Я распластан, как горизонт.
Над идеальным уровнем воды
Огромная двухвершковая буря
Весь мой мир заливает.

Тесно мне похлестывать берега
Кожицей своих волн;
Невкусно мне умыть стадо,
Забредшее в сероглазую мою воду.
Испарюсь, брошусь в небо,
Выплеснусь на́ берег!

На солнышко вылезает обмылком,
Полное собранье меня:
Без переплёта, в нескольких частях,
Выкупанное.

8.VIII. 1930

КАНТАТА

(Иллюстрация к «Мыслям до ветру»)

Расхаживаю, разъезжаю, людей показываю,
себя смотрю.

Каждый встречный-поперечный –
Продукт законченный и беспечный
Любовного акта
Как то:
От одного названья,
По милому имени,
В нежном словечке,
За одно названьице: «пеночка»,
Что выпорхнет из незабвененького,
Коли и жить-то не на что,
И положиться-то не на кого.

Вышеизложенное что лютик:
Легко за ним прогуляться
Туда, где природа и люди
На́ море и на су́ше
Бьет баклуши,
Точит балясы.
«Индивидуи» и «классы»,
«Души» и «туши».

Всякое людское отродье
Зрелого возраста и рода
Прошло сквозь огни, медные трубы, воды;
Сквозь себя, мужей и жен.
Отменна вода.
Теоретичен огонь.
Пусты лбы и трубы.
Прелестны – хоть навсегда –

(Только тронь!) –
Свежие губы.

Давненько это было:
Совсем недавно.
Давным-давно:
Каких-нибудь десять лет тому назад.

Не надо быть ни пророком, ни провидцем,
Ни еще каким не то оборотнем,
А непредубежденным гражданином,
Чтоб оценить положенье нашей страны,
Как лучшее в мировой ситуации.

Нас астрономически много,
Спаянных пока что в СССР.
Наша колония, рынок и сырьё, –
Сердце и честь каждого человека,
Живущего и будущего жить.

Мы непорочно бедны:
Так и есть куда богатеть.
Мы горны, долинные, речны́, морски́ и лесны́:
Так есть куда силу девать,
Чтоб получить вдвое.

С севера к нам не подступишь: сдохнешь!
Сами путём не знаем,
А узнаём и узнаём,
Чего там деется;
Какое богатство веками
Ждет не дождется быть взятым:
– И будет.

Близок локоть с Запада, –
А не куснёшь:

Только заглазеешься – пасть отточишь, –
Глядь, соседушка по-приятельски
В бок
Вгрызся.

С юга: – жарко, да слишком живописно
(Читай: непроходимо);
К тому ж афганцы, персы, турки
Несознательны, хоть убей:
Липнут к северу, как мухи на мёд,
Точно знают, где спасенье.

Щипнуто было с востока: –
Да вышло столь дальневосточно,
Что, пораженью поражаясь,
Спешно распорядились:
Оскаленные морды счесть улыбкой,
Трупы – спящими,
Пленных – туристами в СССР.

Coda:

Фальшиво трубят: собаки;
Гулко выливается звук,
Понижаясь при паденьи
С гораздо большим пафосом,
Чем научно-популярная смерть
Скромного труженика естествознанья.

25.VIII. 1930

РОМАНС

Д.д.Л.

Ты хочешь наврать. Ты не можешь вместиться
В отвислую наглость, когда
Заломленных звуков срамное бесстыдство
Вступает в остатки стыда.

Вплотную прикинув, лукавое горло,
Наполнено песней седой,
По женскому телу невнятно и гордо
Шевелит глубокой водой.

С усмешки, от шеи стекает похабно
Дебелая дрожь до грудей,
Где в дроби сосков, отвращеньем озябнув,
Всё низится, низится... где...

Ты знаешь биенье. Мелодия скрытно
Струится с туземных руин.
О чем ты тоскуешь? Условия ритма
Разноуханы счастьем твоим.

Убитые руки цыганского пенья
Погибнут в глуши без неё,
Без запаха, голоса, пепельной тенью,
Как бедное сердце моё.

23.X. 1930

НЕСКОЛЬКО ГЛОТКОВ

(Иллюстрация к «Поэтическому обозрению»)

В настоящий момент
Крепким полыханьем ночи
Да глубоким разливом крови моей по мне
Впущено в меня
Простосердечное доброжелательство
К ватным, сморщенным от времени временам.

Как сейчас помню, в тысяча...
Каком бы то ни было году
Протекают под окном моим непрославленные
хвостовства

Вот этих (имярек)
И прочих анонимных строителей
Базы современного мирозерцанья.
Вы нам нужны, любезные ветра;
Мы вас уложим в наши паруса.

Не шопотом нам бормотать, что мы задиры.
Целуемся, будто кусаемся.
Зовут нас (приблизительно) Марьями да Иванами.
Друг другу мы вспоминаемся бывшими в сорванцах.

Для нас подробности родителей чужды;
Непоследовательно дрожит над нами
Непредвзятое и безукоризненное
Чувство предка.

Ну, тады так.

Музыка – трогательное и забывчивое событие
Из породы любвей;
Из неё следует крутить романы;
Она пресыщает.

ВПРОГОЛОДЬ

Красавица Эрька смеётся.
Зависит?
Нет, не зависит.

И совсем не помню я её,
И вовсе не вспоминаю никогда почти, а если
вспоминаю, так что ж,
И не думаю, а коли думаю, так разве что иногда уж,
Хоть и не редко, пожалуй,
А наверно почаще,
Будто часто,
Должно быть, всегда,
То есть: всегда; всегда.

Вот поедем, милочка, на бега,
А на бегу-го!
Побегут тпрусеньки,
Рыженькие, гnedые, тёмно-серенькие.

Из колоды высосанные, точно валеты,
Распутно и добродушно
Ртутной рысью выльются
Наездники на таратаечках;
На фальстарты, к финишу, по бровке
– Пасьянсом раскладываются.

Ломбардной прелести полны
Кассы, жвачно причмокивая,
Плещут в наивные сердца
Бобровой струей азарта.

«Нос ведь, нос вырвала, мать честная!»
«Без – девятнадцать – две».

«Хвост спереди, голова сзади... твою мать».

«Заезд дорожке грабежа!»

Ну, и...

Ты чего, гад, улыбаешься?

Зависит?

Нет, не зависит!

24.XI. 1930

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

*Село за обед полсемьи:
Съело за обед полсвиньи.*

1

По своему́ небу
Ветер вышивает узоры.
По-сво́ему нелепо
Бредут споры.
Из домов дрязги,
Как коты, перебегают двор.

Много всякой грязи
Разбрызгивается в упор
На этом лучшем свете:
Потому что худшего нет;
Так как не знает ветер,
Что такое свет.

2

Будь добр, напиши, потому что сытенькая луна,
повиснув каплей в море, упирается оттуда и нехотя
дрожит у каждого под ресницей – жёлтой, крутой
слезой; потому что запах арбуза, доведенный до оли-
фы, закапывает в себя чужие носы; потому что кис-
лое луковое лицо стекла в окне перетрагивает всю
глубину за собой, наляпывая перед недалёким дере-
вом куски отъявленно далекого неба, припелёнутого
к земле слоями облаков.

3

Оврага склон облит
Ласковыми, что мордочка любимой,

Слабосильными рупорами повилик
Цвѣта цинерарий и бегоний.

Да, здесь, в зелёной густоте,
Горлом к земле змеились:
Овчарский войлок, фаршированный репъём;
Меделянские массивы; санбернарские
Рулём поставленные зады,
Отяжелевшие предчувствием паралича;
Эликсир Сократа со спящей смертью в челюстях,
С профилем лондонского скряги;
Струйки да колючки фоксов;
Перо, правило, стрелка;
Пиявки на колесиках;
Квадраты гениальных óлухов
И черноносых заливистых пухóвок;
Сухопарые курьерские глисты;
Милочки, проросшие островками слюнявых перьев;
Придворные собакусы –
Квинтэссенция всякой собаконости.

4

Паровоз ядовито сипит и, расталкивая локтями
отсутствующую толпу, ломится в открытые двери
полотна, сведѣнного в единый маршрут мертвой
хваткой переведѣнных стрелок. От равнодушно
изложенного, пахучего сигнала – проволоки потряс-
лись и звякая побежали к семафорам.

5

Осень – дневная, румяная, спелая –
Напрягает конец октября,
В коем борьбой красных с белыми
Начат ход нового календаря.

Вооруженному восстанию предвиделся
Удачный исход.

Фиг цена

Временному правительству!

Верность ему? –

Фикция!

Город полон военных действий.
Артиллерии длиннейший клюв
Долбит по Кремлю.
Оскалившись двинулись предместья.
С крыш, с вышек церквей
Обстоятельный пехотный обстрел.
Поколочена сотня домов,
Две-три тысячи человек.
Враг разоружает врагов.
Тихо, как слепой, выпадает снег.

Бульвар. Ночь. Ветрено. Дорожки скользки.
Осанка двигает человека:
Бывший лакей бывших князей Алкогольских
Точно с памятника прошлого века.
Пасёт скотину: гулкий дог
Задней ногой фехтует с деревом.
Аристократический пастух продрог;
Брюзжит: «Хоть бы одна стерва».
Бывшая княгиня в отъезде –
За границами отгуливают красу.
Ими попорченный кобель заскучал.
На бульваре бывшая баронесса, юбку засуча,
За небольшое возмездье
Доставляет удовлетворенье псу.

6

Я выехал. Лето ветром доводилось кем-то осени. Остановки чередовались сквозь индифферентные тривиальности газетных событий. Наступило Кунцево, как зубная боль. Были Фили́, связавшие гимназический кузов Кутузова с велосипедными дорожками подмосковских полей. Одинцово – буфет и жёлтые цветики Немчинова поста. Я приехал: высыпан под два длинные зелёные отворота давнишних насыпей. Паюсный дёрн по мне, а потом я по нему. За верхней линией трав – шпичи модёрновых дач. Купцы Калашниковы. Перевален хребет. Отыскивается домишко, на́ лето снятый приятелем, которого нет сегодня здесь, хотя в этот день недели он должен быть здесь. Оказывается, я приехал к его жене.

7

Симпатично функционировал
Квартета лай ладный
В хлопотливой иронии лиры
Раскряхтевшегося Гайдна.
Смахнув полтора столетья,
Моментально забытых,
Засвистели плети
Из ушей Хиндемита.

8

Старое, полнокровное солнце декоративно прожигало жизнь сквозь ветер и тучи. Серая дача выставлена к дороге сплошным дощатым задом. Вход через калитку простодушно украшен наотмашь оттопыренным нужником. Цыганское напеванье густого контральта под хрупкое тисканье бумаги донеслось оттуда до моих ушей и носа. *Piu mosso, piu vivo, zdooróvo живешь, –*

бормотал я, опасаясь сконфузиться, чего сделать не успел из-за озорства.

9

Доскональней, чем жизнь моя,
– Разумеется, для меня, –
Монументальней и неподвижней,
Чем смерть моя, – моя
Любовь к воспоминаньям.

Вот, например, те женщины, что на ролях красавиц
В своем кругу,
Вечерним тронуты загаром:
Будто человек жил до́ сих пор только для того,
чтобы мельком встретиться с ними.

10

Следует нравоученье о том, что у каждого есть стайка знакомых, вылитая в разрозненные и спаянные куски взаимоотношений, натянутых до внутренностей или рассеянных до поверхности рукопожатья, шапочного кивка, одностороннего узнаванья взглядом, слухом, воспоминаньем. Моё назревающее пребыванье в этом мире есть градация от любопытства и желанья к боязни и скуке. Трогательна взаимность встреч, не подёрнутая начальными ляпсусами от избытка или недостатка откровенностей.

11

Ты пахнешь апельсиновой цедрой, миндалём,
Летним ливнем,
Цветами картошки,
Ранным тополем, липой,

Далёким лесным пожаром,
Прососавшим утреннее купанье.
На горизонте твоего тела,
Раскинутого густой, прохладной тенью по зно́ю,
Хорошенькой щёчкой весеннего огурца,
Лежат два озера, два глаза,
Два ялика в частых зарослях камыша:
Плыви в них, куда взбредится,
Тянись к ним, как «пить» после соленого,
Как цвет к свету.

12

Обладательница контральта, вышед из неслишком укромного убежища, не остолбенела, увидев меня. Складки платья расплзлись по своим местам при первых движеньях красавицы. Обнаженный смех захлопнул уборную глубь, откровенно торчащую за её тенью, около распахнутой тщедушной дверцы. Ветерок шевелился в использованном комочке газеты. – «Ну, а вы-то, чего уставился?» Нетрудно было вторить такому голосу, и я храбро и вежливо предложил закрыть непослушную дверцу. Деревянная вертушка на расшатанном гвозде еле сдерживала доски, упругие и отваливающиеся от покосившейся непропорциональности кабинки. Контральт контрапунктировал мои увенчанные успехом усилия: «Герой – ой – ой! Да она у нас всегда нараспашку. Только изнутри на веревочке». А мой вопрос – дома ль Зоя? – оказался нецензурным что ли. – «Так вы к нам пришел? Фу, стыд какой!»

13

Меня на склоне пылкости настигло
Благополучье Диккенса. Сухим,

Злым возгласом приветствует его
Набитый современник пустоцвета.
Мне мерзостно отсутствие ста лет,
Чтоб уличить двуличье негодяя.
Я не встречаю юношей цветочных;
Рисковых девушек не лобызаю; даже
Не вижу мыльных стариков и жирных,
Сконфуженных старушек,

Ёлки-палки!

Куда нас привело недоуменье!
Куда несет меня перерасход
Постройки честного социализма!

14

Пока она убежала, пока я сидел на скамеечке у цветничка над песочком, пока рахитичный робёночек медленно и мрачно изучал меня, пока другой, постарше, пёр первого к дому, пока нянька суетливо тащила их домой, каркнув мне, что хозяйка выйдет когда-то, – голос моей собеседницы прорывал дачные стенки рвотными, цыганскими приступами. Немного погодя она оказалась Валею с Зоей и мы втроём шли к пруду и в пруд. Мне было выгодно, что им опротивело дачное житьё. Они хвастаются передо мной своим существованьем и молодостью.

15

Мы шли покупать черную смородину,
Из которых Аня, Аню
Можно было спутать с,
Принять за:
Ветреную рябь Волги,
Ялик, в быстрине засевавший на мель,

Купол толстого Спаса,
Горный хрусталь, песок
Да известняк крутого берега.

В пепельном напряжени азарта
Порождается эмоция малодушия.
Мша кудрявая, трэфовая зелень
Древесных куп.
Пики тёмных елей
Скрывают непристойную прельстительность.
Да ей и карты в руки:

«– Лодку!»

- «... те в глотку»,
- «Лодку!»
- «... те в глотку».

Аничка нисколючко не понимает
Моего скомканного и бессильного гнева.

16

Пруд приподнят над долинами полей и лугов, над прогалками и просеками, как язва, по корочке краев обросшая высокими, укоризненными соснами. Пруд бур, будто налит венским питьем. Окунулся – вынырнул – лизнула водопроводная труба. Я вынужден барахтаться в нём, в нём, переполненном двумя женскими телами, перемывая кожу себе да кости обоюдно осмеянным знакомым и незнакомым. Меня топили и спасали. Солнце било сбоку. Я тыкался тупыми от мокроты ногами в отверстия штанов. Муравьи спинками чесались в меня.

17*

Прощай, газовая вонючка,
Гнездо рабьего труда.
Навсегда прощай, потому что
Не вернусь к тебе никогда.
Нестерпим твой монотонный зуд,
Неприятна, гадка ты;
Горек подневольный труд
Из-за нищенской зарплаты.
Отнял^а ты у меня юность,
Веселье, счастье... Так я рад,
Что хоть могу плюнуть
На твой каторжный ад.

* Песенка рабочих Лойка.

18

Ротастые бездельницы болтали, так облизывая губы, что их хотелось целовать. Еще глазастее после воды, они шли голыми поверх платья, точно и тут я с ними купался. Стало до такой степени вечерне, что мы побросали полотенца в дачу, а в себя еду и начали классическую ночь прогулкой по опушкам. Несмотря на цыганские синкопы, Валя была изъята окрестным футболистом, и ушла, лягаясь глазами. На ночь глядя, бледнели дачницы и, чтоб не помереть, целовались до упаду, подстилая синенькие жакеты. Небо всё слабее сигнализировало, мне и Зое, прищемлённым боком, имитируя фазы ушиба. Мы шли под руку, под которую всё галдело, что нам стыдно не целоваться. Взгляды начинали покусываться. Мы разгоняли срам дымом старомодных воспоминаний: – «у нас в Ростове», – «у нас в Москве».

19

Куда ни кинь,
Клин –
Клином вышибать:
Ядрёна мать.

Куда ни брось,
Вкось –
Косы заплетать:
Ядрёна мать.

Куда ни глянь,
Рвань –
Рванью погонять:
Ядрёна мать.

Куда ни вдарь,
Тварь –
Вали на кровать:
Ядрёна мать.

Куда ни вспясть,
Мать –
Сыновьям под стать:
Ядрёна мать.

Куда ни сгинь,
Зги́
Что ли не видать:
Ядрёна мать.

Куда ни верть,
Смерть –
Одной не миновать:
Ядрёна мать.

20

Наши слова и движенья отражались в потревоженных объятьях, видимых и невидимых чуть не под каждым кустом. Они возвращались, как бумеранги, всё туже опутывая наш вялый бег. Мы шатались, точно волчки на исходе пуска, и я освобождался помаленьку от зависти, чуя возможность раздуть зависть футболиста. Уже не возмущали оловянные лица встречных самцов, задышающихся от напора чувств и ночи, с пеной поцелуев на усах. Насупленное молчанье с каждым мгновеньем становилось всё откровенней и невесомей, как и синенький жакет, снятый от духоты, что покорно лежал на моей левой руке.

21

В трауром отороченные дни,
В толпе трубой, в конного войска: – во!,
Когда мир, бедный людьми,
Замер от Маяковского,
В дни, апрельские, как почки,
Светло-шелковые, как тонá
Глаз, именующихся «очи», –
Бедствие вдарило по нам.

Нервно в гробу. С улицы
Просачивается струя толпы.
Несколько рот солдат революции
Сдерживает похоронный пыл.

Интеллигенция, не сдержав восторга,
Трясёт у Кудрина девятьсот пятым,
Нахлестав конную милицию по крупам,
Что обходится не дорого:
Ни убитых, ни раненых, ни в плен взятых;
Все, сломя голову, несутся за трупом.

Но и этим, собственно,
Не оканчивается печаль интернации:
Сотня тысяч голов брякается об стену
Бывшего монастыря, ныне места кремации.

22

Было темно, как в комнатах, когда Зоя наконец споткнулась на корявые ботинки. Сытая, цыганская реплика рассеивала сомнение: – «Шляются тут. Милый. Не сидится». Последний поезд вышел с последней станции. Я успел побежать к нему. Зоя наспех вернула меня, чтоб сказать, прошептав от злости: – «Я не хочу больше видеть Вас никогда. Отдайте жакетку».

Собственно говоря, ночь была так темна, что меня всё равно не было видно.

21.V. 1931

МЫСЛИ ДО ВЕТРУ

(В 30 цитатах)

Заключение для четырех обзоров

*«Граждáне и гражда́нки,
Вагон идёт до Лубянки».*

Цит. 1

Какая мораль?
Откуда мораль?
Такую мораль
Да кто ж намарал?

Мы «сам с усам»,
Живем кусам;
Куда тебе там: –
Я те дам!

Все мы и вы,
Принужденные писать
Иерогли́фами и клинописью,
Как я сейчас, –
Уверяю вас: –
В лучшем положеньи чем те,
Что пишут в газетах
Или в ватер-клозетах.

Цит. 2

Не целуй моих глаз, Эвридика:
Я их продал, я отдал их в рост.
Небеса утомленно и дико
Загораются трупами звёзд.
Поголяем по-прежнему, выйдем
Подышать вероломством вещей;
Ты видна мне, и я тебе виден

Под наркозом любовных речей.
Потому что, лишь тленные души
Обеспечат своё визави,
Я пойду околачивать груши
Закошнелым остатком любви.

Цит. 3

Великолепно равнодушен
И миг от мига равнодушнее,
Он пользовался ей, как кушем,
Как выйгрышем, как вкусным кушаньем.
Простывшим голосом, вчерашними руками,
Немытой лаской любовь копал.
А мы ещё кого-то ругаем:
Тот, мол, некультурен, этот отстал.

Плёл хам, опасность в нас почуяв:
Где уж нам понять ту красоту,
Что жар вчерашних поцелуев
Не греет в нынешнем быту.

Цит. 4

Она его смерила взглядом,
Какого не запомнят старожилы.
Ни цвета волос её не запомнят;
Ни жизни нашей, ни любвей,
Ни снов, ни немощей не запомнят: –
Не запомнят, не запомнят, –
Как старожилы.

Я ещё её не целовал:
Только ноздрям моим краса её,
Памяти моей краса,
Снам моим красота её.

Цит. 5

Тогда гуляли мы с тобой
Под этой маленькой луной:
Гуляли мы, любили мы,
Наверно, целовались мы,
И вот потом узнали мы,
Что каждый звук и каждый миг
Навеки в памяти возник.

Гоня и нагоняя сон,
Качался на́ небе бутон.

К старушке наклоня лик,
Идёт при ней такой старик,
Какого мог со всех сторон
И вспомнить и запомнить он.

От кухонной до гробовой
Плиты: – гуляли мы с тобой.

Цит. 6

Читатели и писатели,
Здесь живут предатели.

Кокетлив до жеманства.
Будто лампадным маслом
Отлакирована морда.
Присасываются и извиваются
С живостью разрубленного червя
Мокренькие, липкие, луковые,
Слюдяные, обсосанные, вонючие
Щелки подонков глаз.
Затылок подвижной, точно пиявка,
Вбирается в шею, как у кур.
Рукавицы рук в бородавках.

Ладони – взмокшие, будто жабы,
Будто обрубки трупа.
Поганая помесь похотливой монашки,
Уступившей сальному вождельню пристава:
Палач.

Цит. 7

Янтарный голосок луны
Ко мне течёт по водостоку.
Сырая двигает вода
Глубоким оком черноты.
Торчит из омута утопный,
Качая веточку ветлы.

Горбатый окунь, рыба зebra,
Обводит корень камыша.
Ползет рыбак травой прибрежной,
Ища прогалка в камыше,
На хлыстик пленного бамбука
Надёрнув осторожный глаз.

Жестикуляция вещей
На мне налипла лабиринтом:
Курячи лапки; инкубатор;
Родильный замок. Скрытым ритмом
Сознание доброе горбато.

Но чёрствой корочкой тропинки
Несется хвойный ком ежа.

От жаркой сухоты ствола
Опять иду к чернильной влаге.

Земли супружеское око
Меня покоит и глядит.

Цит. 8

Последние годы половина июня и конец мая у нас
холодноваты.
Нам кажется, что раньше они были теплей.
Но это вздор.

Я целую ночь ехал к югу.
Ночь началась ещё вчера.
Ещё вечером.
Уже в вагоне.

Поэтому утро было ранним.

Я вышел из вагона на какой-то двухсотой или
трехсотой версте.
Я дышал от свободы и безделья.
Я даже, пожалуй, задыхался от них.
Да я и выспался.

Час этот, по Москве, нам виден редко
И вовсе по-другому.

Или мы волочим домой
Своё прокуренное, пьяное тело,
Судорожно пытающееся
Сохранить остатки подсознательного изящества
В проводах наложенной соседки по вечеринке
под праздничек.

Или мы тащим свою голову,
Откуда, как искры, выбитые из глаз, сыплются:
Черви –
Коварные, подсосавшие тщедушный остаток
зарплаты;
Пики –
Мрачные сердца на подставках, –

Вдруг привалившие впопад и невпопад;
Арестантские бубны –
С благодушным своим королем,
Похожим на моего дядю;
Трефы – клевер – ,
Подкошенный жадным ренонсом контрапартнера.

Или мы встречаем этот утренний час
Чудовищем в два сердца, в четыре глаза,
Чудовищем загнипнотизированным, диким,
Наплевавшим на завтрашние службы,
На сон, на предков и потомков (ай, ай, ай: – опять
аборт!).

Так я, стало быть, вышел на какую-то платформу;
Прошёлся;
Опять вскочил в вагон
С надышанными стёклами окон.

Я запомнил раннее летнее солнце,
Похожее на закат;
Холод – точно выкупался в нём;
Мне было счастливо и аппетитно;
Я забрался на свою вторую полку
И опять заснул, позабывая Москву.

Наяву продавали курятину:
Варёную в качестве жареной.
Я не хотел есть, пощипывая эту вялую
гастрономию;

Тощий её жирок
Забивался под ногти, проявляя грязь.

Умывай руки после еды!

Цит. 9

Мимо милого туземца,
Точно снов протуберанцы,
Разновозрастного ценза
Проходили иностранцы.

Тпру!* Я вижу скверный признак
В вышеназванных отчествах.
Вот и мы-де, вот и я-де,
В общем: – отдай жену дяде.
Потому что каждый житель
Не похож на дальтониста:
Крепче шепчет: мы-ста, вы-ста...

«Ну, уж это не скажите!
Веер леса тут неслышим,
Запах ветра невидим,
Мы не видим, мы не слышим,
Не спим, не пьём, не едим».

*Смон!

Цит. 10

Нас нравственность одолела: –
Околеть с нее! –
Пуританская добродетель;
Валетная честность.
Пруденты! Паиньки! Целки!
Мильтошки по заутренним ночам
Тормозят рукояткой перчатки
Граждан Марксквы,
Перебросавшихся до́поздна – до́рана в картишки:
«А может, и нельзя?»
«Быть может, запрещено уж?»
«Посадют, может статься?!»

Впросак попадают граждáне
Под ренонс отсутствующего вопроса;
Проносят, как от дамы третей,
Слова,
Не могущие укрыть неказистой тайны;
Лепечут ремизным голосцем
Безкозырную околесицу,
Всё-таки расплачиваясь за исповедь
По-крупной:
Подневольным показом документа,
Бьющего через край «интимнейшими» сведеньями:
Петр...
«(О, эта наглая муниципальная мразь,
Издевающаяся со скуки,
Может безнаказанно пощекотать:
"Петенька, Петруша, Петушок"...)»
...Александрович...
«(Ага, не подкопаешься,
Зараза, чорт!)»
...За – дни – цын...
«(О, оскорбленье, негодяйство, дерзость!!)»
Но «сами по себе» рассыпаются словечки:
«Нет, товарищ милиционер. Вы ошиблись;
Ошибочка произношенья:
За – rrr – ницын! –
Темновато здесь»...

Цит. 11

Наш дешёвенький, ненадёванный романтизм
Плещется по наукам, искусствам и политикам,
Вызывая икотные приступы скуки.

По всей вероятности, это жизненно
И так же справедливо, как и то,

Что каждый отец
Может матернуть сына или дочь,
Будучи безапелляционно правым.

В комнате стоял вол-конский дух;
Ржали беговые бараны,
С лицами отвислыми, залупленными и половыми,
Как член, причёсанный на-пробор.

Этот классовый подбор, точно плешь,
Свидетельствует о поношенности организма.

Но секретарь месткома сгоняет
На общее собрание сотрудников,
Растекающихся, как ртуть.
Здесь автоматически растасуют
Всем известнейшие правила
Злободневнейшей морали:
Чтоб достичь того или другого рая,
Живите с миром, друг друга предавая.

В этом мире боевом
Каждый думает о своём,
Каждый живет о своём:
О том, о сём.

Фамилия, имя, отчество.
Да здравствует бесклассовое общество.

Цит. 12

На облачном берегу
Потерял барин дугу:
Не найдет ее вовек
Этот люмпенчеловек.

Спокон веков –
Во веки – вечные:
(«Подведи ресницы
Под веки вечные»).

Цит. 13

Ряд рецензий
На милочек.

Родился в Пензе
(Где это?) Обмылочек,
Розовый,
Симпатичный...
Ну, что за разговор
С ним почти:
Моя современница
И многих других;
Может, ещё женится
На ней кто-нибудь из них.

Жил-был в Туле
Кавалер.
Чорта в стуле
Ковырял.
Молодчик хрупок,
Женствен;
Выводит крупным:
«Будем-жить-в-Пен-зе».

Сады казисты,
Жирен жасмин.
Черти гимназистки
Всё с ним, да с ним.

Вензель
На садовой скамье;
В Пензе,
В её, то-есть, семье.

Познакомили.
Матрос: гардемарин;
В Гомеле
Рос; уморил:
Порка; Кронштадт;
Опять же о Темзе...
(Где это?) Каннихферштан...
В Пензе!

А вот из Тулы,
Симпатия!
Ну, там, посулы,
Объятия
И всякое
Тому подобное...
Однако:
Чтоб он...
Со всей силы,
Очень: –
Мал да милый
Сыночек.

...Год за годом, как день за..
Ух, ты ж, скука!
...Как с Тулой Пенза,
Шлюха да сука.

Итого,
Чтоб
И этого и того
Гроб сгрёб?!

Вот и жизнь вся
В Пензе,
Куда ни двинься,
Ни денься.

А бывало-то в Пензе
Старушки:
На пенсии
Во всеоружьи...

Цит. 14

Паровоз клянчил станцию поезду.
Ну, и выклянчил,
Нехотя отведя́
Занесённую угрозу семафора.

Мы равнодушно вкатывали в городок,
Точно нас-то тут только и ждали
И нехватало только.

Утро, раннее до непогоды,
С фотографической реальностью повелó
По нашим лицам в хмуром гриме
Невыспавшихся, высypавшихся из вагона.

Улица от вокзалика
Отворачивалась к местечку города
Длинной – (напрямкú) – рукояткой хоккейской
палки.

Она уткнулась потóм –
Днём, – вечерами и разными другими членами
суток, –

В большую помещичью комнату,
Где пожили втроём дён пять
Певичка, балерина да я.

Наверно, оттуда не ходили старожилы
К серебристым тополям реки,
Навстречу городским коровам.

Цит. 15

«Ну, да,
Умеет он танцевать!
Да он ей, пляша, всё целомудрие отдал!»...

«Что ты!
Погоди чутки, присядь:
Куда так торопиться-то изо всех сил?»

«Вот как?!
Это, чтобы я отдала?
Никогда тому не бывало, не будет и не быть!»

«Верно:
У него ни двора ни кола;
По фигурочке и по всей фатёре скудь да стыдь».

«А я?!
Вхожу-то в зал:
Ледей, что людей!
Меня аж в дрожь, в жар:
И вспатела-то вся,
И уж обляденела».

«И я б, пожалуй,
Улеглась замуж,
Чтоб было кой о чём поворковал со мной,
А не только всё хрясь да хрясь»...

Экая вышеизложенная жизнь.

Цит. 16

Имитацией рыдания, перешедшего в рёв,
Слезу прошибают тромбоны.
Есть и очевиднейшие каноны:
Воздух и еда восстанавливают кровь.

Пока вот, тем временем, покуда
Наше гедонистичное существованьице
Делает вид, что тянется,
Что оно – битая посуда,
Которая два века живёт, –
Век за веком и идёт.

Я тогда воспринимал людей остро.
Как – они меня: – определить трудно.
Могу предположить, что острость
Была, может быть, обоюдной.

Цит. 17

Эх, смоковница то́поля у речки,
Запотевшей от дождя,
О тебе нельзя вести речи
Так себе, судя да рядя.
Ты пьёшь мою память, как когда-то
Выпивала близкие небеса,
Обливаясь певучими струями,
Текущими, как мои глаза;
Как мои глаза, что тусклы
От острых лучей земли,
Но и вслепую б во мне зажгли
Твоё мирное русло.

Цит. 18

Может быть, ваши предки,
Совершенно так же, как и мои,
Были королями, рабочими, фабрикантами иль
громилами.

Поскольку эти черты затушёваны
И социально-приемлемы,
Я с вами разговариваю*
И не разговариваю*.

Поэзия – ощущение возможности этого и того,
Что птицы хлопьями просыпаны в сад,
Что карта еле-еле, едва-едва, чуть-чуть,
Всего в каких-нибудь несколько миллионов раз
Увеличивает и уменьшает действительность.

** Эти две строки должны быть интонированы
совершенно одинаково.*

Цит.19

Поэзия = сопоставление.

Матерьял определяет не качество искусства,
А его количество.

В теперешнем письме Пастернака
Только и есть, что борьба с самим собой;
Неравная борьба:
Старый (молодой) – куды сильней.
Крутые схватки не могут стать и не становятся
Лирическим корнем поэта.

Кажущееся мастерство
Является его слабостью:

Оно не помирает, чтоб возродиться,
А влачит жалобное прозябанье;
Оно требует мыслей всё ближе, ниже и подробней, –
Как в близорукую лупу, –
Чтоб потухающий свет
Казался ещё горячим.

Пастернак потерял тему.

Паллиативом «пятилеток», «революционных воль»
и «генеральных планов»
Не заполнить этой пустоты:
Брякая, они проваливаются,
Вызывая смех
Даже у восторженных администраторов
административного восторга.

Кладя на́ руки переулков охулку*,
Или не кладя оной,
Имитируя эту манеру, как жизнь*,
Или, как женщину берут (опуская ноги в белок)* –
Нельзя не возбудить желанья
Приравнять всё это к тому ж бессилью,
Которое заставило Пастернака
Из живой *mortuum carit**
Сделать мёртвый товарный вагон*,
Иль буфер, там,
Иль ещё что...

** Цитаты из «Волн», «Вокзал несгораемый ящик»
и др. вещей Пастернака.*

Цит. 20

Точно кошолка под осину,
Пела татарочка песню;*
Лебединую гнула спину;*
Мы шептали: «прелестно»;*
По-монгольски бородатый старец,
Коренастый, смахивающий на зубра,
Хихикал, прикрыть стараясь
Белокурые древние зубы.*

Сей символике трактирной
Не приличествует ничья
Оторопь забавы мирной,
Выкормленная по ночам.

Я и подавно не стесняюсь с ней,
Коль известно всем до скуки,
Как в зернистую из паюсной
Музыку в знаки лепят руки.**

Посажу около себя; раздвину
Наносной дребедени пласты: –
Точно осень щиплет осину,
Обирая керосиновые листы.

** Эти четыре поэтические ряда
следует интонировать совершенно одинаково.*

*** Эти две строчки подразумевают
механику композиции.*

Цит. 21

Глазами обнюхиваю свет,
Что смотрит из моих ушей
Всей своей невесомой тяжестью:
Сам-по-себе, сам-по-себе.

Свет ты мой, светик,
Да не насмотреться ж
Мной тебе:
Больно уж с этих...
Как их?..
...Всяких
Осыпается цветная ретушь.

Нет уж,
Не смогу вам изобразить, душенька,
Сколь это противно,
Коли мало-мальски законфузиться
Казенной порнографичности власти;
Коли никому неизвестно, как все знают,
Что неоткуда помощи ждать.

Позорный гвалт стоит, стоит,
Идёт – нескончаемый – , бежит, останавливается.

Цит. 22

Отёкший бензином,
Точно прилипший к месту действия,
Стоял ломовой автомобиль.
От него остро разило капорцами.
Лошади его обводили,
Уж раскланиваясь с ним,
Как со старым знакомцем.

Исподний ветерок плескал дыханья
Компании курящих в кабачке.
Для некурящих ветерок; но краля
Существовала только для мужчин.

Толста́ и пылка́.
Когда она сидела, груди,

Как тупые морды кутят,
Расползались в стороны и тыкались на привязи.
Млекопитающие концы их тянулись
На каждый гулкий баритон,
Точно к материнскому молочку.

Ветер поозорничал по-кавалерски
Платьем красоти;
Когда ж она взвизгнула наконец,
Поджимая юбку под мышки колен,
Он выплеснулся в луг, в лес, в горы, в океан,
Чтоб там, напрягаясь от воспоминанья,
Добивать утопающих,
Да упираться в редкие паруса.

Ранний, утренний, летний дым
От погорелого леса иль торфа
Пронизывал дыханье.

Ветер, сфабрикованный движеньем,
И натуральный, и не с той стороны,
Сразу потрогал ожившие вещи
Наперегонки побежавшими мурашками.
Ветер открыл,
Что речка в припадке падучей,
Как музыка на скрябиновых костылях;
Водица конвульсивно забилась,
Закатываясь по краям бережков;
Между каждых двух волн,
Как меж расслабленных губ,
Засочились пузырчатые, тщедушные пеночки –
Сбитой воды барашков.

Цит. 23

Месяц, стеклянным светом
Тесную ночь облей:
Можно во тьме запутаться
Страннику средь аллей.

К милочке своей пробраться –
(Луна, коташка, перламутровая, мур-мур,) –
Очень хочется страннику
Pour l'amour.

Цит. 24

Сейчас, т.е. пока,
У меня день:
Часа четыре.
И солнце и лужи,
И ветер и облака,
Каких лучше или хуже
Нет нигде
Во всём мире.

Всё, что наполняет мир,
Что происходит и длится,
Может от меня случиться
В любой следующий миг.

Убивают, пишат, пляшут, любят,
Гибнут, свистят, умирают, смеются,
Сосуществуют, –
Как я!

Мир стоит, окопавшись тенью,
Своевременный и современный,

И ни для кого не тайна
Ни я около, ни воздух вблизи,
Ни тень, длинная, как звук,
Которую вечерний свет кладёт,
Ни символы простёртых рук
Того, что жило и живёт.

Сухо, как треск,
Повисло:
Жив, здоров, трезв,
Не лишён смысла.

Цит. 25

Она гигроскопична, как волосы,
Напоённые климатом, солнцем и ночью;
Запита́, заёта шоколадами, «котями» и токаем.

(«Токай, потакай,
Куда хочешь, затыкай;
Как у Кати от “котей”
Завелось двое детей».)

Она из тех, что...
Чего не смею сказать ни про других,
Ни про тебя, ни про себя, ни вслух.

Так я, видите ли, не о невинности,
Прикрытой загаром молодости,
Так как этого самого не вынести
Дямочкам, сосущим с голоду стих:

«Монпарнас,
Монпегас,
Мондьё
Мандьё».

(Ах, как вы грубы, Ге́ргий Николаич!)

Цит. 26

Фиалок погасший букетик, –
Оскомина скромной любви, –
От смятой улыбки, от этих
Движений запёкся в крови.

От этой улыбки, от этих...
Она приходилась ему
Рождением, любовью, и смерть их
Узнал он в цветочном дыму.

В ноздрах шевелили жасмины
Своим земляничным нутром,
Бабочками ночными, что с ними
Схожи своих лепестков молоком.

Всё понял он. И не без форса
Вздохнув, подмигнул на кровать.
Вдруг птиц визг в окошко упёрся
Да так и остался стоять!

Цит. 27

Лежит передо мной край Москвы;
В марте, в оттепель:
Париж!
Не видал его, голубчика,
А скажу:
Ну, прямо, Париж, да и...

Цит. 28

Жил-был на посполитом свете
С широко открытыми плечами;
Несгораемый, как ветер,
Как солнца свет, тщеславный.

С весной, аппетитной и нежной,
Уж такие-то друг-други,
Раскидывали вокруг лачуги
Садов небрежных пейзаж небрежный.
Надивиться, нахвалиться не могли
Негой животрепещущей земли,
Не понимая, куда ж это клонится
Их обоюдная бессонница.

Очень смешно как он погиб
Среди подробностей предвзятых,
Подхватив старость, страсть или грипп
На берегу захватанных закатов.

Цит. 29

Там было так. Совсем другая
Вышла издревле к тесовым воротам
С молодым ребенком в руках
И со сводкой сведений о своей жадной жизни
От Крыма до Щигор, до сих пор, до меня.

Стоял я с ней,
Сияясь заполнить анкету первой встречной
взаимности,
Пытаясь поразить.

Должен был прийти какой-то поезд
И наступить какой-то муж.

Тёмная милочка в шали
Перекладывала тихого ребёнка.

Вечер упёрся в ветер,
Как на всякой олеографии.

Я ассигновал красотке
И шторм и штиль неизведанных прикрас Москвы.

Было холодно и поздно,
Точно ребёнок был мёртв или спал.

Она бы доверчиво пошла, поехала или остановилась
Со мной и для меня.

Куды там!

Исподволь лаяла гурьба медеянских псов,
Грациозно празднуя роскошную свадьбу.

Милая крымчанка,
Смущённая моим великодушьем,
И не кокетничала уж.

И муж не ехал и не шёл ещё.

Мы разошлись,
Не фиксируя развода
Из-за отсутствия времени, места и действия.

Цит. 30

Во сне бряцали звуки,
Бряцали наяву:
Я набрал их в уши, в руки
И с музыкой живу.

Её во сне я видел,
И видел наяву;
Законным её любителем
Побрёл на randevu.

Цвёл английский кустарник
Розовеньким муслином
На тёмной мелкой зелени,
Полной тенистых впадин.

Не было там скамейки,
Не было там травки;
В стоячку к тоненькой шейке
Я поцелуем коснулся для затравки.

Но маленькие, мужественные руки
Облокотились на мои плечи,
Обдавая меня стройным телом
И предвкушением следующей встречи.

29.VI. 1932

ЧЕТЫРЕ ТАНЦА

1. НОРВЕЖСКИЙ, ГРИГА

Море нас трепало,
Волны драли борт.
Занесло нас к чертям собачьим
В чужой фиорд.

Выбрались мы на́ берег
Мокрым-мокры, хоть выжми;
Полным ходом двинулись
В посёлок ближний.

Вечер глубже: дна не достать.
Дрожим – держим на маячок...
Стоп, приехали! Нильс, дружище,
Ай-да, заворачивай в шинок.

Мы без моря, мол, моряки,
Без рыбы рыбаки:
Примите нас, пожалуйста, в свою кумпанию:
Выпить, сплясать.

Потчевали нас, как следует,
Сухопутные ребятки,
А Нильс, дружок, на шинкарочку
Глядит без оглядки.

Потом к ней, вежливенько:
«Давайте, говорит, станцуемте,
Очень вы мне нравитесь,
Может, говорит, потолкуемте...»

Видно и он ей показался:
Вышли об руку, вдвоём.

Мы столы отодвинули,
В ладошки бьём.

Хэй, дружище, Нильс, Нильс,
Ладно пляшет... Вот так чорт!
Как бы якоря не бросил
В чужой фиорд?

2. МАЗУРКА, ВЕНЯВСКОГО

Живет горе в наших хатах:
Ни хлеба нет, ни работы нет.
На жене да детях рвань в заплатках,
Под рванью кожа да скелет.

Бел гад, гладок
Пан помещик, жирный хряк.
Эй Стась, Владек,
Ну-ка, вспомним, что да как.

Наши братья
Шли в солдаты
Погибать за панов.
Сестры, дочки
Грели ночки
Панских хулиганов.

От ксендзов, да,
Панычей, да,
Горе горше смерти.
Шли солдаты
В свои хаты
Хмурые, что черти.

К деньгам падок
Пан торговец, пан злодей.

Эй, Стась, Владек,
Ну-ка, скажем, что да где!

Мы не станем
Польским паням
Целовать их пальцев.
Мы готовим
Панским кровям
Танцы лучше вальцев.

Мы добудем
Рваным людям
Хлеба да кафтанов.
Эй, товарищ,
С нами вдарись
Паненок и панов.

3. МАЗУРКА, ШОПЕНА

Панне Янне не до танца,
Ей мазурка нехороша.
Её щечки без румянца,
Её грудка, ах, чуть дыша.

К ней припала её нянечка,
К ней припала её тётечка,
К ней припала её мамочка,
К ней припал (басом) её дядечка.

Шепчет панна, бездыханна:
«Все уйдите вон, вон!..
Ах умру я, ах, с негодяйкой
Изменил мне он, он».

4. ЧИЖИК-ПЫЖИК

Мы на кресле ль, на кровати ль
Нам бросает зверский вызов
Музыкальный обыватель
Николай Иванович Сізов.

Начинает он с сюрпризов
От профессорских низов:
Николай Иванович Сізов
Коль-коль-коль-ля-си-зів-зов-зов.

Чует разомлевший шизоф-
Реник педераста зов.
До-ре-ми-фа-соль-ля-сі-зов
Бывший Коленька Сизів.

Ни нахапаться ремизов,
Ни достукаться призов,
Ни... колай Иванович Сізов,
Ни дворянович Сизів.

ТЬфу! Не знать бы нам капризов:
Начинаем от азов:
До-ре-ми-фа-соль-ля-сі-зов –
Обыватель Н.И. Сизів.

1933

* * *

Вот так октябрюта, брята,
Рята, ята, та...
Превосходные ребята:
Просто красота.

В школе учатся, как звери,
Вери, ери, ри...
Хорошо, по крайней мере,
Что ни говори.

Дома тоже не зевают,
Вают, ают, ют...
Всем вокруг надоедают:
Тут, и тут, и тут.

На дворе собачку, бачку,
Ачку, чку, ку, у...
Как увидят, – к ней впрыскачку:
Будь, мол, на чеку.

Кошечка, ошечка, шечка,
Ечка, чка, ка, а...
Молодого человечка
Тоже побаивается слегка.

Что за октябрёнок, брёнок,
Рёнок, ёнок, нок...
Мал да мил, а голос тонок,
Звонок, как звонок.

Будь же счастлив, октябрюша,
Рюша, юша, ша...
Жизнь твоя вкусна, как груша,
Очень хороша.

1934

* * *

Проживал в Москве.
Однако,
Отворачивая вид,
Поезд, милый как собака,
Дымом прядая, бежит.

Лакируется ионом
Поле пыльное небес;
Ручейков глазастых слюни
Распускает силпый лес.

Полон вежливой боязни,
Точно с ветром говорит
Приготовленный для казни
Равномерный габарит.

Не раскуривают неба
Облака. Куда ни кинь –
Заросли сырого хлеба
Щиплет хвоя полынью.

Сер взопревший небосклон;
Солнце птицами коптит;
Отдаленность водных лон
Возбуждает аппетит.

Вышел на Хопёр.
Попёр
По песочкам. Головель,
Рыба лёгкая, как вор,
По верху плывёт, как трель.

25.I. 1929

КАНТАТА (ЛЕТНЯЯ)

Блюдо заводи лежит.
Рыбы прыскают высоко.
Пахнет мылом и шипит
Кособокая осока.

Друг, меня ты не жалеешь.
В песни нежные глядишься.
Ах, не долго прыгать – ишь ты! –
Наживешься – околеешь.

Мальчик твой, – ядрёный лебедь, –
Приспособлен к камышу.
Вот те крест, – его лелеять
Убедительно прошу.

*

Утром на рассвете
Спят отцы и дети.
Бодрствует под ивой
Полуживой служивый.
Здесь моё гнездо.
Do-si-do-re-do.

Жил-был Петр Иваныч Рихтер.
Фрол Брантом, Егор Карбьер.
Вот мерси!
Замечательные люди
Si-la-si.

С добрым утром Пушкин.
Над твоей могилой
– Сердце на макушке –

Я стою, мой ми...
La-mi,
Mi-fa-fa-do, re-mi...

*

Эй, папаши и мамыши,
Подходите поджидать;
Коль не вымрут детки ваши,
Значит станут поживать.

Воспаленья желез, почек,
Ушки в гное, дифтерит...
Милый, махонький щеночек,
Будь здорова. Не умри.

*

– «Я не люблю самоуправств.
Имею смерть и жительство.
Поэтому, да здравств..., да здравств...
Советское правительство.

Пора сто тысяч мне найти:
Прилечь в своё издательство.
Довольно свинства на пути.
Довольно издевательства!» –

*

– Не знаешь ты и не узнаешь,
Как тихо, как лениво поёт,
Как близко висит и стучится
Весёлое сердце моё.

28.VIII. 1926

Я ВИДЕЛ

Поэма

1941 - 1952

*Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.*

Пушкин

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

*Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна.*

В. Жуковский

1

Я видел мглу невзгод,
Печали, боли,
Упавшую в народ
Непоневоле.

Глядел людей, предавших
Всё ради выгод,
В покупках и продажах
Нашедших выход.

Им почести легки,
Им подлость – штамп,
Им – больше ни строки
Не дам.

2

Я знал измен масштаб
И мрак лишенья,
Я ёжился и зяб
От отвращенья.

Я думал: клятвы лживы, –
Но зло не вечно?
Я, хоть для перспективы,
Не лгал беспечно.

И что ж? В числе задач
Насущный хлеб,
А я не стал ни зряч,
Ни слеп.

3

Не стал ни зрел, ни стар:
Ни плод, ни хворост.
С годами вглубь врал
В свой каждый возраст.

Чтоб быть за всё в ответе,
Нуждался в корме:
Сок в мысли, будто в ветви,
Вливали корни.

Друг, странник, меж людей
Бегущий вкось,
Войти под сень ветвей
Не бойсь!

4

Её найдёт мой взор
В сердцебиеньи,
Где розов разговор,
Где птичье пенье.

Её мой сон похитит
В провалах, в ямах,
Где стон и крик – эпитет,
Но не из самых.

Как позывная весть
Моей любви,
Сокровище, вот здесь
Живи!

5

Не надо черт её:
Пусть тот, кто может,
Сокровище своё
Здесь расположит.

Её (хоть весь мир вскроешь,
Она одна, вишь!)
На тьму других сокровищ
Не променяешь.

Она, – о, пыл сердец
Тут ни к чему, –
Начало и конец
Всеми.

6

Достоинство, краса
Уродство, низость...
Всё это – словеса.

К любви приблизясь,
Ты принимаешь вызов,
Ты платишь дани,
Ты раб её капризов,
Её желаний;
Она тебе – мораль,
Судьба, житьё...

Смотри, не замарай
Её.

7

Я постараюсь быть
Возможно краток.

Он, втапору, под прыть
Пелёнок, прятков,
Прогулок, рёва, салок,
Салазок, жмуток –
Ни шаток был, ни валок:
Скорее юрок.
И трус, и в морду – бац;
Герой лапты;
И умник, и паяц...

А ты?

8

Система пустяков
И детских паник
Осталась – был таков! –
У мам и нянек.

Взопревший средь горелок
От носа до ног,
Носился, мал и мелок,
Там пострелёнок.

Он цапал наобум
Весь мир (– кудряв! –),
Питая тело, ум
И нрав.

9

Ну, полно, что за счет
От карапузов?
Тащи-ка, брат, вперёд
Застрявший кузов!

Да выпрягай лошадок
Из шоколадок,
Где, говоришь, ни шаток
Он был, ни валок.

Да врать тут не моги:
Уж лучше спрячь
Гигантские шаги
За мяч.

10

Всё ж наименовать
Пора б героя,
Законную печать
К нему пристроя.

Мне ставить не хотелось
Себе в заслугу
Того, что русский мелос
Любезен слуху.

Но как приятен строй
И плавлен план,
Коль в повести герой –
Иван.

11

Сусанин, Калита,
Пожалуй, Грозный...
Нет, кличка не часта,
Коль взять серьёзно.

В поэме ж – как ни странно,
Но в этой пище
Ни одного Ивана,
Поди, не сыщешь.

Лишь в сказках дивный рок
Иванам дан:
Царевич, Дурачок –
Иван.

12

Традиция велит
Отдать два слова
Тем, кто произвели
Птенца такого.

Отец (Андрей Тураев,
К слову заметим)
Из русских самураев
Малозаметен.

Но всё же под Харбин
Бригадным влип
И там, как «верный сын»,
Погиб.

13

Мать, хоть на двадцать лет
Отца моложе,
В нём видела весь свет,
Всю мудрость тоже.
Он для нее был другом,
Ребёнком, мужем...

(Теперешним супругам
Пример бы нужен
Такой...)

Она за ним
Пошла вослед:
Их сон холмом одним
Одет.

14

В те дни героев рать
(А рать – большая!)
Не стала почитать
Земля родная.

Тем более, что после
Японской взбучки
И около и возле
Созрели тучки.

Поэтому Иван –
Как быть с судьбой? –
Был очень скоро ждан
Нуждой.

15

Как только грянул гром
Людской юдоли,
Попал он из хором
На антресоли
В один из переулков
Вблизи Арбата.

(Я сам переаукал
Их все когда-то.
Я там когда-то жил,
В родные дни.
Ну, ладно, старожил,
Нишкни!)

16

Зияют вдалеке,
За немкой-бонной,
Кормилицы пикé,
Денщик бессонный,
Казённая квартира,
Такой же выезд...
Окрестности картина,
Откуда вылез
С горы повисший сад
Над далью крыш...

Откуда был изъят
Малыш.

17

Линолеума путь
Под рододендрон
Не стану я тянуть:
Подробно – вредно
И не пристало вовсе.

В квартирке тесной
Иван и не задохся,
И рос прелестно.

Ум в сердце положи,
И... вообще:
Я буду продолжать
Общей.

18

Как мил, умён и строг
Стиль русских женщин!
Он клеветой не мог
Быть приуменьшен.

Есть, правда, пресмешные
Ханжи, тупицы,
Любовницы мошны и...
И чувств убийцы...

Конечно, дуры есть
В любых летах,
Которым честь не в честь,
Но... ах!

19

Как превосходна стать,
Как женствен образ!

Волос седая прядь –
Кокетства отпрыск, –
Не скрытая жеманством,
Ласкает облик,
Который и лукавством,
И светом облит:
Неотражённость дум
Морщинит лоб...

Ни слова, жалкий ум,
В поклёп!

20

Как будто прячет взор,
Немножко хмурый,
Горячий свой упор
В тень абажура.

Уж будто бы и мода
Такого типа,
Что ныне вспомнишь годы
Дагерротипа.

Высокий воротник
И пуфы плеч;
Московские – язык
И речь.

21

Под пятьдесят такой,
И устоялась
В ней гордость. А покой?
А молоджавость?

Её насмешка – вестник
Затей, в которых
Находят соль: ровесник,
Старик и отрок.

Такое существо,
Сестра отца,
Хранила естество
Юнца.

22

Когда б отца и мать
Не знал он слабо,
К ним нежностью пылать
Душа могла бы.

Смлада́ пестован тёткой
И ей балуем,
Платил любовьюю кроткой
Он дань двойную.

И, вправду, будто Бах
Его объял,
Оставив на губах
Хорал.

23

Все ль средства хороши,
Чтоб жить на свете?..

Ах, пенсии гроши
Скользки, как ветер:
Просмотрен так и эдак,
Раз сто кромсаем,
Сводимый напоследок
Концом с концами,
Был вовсе небогат
Семьи бюджет
Средь займов, дар, заплата,
И тщет.

24

Наследственность орды
С ярмом монашым
Дала свои плоды
В герое нашем.

И, ежели б не похоть
Того наследства,
Наверно меньше б охать
Пришлось от детства,
И юностью была б
Не канитель,
А то, в чём есть масштаб
И цель.

25

На встречи каждых жажд
Взбегал, как на мост,
И лёгок был багаж
Окрестных лакомств.

Итоги скудных знаний,
В мозгу ощерясь,
Накидывали знамя
На ложь и ересь.

Не ведая волшебств
И не суля,
Протягивала хлеб
Земля.

26

Учился он, нельзя
Сказать, чтоб плохо,
Но книгу на ферзя
Менял без вздоха.

Как слушатель, в концерте
Казался рьяным,
Пугаясь пуще смерти
Прослыть профаном.
Брянчал и сам, как мог,
Для хвастовства...

А мир платил налог:
Слова.

27

Заботливый компресс –
Сантиментальность –
Легко в «последний рейс»
Отправил Альнес.

И, хоть самодержавен,
(Не то, что Поппер!)
За Тютчевым Державин
Размяк средь опер.

А Достоевский шаг,
И вкус, и сок
Отмеривал Жан-Жак
Руссо.

28

Потом Руссо Анри,
Лучом магнита,
Подействовал, как крик,
На неофита.

Он на велосипеде
Читал Спинозу,
Азартно, как все дети,
Меняя позу.

Затем, изо всех сил –
Ну, гимназист! –
Кнут Гамсуна схватил,
Как хлыст.

29

Виной тут роста сны
Иль малолетье,
Но мировой войны
Он не заметил.

Он в мир входил, как нищий
Ползёт на паперть:
Какого ж чорта Ницше
Здесь мог направить?

Джемс, Соловьёв, Бёргсон,
Христос, Нордау...
А в голове – серсо,
Бурдау.

30

От школьных лет кровав
Бульон Лойолы:
И так ли уж неправ
Питомец школы.

В миллионах трупов цифры
Легли в сознание,
Лишь вспоминались циклы
Стран созиданья.

Войну, как, наконец,
Одну из драк,
Воспринял наш юнец
Вот так:

31

Он домыслов восток
Тянул на запад
В могилы «hic, haec, hoc»,
По трупам «apud».

За ржавое железо –
Тацита «tacet» –
Ни Александр, ни Цезарь
Не переплатят.

Летальная латынь
Не зорче бельм:
Ей просипел аминь
Вильгельм.

32

В его сознание смерть
Не от Вильгельма:
На женщину смотреть –
Вот что смертельно.

Спина, глаза, колени,
Ладони, плечи...
Томленье, умиление,
Удар: – увечье.

А мыслей бледный ход –
Как Млечный путь –
Запретной негой бьёт
Об грудь.

33

Пусть родственников клан
Стал беспокойней,
Боясь, что ураган
Сведёт их с бойней.

От ненависти к дядям,
К сестрицам, к тётям,
Ко всяким там: «уладим»,
«Замнём», «уплотим» –
Он становился хмур,
Упрям и квёл,
Влача уют конур,
Как вол.

34

О, грудь, о, милый вопль
Телесной яви!
Как трогательно тёпл –
В двойной оправе –
Твой оттенённый абрис:
Залог объятья
И самый женский адрес
Любви...

Опять я

Вильнул куда-то, тьфу,
Отвлёкся, скис...
Как распустил строфу –
Сюрприз.

35

Дана нам юность, но
Ретроспективно.

Жаль, что не введено,
Ну, хоть вакциной,
В возможность юный привкус
Создать для пробы:
Утрированность, прыткость,
Тоски сугробы,
Отчаяний предел
И прочий раж...
Ох, как бы облысел
Мираж!

36

Мы вовсе уж не так
Ценить бы стали,
Как нынче, весь пустяк
Отцветшей дали.

Мы вспомнили б и насморк,
И неудобства,
Мы подняли бы на смех
Ходульный остов
Своих любовных мечт –
Свой рай и храм –
Увидя скверный скетч
Средь драм.

37

Тураев юн: ни подл,
Ни без ошибок,
Он был, как ветви вѣтл
Упруг и гибок.

От аскетизма йогов
К снам Гюисманса
Бродил с пучком итогов
Не без буянства.

Ещё не слишком мудр –
Почти студент –
Попал в ловушку пудр
И лент.

38

Точёное лицо
Его подруги
Овеяно ленцой
Со всей округи.
Сквозь нехотя, сквозь томность,
Сквозь быстроглазость
Здесь молодости тонус
Сводился в казус.

И счастья краткий вздох
Под небеса
Невидимой звездой
Взвился.

39

Невероятный сон,
Как взрыв, как бомба,
Перебивает тон
Его апломба.

Пробитая кольчуга,
Дырявый панцирь:
Коричневое чудо
Торчит из ранца.

В тетрадах от наук –
В архиве схем –
Вихрь мечется двух букв:
К.М.

40

Два только у Мегам
В семье тирана:
Марина – Анирам
И Ксения – Ксана.

Мать – модница-индюшка
Не без претензий:
Хоть молода не дюже,
Крута, как вензель.

Старушка-няня – шик,
Сплошной чепец.
Художник-прикладник –
Отец.

41

Квартира, что музей
Кустарной кройки,
Полна платков, ларей,
Ковшей, набойки.
Обрамленных эскизов,
Огромных братин,
Наляпанных то сизых,
То жёлтых пятен.

А бытовой уклад,
Что было сил,
На заграничный лад
Косил.

42

И было что-то там
Чуть-чуть порочно:
То ль от самой мадам,
Отменно сочной,
То ль от духов, особой
Какой-то смеси,
То ль от «неё»...

Ещё бы,
Вот разве в пьесе –
Событий, чувств комок,
Треск катастроф...

А тут-то? – Камелёк
Без слов.

43

Как так – и Ксаны нет?
Ушла к подругам?..

И наш недомосед,
Собой обруган,
Садится ждать за «Блютнер»,
Шопена мямлит...
(Могли ж играть на лютне
Тристан иль... Гамлет?..)

Растоптан полонез,
В конце концов,
Под шелестящий плеск
Шагов.

44

От выпуклой мадам
Узнал немедля,
Что с дочками Мегам
В абонементе.

Потом узнал, что... Вагнер
В искусстве – узость.
Потом... (Ну, падший ангел,
Дуй, не конфузясь,
Обратно в небеса!)
Схитрилась мать
Юнцу свои мяса
Отдать.

45

Конечно, я бы мог
Пустится тотчас
В сравненья, что́ – порок,
Что́ – честь, что́ – почесть:
Затронуть пылкость барынь
Иль печки кафель;
Сказать, потрафил парень
Иль не потрафил;
Морали образец
В конце подъять –
Мол свиньи тот отец,
Та мать...

46

Поморализовать –
Оно понятно –
Хотя бы и в тетрадь
Весьма приятно,
И точно расчертивши
Морали график,
Погромче иль потише
Послать всех на́ фиг.

Зачем галдеть в упор
Тубо иль пиль? –
Обоим не в укор
Та былъ.

47

И дело не моё –
Судьба поминок
Невинности. Её
Не каждый инок
Прощупает под рясой:
Так уж куда ж мне,
Точащему балясы,
Ломиться в башни?

Вот, правда или ложь,
Весь винегрет.
Судите вы – хорош
Иль нет.

48

Стройна логичность рек
И цель упряма:
Ну, а уж человек –
Нивесть, незнамо...
Поток как будто тот же
Причин и следствий:
Один отсюда отжил,
Другой – разлезся.

Жизнь бойкая – то в бред,
То в сласть, то в боль –
Оставит скучный след:
Мозоль.

49

Так выростал герой
Мой незаметный.

Иллюзии порой,
Как позументы,
Брянча в высокогорце,
Сводили на земь
Ландшафты тех пропорций,
Каких не сглазим.
«Ништо», «авось», «кубыть» –
Домашний скот:
А уж не позабыть
Высот.

50

Один отпущен век –
По жизни на нос,
Но каждый человек
Немножко Янус.

Неравновесье зыбко –
Из яви в память:
Он золото с улыбкой
Меняет на медь.

И больше жизни медь
Беречь горазд,
Хоть медь лишь помереть
И даст.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Читатель дорогой,
Ты ждёшь, конечно,
Что я, как Арраго,
Взведу поспешно
Предложенные цифры
В любую степень,
Открою тайну шифра,
Которым сцеплен,
Как выучкой – солдат,
Весь мой пирог,
Что дам я результат,
Итог...

2

Нет, милый, подожди!

Здесь скоро хлынут
И слёзы, и дожди:
Родимый климат,
Ох, ими как пропитан,
Как ими выдан.

Мы двинемся к разбитым
Корытам, к видам,
Которых вся тоска
Тут, на ладонь
Прибита: как рука –
В огонь.

3

Вы знаете Урал?
Нет... этот, южный?
Ну, я бы не сказал,
Что знать не нужно.
Во-первых, для хозяйства:
Высокогрудый
Хребет не слишком застит
Каменья, руды
И жилы. Во-вторых,
Красот завал
Наляпал в каждый штрих
Урал.

4

Неистовства содом –
Его декорум:
Такого – ни судом,
Ни разговором.

Луны янтарный ялик
Плывёт келейно.
В ответ ей зубы скалит
Реки течение.

Огромный, меловой
Обрыв средь скал.
Лесов над головой
Обвал.

5

И дальше, в дичь и в темь
Неразберихи,
Влачит ночная тень
Свои вериги.
Передаёт свой хаос,
Как с возу на воз,
На скрип сосновых кляуз.

И леса пафос,
Что греческий актёр
Вершком котурн,
Приподнят чашей гор
В ноктюрн.

6

Качая слепоту
В гидрохиноне,
Час утра высоту
Рассветом тронет.

Проявленная частность
Висит, серея;
Таинственностью гаснут
Окрест деревья;

Внезапно очутясь,
Похолодав,
Змеит живую вязь
Вода.

7

Весёлый инженер
У Белогорья
Разделявал карьер,
Карьеру строя.

Среди акционеров
Был не без веса.
Супруга – не без нервов,
Свой дом – близ леса.

Ему тридцать один,
Ей – двадцать шесть:
Две дочери и сын
Уж есть.

8

Идиллия семьи
На двух мишенях:
На жалованьи и
На отношеньях.

Сергей Петрович Стаев
Не так уж часто
Встречал своих хозяев,
Своё начальство.

Сам был – глава и суд,
Властитель сил:
Его – рабочий люд
Любил.

9

Когда ж наедет сонм
Гостей московских
С ревизией, так он
С любим – по-свойски.

Уют удобных комнат
Милей гостиниц:
В них каждого упомнит
Его гостинец.

Тут – малость поюлит,
Там – пустит смех:
Чтоб всё имело вид
Утех.

10

Средь неба, трав и вод
С обрыва на́ мост
Гудит слегка вразброд
«Gaudeamus».

Фотограф им укажет,
Вон тот, сутулый,
Как форменных фуражек
Высоки тульи.

Нелепей кенгуру
Игра кокетств,
Затянутых в жару
В корсет.

11

Но весело пикник
Впадает в речку:
Детей домашний крик
Уж бьёт навстречу.

Опять застал фотограф
Всех на террасе:
Красивых, толстых, добрых...

(Ты не втирайся:
У них почтенный вид,
Они, средь яств,
Не знают ни обид,
Ни язв.)

12

Гармоника слышна:
Видать, с получки –
Рабочая спина
В благополучьи.

Но всё же диссонансом
Подпорчен вечер:
Не то чтобы опасным
Кой-чем подсвечен,
А... неприятен гул
Мастеровой;
За песнями разгул,
Разбой.

13

Зелёные столы
Несут с веранды:
Завязано в узлы
Свечей сверканье.

Законченная пулька
В полночный ужин
Передвигает стулья:
Он выпит, скушан.

С отрыжкой на луну
Прут кителя:
Их гонит в дом, ко сну
Земля.

14

Спит, ласково сопя,
Урала накипь:
Её, хоть про себя,
Расценит всякий.

И даже те, которым
С гармошкой пелось,
А жить по этим взгорьям
Не столь хотелось.

Издалека пришли:
Гнала сюда
Родимой их земли
Страда.

15

В слепом нагаре изб
Роились гнёзда
Их детств, забитых вдрызг,
Жестоких, грозных.

Застиранных пелёнок,
Гнилых онучей,
То горьких, то солёных
Слёз неминуемых
Исподний ералаш.

Как лебеда
Во ржи, как чья-то блажь –
Беда.

16

К Уралу наугад
Валили семьи.

Бараков длинный ряд
Лежит приземист.
Такая же, как дома –
Близ высей горных –
Грязь, неудобь, трахома:
Нужды намордник.

Да только как-то вширь
Разбух язык:
Чуваш, мордвин, башкир,
Калмык...

17

Да только что-то нет
И здесь раздоля!
И так же тощ кисет,
Как у трехполя;
И горб, тащась работать,
Трещит не легче;
И водочную подать
Гнать недалече;
И тот же в хлебе жмых;
И потен труд...

Уж тут не ждѣт ли их
Капут?

18

Эх, в омут головой!..
Что́ – в хлебобобах,
Что – по скале киркой:
Всё – плетью обух.

...Вот давеча от «общин»
Развёл тут сырость:
Так это дело, в общем,
Сойдёт под клирос...

...У самогó-т – часы..
...Ну, стало-ть, – квит.
Смеётся, брат, в усы,
Молчит...

19

А был беседам корм!

По тучам бусым
Стольпинских реформ
С нормальным вкусом
Не проскользнуть, ослышась.

Тут, от крамбамбуль
Влача в отставку ишиас,
Так наваландал
Угодливый министр,
Что либерал,
И тот почёл: ремиз,
Скандал!

20

Носился по цехам
Заводов, фабрик
Разнообразный гам:
Солидный набрех
Приспешников хозяйских
Гасился в хоре
Пустых и сбитых наспех
«Почти» – теорий.

Как выполнение снов,
В рабочих пел
Большой большевиков
Прицел.

21

И рядом, как везде,
Два разных мира
Обычайших систем:
Простак – проныра.

Сергей Петрович лихо,
Без колдобоин,
Улаживал конфликты
И был доволен.

Но вечен жизни путч:
Довольства гладь
Возможно и без туч
Встрепать.

22

Так год, другой прополз,
Пожалуй, третий...

Среди отменных польз
Всходили дети.
Обсиживая место
И положенье,
Уральское семейство
Жилó блаженно.

Судьба ж, стирая грим,
Оскалив клык,
Тут высунула им
Язык.

23

Меняется легко
Всё в жизни нашей!
Вот было молоко:
Хвать – простокваша.

Уж слишком человечны
Горя, болезни:
Живёшь себе беспечно –
Ан, тут и тресни...
Ждёшь самородков сплошь –
Ан, вышел шлак...

И сам себе поёшь:
Дуррак!

24

Нет счастья у людей:
Есть прах и ветер.

Не вставит коли где
Нужда свой вертел,
Случайности ошейник,
Как в глотку кляпом,
Там кораблекрушеньем
По жизни ляпнет.

Всё вывернется вдруг
Наоборот
И с севера на юг
Попрёт.

25

Совсем другой реестр
Других регистров
Всему наперерез
Заполнен быстро.

Как будто панегирик
Бьёт в поднебесье,
Глядь, мало счастья гирек
Для полновесья.

Он, homo, палимпсест,
Несчастий тень:
Пусть хоть все корни съест
Жень-шень.

26

Случилось, что Сергей
Петрович, как-то,
Провёл несколько дней
С ремонтом тракта
В горах.

Вернулся хмурый:

Без разговоров –
В кровать; с температурой
Чуть не под сорок.
Надежды нет: озноб,
И бред, и сыпь...

Землёй случайный гроб
Засыпь!

27

Не пышный катафалк –
Простые дроги...
И только это – факт
Её тревоги.

...Вдова! Каёмки крепа
Висят, топорщась...
«О, боже, как нелепо...»
Каких-то обществ
Венки. Над ним людей
Чужих слова...

В слезах ведёт детей
Вдова.

28

Ох, я и не таю,
Что в нашем мире
Привешены к житью
Большие гири.

Как ты ни поживаешь,
Во всю иль тихо,
Того гляди, узнаешь
Почём фунт лиха.

Уж так во все века:
Жизнь на земле
Соплива и зыбка –
Желе.

29

Потребностей хомут
Не мог на deus
Ех машина махнуть.

Но я надеюсь,
Что и для всех потребность
Не бог, так леший,
А жизнь – точь в точь под ребус
Без мерки влезший
Удобств иероглиф –
Предсмертный кейф! –
То прям, то прав, то крив,
То лев.

30

И вежливо пришлось,
И лицемерно
Податься вкривь и вкось
Акционерной
Компании, в которой
Служил покойный,
Чтоб не возникли споры,
Чтоб никакой не
Выплачивать отнюдь
Ни суммы, ни...

Ну, хоть бы что-нибудь –
Они!

31

Преемник за гроши
Купил их дачу.

На эти барыши
Был сразу начат
Путь поиска протекций –
Довольно древний –
С припевами про детский
Несчастный жребий...

Предпринят был отъезд
С детьми в Москву,
Где ждал тяжелый крест
Вдову.

32

С ребятами, без средств
Людмила Львовна
Жила совсем в обрез.

И безусловно
Существованье б строить
Пришлось с натугой,
Будь дамское здоровье
Не столь упруго.

Нет в мире никого
Сильнее их,
И женщин большинство
Таких.

33

Живёт, едва дыша,
Ест еле-еле:
Дрожит её душа
В глазах, не в теле:
– Энклитика! – Тростинка! –
Цветок! – Каменя! –

А станет жизнь дубинкой
Лупить по шее:
Тростинка – точно сталь,
Гни – не ломка;
С ней всякая печаль –
Мягка;

34

С ней горе – не тоска,
Боль – не злосчастье;
Легко её рука
Сотрёт ненастье;
Она и с декабристом
Дойдёт до кары,
И в бережную пристань
Судьбы удары
Направит...

Людям честь

(Хоть в этот раз)
За то, что они есть
Средь нас!

35

В приют сдать старших двух, –
Олега с Олей, –
Сумела, козырнув
Сиротской долей.

Припомнила про курсы,
Про пенё в церкви...

Ах, легче у Прокруста
Прийтись по мерке,
Чем женщине тогда –
Вот уж напасть! –
На честный путь труда
Попасть.

36

Эль Эль без явных чуд,
Чуть-чуть поклянча,
Устроилась в приют,
Как кастелянша.

Не каждым инженершам
Дано (тем хуже!)
Длить память об умершем
Любимом муже
Без всяких но...

Так сколь

Хвалы полна
Людмила Львовна, коль –
Она!

37

Ну, наконец, довёз
Я эпопею
До... И хоть довелось,
Но каменею!

Пристало ль в интермеццо
Вести развитие?
Обязан центр иметься
В любом событии?
Будь это анекдот
Или гротеск,
И им не подойдёт
Протез?

38

Считаю: намекнул,
Вокруг наперчив,
Что здесь ОНА среди кукл
Из гуттаперчи.

Не будем же «da caro»
Детств и младенчеств
Отцеживать да капать.

Не тем увенчась,
Тяни скорей, роман,
Из звеньев строф
Обещанный дурман
Голгоф!

39

Уж нам ли восклицать
«Quousque tandem»?
Уж нам ли воск лица
Склонять над Дантом?
Обетом ли чистилищ
Нам души выместь?
Виденьями ли силищ
Разбавить примесь
Той горечи, какой
Была полна
Война, когда на кой
Она?!

40

Здесь помесь лжей и правд
Невыносима!

Шаги мои направь
Ты, Мнемосина, –
Любезно озаботясь
Клубком понятий,
Анализом гипотез,
Интерполяций,
Судеб людских рагу, –
Дай мне рецепт
Восстановить в мозгу
Вертеп!

41

Ох, страшно приступить,
Навеять в память
Багровый мир убийц,
Страданий камедь.

Война – чей близкий контур
Мерцает ныне –
Война – когтистый кондор
На мертвечине –
Ужасней, чем чума,
Сап, кара-курт,
Твой спятивший с ума
Абсурд.

42

Ну, ладно, кабы смерч
Умы нахохлил...
Добро бы ещё – смерть:
Её бы проклял... –
Бессмыслица, повинность,
Игра невежеств,
Которые навьинос
Смахнули свежесть,
Которых весь конспект,
Слепей совы,
Весь восклицаньем спет:
Увы!

43

Когда-то в крепостных,
Чья память в розгах,
Орудий крепостных
Метались грозы:
Не алчное упрямство –
Любовь к отчизне
Им освещала транспорт
Из этой жизни.

А рядом – плеть и меч
Торчат из тьмы.
За символом «полечь
Костью».

44

Хоть в старте и старо,
А молод финиш:
Побереги добро –
Зло отодвинешь.

Во мглу вперяет очи
Людская особь:
Крестьянин, вождь, рабочий,
Солдат, философ,
Бандит и царь – решат
Не каждый раз
Этический разлад
На глаз.

45

Предотвращая крах,
Придёт не прихоть:
И совести в нутрах
Не вечно дрыхать! –

Перебивает диспут
Не рок, не догма:
Порядочность, на приступ,
Душой ведома! –

Не подлости дифтонг,
Не ектенья
Настроенного в тон
Чутья, –

46

Дать косвенный ответ
Куда как легче,
Сказав: «иных уж нет,
А те – далече...»

Память не вредно б память,
Где знали вы их,
Где смерть переупрямить
Мог лёгкий вывих,
Мельчайший эквивок...

И сколько уйм
Отринуло скачок
На дюйм!..

47

Где родины завет –
Не спор величеств,
Где – родина зовёт? –
Так жизнь хоть вычеств,
Там качеством отечеств,
Отчизн и родин
Не уничтожит нечисть
Того, кто годеи
Народу своему,
И чей девиз
Достоинство: ему –
Дивись!

48

Но место ль здесь псалмы
Мягчить елеем?
Плакат героизма мы
Не здесь наклеим.

Не будет здесь диагноз
Хватать под жабры,
Меняя «страсть» на «наглость»
И «злой» на «храбрый».

Уж как бы не исчез
(– Чорт из реторт! –)
Воинственных веществ
Аккорд.

49

Оставим-ка с тобой,
Читатель милый,
Москву с детьми, вдовой
И прочей силой...
Тем боле, что ребята
Людмилы Львовны
Для битв – молодоваты,
В делах – невольны.

Подыщем-ка магнит
Без узд и норм,
Откуда засвистит
Весь шторм.

50

Там нашу тишь да гладь
Мы доконаем,
Чтоб нам читатель слать
Не мог анафем;
Чтоб наш открытый ларчик
Таил, что надо:
Не супчик, не отварчик,
А и говядо.

Наскучили, поди,
Уж наверной
Все наши «погоди»,
«Постой»?..

51

Вот, было, позабыл:
Добро – хоть вспомнил,
Чем этой песни былъ
В конце заполним!

«Её» зовут – Наташа.

В ней (ведь – меньшая!)
Людмила Львовна наша
Души не чает.

И вновь родной очаг
Теплом согрет,
И в сереньких очах
Весь свет.

52

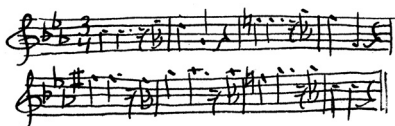
Боюсь – не хватит шонь
Во мне на траур,
Раз он, куда ни плюнь!

Мне не по нраву,
Что слёз полна и жалоб
Моя палитра...

(Тут, вроде, не мешало б
Хватить поллитра!
Зачем?.. – не вдребезги:
Наперекур, –
Чтоб привести мозги
В ажур).

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Бетховен. Вариации C-moll

1

Когда тускнеет явь
Всё нестерпимей,
Её туда отправь,
Где Нестор, Пимен
В отшельническом стиле,
Меж скудных трапез,
Как летопись, растили
Скупую запись.

Пусть недомолвка их
Иль плеоназм
Не вводят «малых сих»
В соблазн.

2

Нет в мире ничего
Тоски тяжеле:
«Напрасно», «для чего»,
«Забудь», «ужели» –
Докучной вереницей
Сознание топят.

Нет сил перемениться,
Пока не допит
Подробностей хлебок:
Остры, тупы, –
Вонзают в левый бок
Шипы.

3

Жестокий, грозный час
Всемирной бойни
Теперь всосал и нас
В свой трепет гнойный.

В час испытанья мужеств,
Геройства, скорби
Весь предстоящий ужас
Нас да не сгорбит!

Подыдем в час войны
Тяжёлый меч,
Чтоб честь своей страны
Сберечь.

4

Уж тонкости ль идей,
Учѐб и грамот
Наделать тех людей,
Что в битвы прянут
Не орденов обетом
Иль преимуществ,
Не в удалстве отпетом,
Не перемучась –
Меж «можно» и «нельзя»
Теряя толк, –

А с радостью неся
Свой долг?

5

О, русская земля, –
В кровавых родах
Великая семья
Твоих народов
Тебя врагу не выдаст!

Пусть мор, пусть гибель,
Пусть горе очи выест,
Пусть смерть на дыбе –

Где все – за одного,
Один – за всех,
Там – жизни торжество
В посев!

6

Плачь, родина моя,
О каждом сыне,
Чья жизнь и смерть – маяк!

Своей святыни
Не продал. Без заклатья,
Без укоризны
За жизнь свободных братьев
Любой отчизны,
За жизнь свободных жён,
За жизнь твою –

Достоинo пал, сражён
В бою.

7

Ты, варвар, свой народ
Подняв обманом,
В крови который год
Ведёшь по странам!
Тебе, вандал, не плебса ль
Уж захотелось?
Чтобы на блюде хлѣб-соль,
Дрожа за целость
Свою, несли ползком?
Чтоб под сапог
И наш родимый дом
Взять мог?

8

Не быть тому, бандит!
Тебе по праву
Лишь гроб принадлежит.

Победу, славу
Да обретает вскоре
Строй краснозвёздый,
И да исчезнет горе
Звездой безгнёздой!

Пожалуй, что пора
Кончать пролог
Не то чтоб под ура,
А впрок.

9

Так вот, читатель мой...

А правда, кстати:
Какой же ты такой
Мой друг-читатель?

Веду тебя по дебрям,
Давно замолкшим,
Под уговор: «потерпим» –
Всё к дозам большим
Давнишних пустяков,
Чуть что не чуд...

Да ворохом стихов
Брянчу...

10

Ты – молод! Звоном рифм
Не станут бредить,
Чтоб вспомнить норов нимф,
Седые леди.
Не ритмом станут старцы
Лечить подагру,
И даже, может статься,
Не как подарку
Подхмыкнет семьянин
Пóд сорок лет
Тому, что перед ним
Поэт.

11

Египетский, латынь,
Санскрит иль ыдиш, –
Чем хочешь, мысли двинь:

Ты сразу видишь,
Что медленные ивы
Клубами дыма,
Тая реки извивы,
Проходят мимо;

Что дом, штаны, коклюш,
Бедняк, калиф –
Всё тех же мелких луж
Разлив.

12

Так ограничен мир,
Так тесен космос!

Ни перьев, ни чернил
На эту косность
Не хватит. Выкинь выпел
Ввысь хоть донёльзя,
Всё – свет кругом белым-бел,
Всё – кажет Цельзий,
Что даже нелюдим,
В своей лапше,
Всё тот же отблеск, дым,
Клише.

13

...И молодость души
Мне в том порукой:
Её ты не души
И не баюкай.

Не всякий на распутьи –
Хоть ей цены нет –
Её из горькой сути
На счастье вынет.

Питай её и холь,
Не дай пропасть:
Она тебе и боль
И сласть.

14

Хоть каждой жизни труд
Слегка сизифов,
Но все, трудясь, живут,
Не помня мифов.

Когда же облик сфинкса
Иль тень трагедий
Случайно в наше свинство
Лучом заедет, –
Польются попурри
Из оперетт...

Что там ни говори –
Ответ.

15

Боюсь, что подавлюсь,
Коль дальше двинусь:
Бывает, что и плюс
Сойдёт за минус.

Адмвысланный Овидий,
Катясь в телеге,
Наверно ни субсидий,
Ни привилегий
Не ждал за свой архив –
Плод многих лет:

А уж на что – архи-
Поэт!

16

Когда другой поэт
Повёл обычай
Итти, покинув свет,
Вслед за добычей,
Сурово мысли сдвинул
Раздумьем: где́ здесь
Поэзии ли стимул
Иль прозы тезис,
Чтоб написать о ней?

И в ад сошед,
Нашёл среди теней
Сюжет.

17

Рассыпал бы пред ней
Военный писарь
Бессмысленных речей
Дешевый бисер.

Гипнозом лап и буркал
Лихой повеса
Красотку б так затуркал,
Что ни бельмеса
Не поняла б, сомлев,
Ногой ни в зуб: –

Хватай её, о, лев,
Как труп!

18

Реальности пятно
Не может выцвести,
Пусть брошено оно
В огонь иль в известь.

Согласно «манифесту»,
Античный портик,
Поставленный ни к месту,
Всё дело портит.

Но есть ли абсолют
В том, как лобзать?
(Хоть этим подсолю
Абзац!)

19

Так велику ль корысть
Мы взбутетеним,
Пойми и покорись
Моим виденьям.

Я, тщательно развесив,
Зажгу на выбор
Кусочки разных месив,
И, если сыр-бор
Займётся от огня, –
Беги к огню
И требуй от меня
Меню.

20

Всегда, что позади
Осталось, встанет.
Гравюрой на меди́
Воспоминаний,
Протравленных годами,
Щемящих, гневных.

К печальной панораме
Дел ежедневных
Вдобавок этот груз
Не много даст:
И ржав и закорузл
Балласт.

21

Легко ли выйти в свет,
Спроси рожениц.

Скажу (– простите все! –),
Как уроженец,
Рождающий героев,
Ну, хоть в поэме:
Нескладного покроя
Людское семя!
Уж так-то давит, жмёт,
Когда порой
В мир лезет идиот
Спиной...

22

Свинчаткой налитой
По всем как жажнет!

Уж тут то́ да не то,
Что в мире шахмат.
Дебют, гамбит: всё – тонко...
Расчёт, идеи...
Жох, ничка, плочка, конка...
Шпарь без затей!..

Пусть это всё сойдёт
За резюме...
А там – вперёд, вперёд –
К зиме!..

23

Ошибся, виноват:
К весне и к лету!

Там взгляды задрожат
По бересклету.
Там приручённый лебедь
Покушать просит,
Беря с ладошки хлебец,
Скромней, чем пёсик.

(...Боярышник качал
Червонный плод...
...Шли барышни: в очах –
Тепло...)

24

Отсюда нам видны
Аксессуары
Недавней старины,
Не очень старой.

Она тиха, как келья,
В ней смраден воздух...

А так как из ущелья
Виднее звёзды,
Забьёмся в эту щель,
В одну из дыр,
Чтоб посмотреть отсель
На мир.

25

Издалеку возьмём:
Сюда, как к центру...

(– Здесь до сих пор во всём,
Хоть по акценту,
Заметна прядь седая
Былых традиций –)

...Стекались, оседая
Вблизи водицы,
Без дум о ветчине –
Лишь был бы хлеб! –
Древлянин, печенег,
Дулеб.

26

И здесь столетья три
Или четыре
(То ведали цари!)
Сидел, как чирей,
Боярский род: не очень
Чтоб уж вельможист,
Но всё же не без вотчин,
Не из ничтожеств...
Умел надуть, пороть,
Лизать зады:

Именье стало – хоть
Куды!

27

Фруктовый сад. За ним,
Над крышей строек,
Глазастый мезонин
Уют покоит.

Подъезд у дома вылез
Огромным брюхом:
Путь рядом неизвилист
До барских кухонь.

Поодаль: скотный двор,
Конюшни, хлев
И пёс, ронявший взор,
Как лев.

28

С горы спускался строй
Стволов столетних.
Струились под листвой
Тропинок ленты.

По вечерам ресницы
Лучей атели...

Деревьев вереница
Ручей аллеи
Внимательно влекла
К реке, в луга,
Где месяц колыхал
Рога.

29

И этот контрапункт –
Малинов, палев
И зелен – на тропу
Передавали
Узором анфилады
Теней... И серьги,
Висящие, как взгляды,
С боков и сверху,
Цеплялись сквозь кусты
И впрямь – к душе,
Не находя пустых
Ушей.

30

И впрямь сад, будто сам,
Застыв, как Будда,
Взор бросив к небесам,
И впрямь, как будто
Заворожён, как Мерлин,
Закинув очи
Под замедлённым, нервным
И очень точным,
Тугим движеньем чар,
Впрямь, будто спя,
Уже не замечал
Себя.

31

Уводят глубже в лес
Метаморфозы
Под материнский плеск
Листов берёзы.

Висит из чащ, как фартук,
Трава опушки.
Настроенные в квартиру
Кричат кукушки.

Мерещится, что скрыт
Здесь – обелиск
Меж сосен, – манускрипт
Меж листв.

32

Вода, трава и лес –
В порядке трио –
Разыгрывали весь
Весны период.

...Так навострён орнамент
Весны в отравах,
Что бабочки орлами
Парили в травах.

... Читая речи ив,
Как тень стиха,
Ручья речитатив
Стихал.

33

Счастливым властелин
Угодий этих
(На нём в отставке чин
Большой!) – был в нетях.

... Частенько мы перечим,
Кричим, кичимся,
Когда гордиться нечем...

Платон Спечинский,
Распутник и ханжа,
Эсквайр и плут,
Всю жизнь менял «кинжал»
На «плуг».

34

С Тураевым (отцом) –
Окончив следом –
Был в Пажеском. Потом
Стал правоведам.

Богач, он при особах,
Как признак тени,
Чиновником «особых»
Был поручений.

Нетяжкое ярмо
Сам называл,
Гутируя бонмо:
«Кинжал».

35

Часть года (много сил
«Труды» съедали!)
В «Высоком» проводил
Средь трав и далей.

«Труды» ж – на самом деле
Сводились в тропы
Изысканных борделей
Столиц Европы.

Усмешку притая,
Столичный друг,
– Что ж, – говорил, – чем я
Не «плуг»?

36

Взрывая целину
Младых пейзажков,
Хоть за ноги тяну
Их в пышный замок
Культуры... –

Для оттяжки

В девятьсот пятом
За собственные ляжки
Чуть не был взят он.

Три месяца в дому
Жил взвод солдат:
Хоть не сожгли, тому
Был рад.

37

Свербила в нём отнюдь
Не дальноркость,
А вот какая муть.

Кончая корпус,
Еще пижон и шибздик,
Он был назначен
(Кто тут и в чём ошибся –
Не обозначим!)
В числе других пажей
Смотреть на казнь:
Проймёт ли, мол, мужей
Боязнь?

38

...Оскален дальний двор
В ночи на крепость.
Священник, прокурор:
Весь чин – как ребус.

Похабничал Гагарин,
Хихикал Лёвка...
Палач, огромный парень,
Работал ловко...

Вдруг трое (те!) зараз
Вскричали в лад:
– Дрожи тиран! За нас
Отмстят. –

39

Обратен результат
Такой закалки,
На объективный взгляд –
Довольно жалкой.

Достали кавалеры
«Такие» книжки...
Революционеры
Из них не вышли, –
Но понял наш Платон,
Что есть народ,
Что уж не столь силён
Оплот.

40

В нём был весьма глубок
Слой сибаритства,
И тихий шопоток,
Мол, – Поборись-ка! –
Его не заграбастал.

От лёгкой сласти
Легко ль отрезать: – Баста,
Бросайте, слазьте! –

Вопрос таких карьер –
Вопрос не в лоб,
Когда их бег – карьер,
Галоп.

41

Вот колыбель причин
Тех, при которых
Роскошный господин
Высоцкий, Второв,
Морозов иль Дубасов,
Привычным жестом
Рабочий люд дубася,
Всё тем же местом
Жертвовал, слазя в сейф,
Купонный лов
На «потрясенье» всех
Основ.

42

Сынки – отцам под сорт!
Блюда эстетство,
Установили спорт
Архикокетства:
Набравшись в «геттингенах»
Сверх-медитаций,
Тащить к себе в именье
Тюк прокламаций.

Больной капитализм
Жрал сам себя,
Про собственный снобизм
Трубя.

43

Усвоив томный клич
От fin du siecle'я
Наш друг, Платон Ильич,
– Вот кабы секли?.. –
Кумекал...

Но им лично
(О мудрость в зёрнах!)
Была агрономичка,
Из поднадзорных,
Приглашена вести
Именье. В дом
Влить вздумал травести,
Как бром.

44

Был барин этот, в год
Войны германской,
В отставке. «Патриот»
Не стал карман свой
Трясти во всю... Как денди,
Верней, как янки,
Он перевёл все деньги,
Что были в банке,
В американский банк
И ohne Sorg',
Понёся, как мустанг,
В Нью-Йорк.

45

Ну, плюнем на ханжу
На это время:
О тех я расскажу,
Кто ближе к теме.

Любовь Петровна Згура –
Агрономичка.

Совсем её фигура
Не романтична,
Но чистота души,
Как лезвёе:
Икону хоть пиши
С неё.

46

(Возьми, не смяв, поэт,
И не запутав,
Растрёпанный букет
Из незабудок.

...Как томно... как блондинка...
Как от безделья...

Легонько пододвинь-ка,
Чтоб заблестели –
Его медовый тлен,
Голубизна:
Взята в небесный плен
Луна.)

47

Плюгав и белобрыс
Был вид курсистки:
Смотрели сверху вниз
(Хоть по-марксистски
Оно б не полагалось!)
Её коллеги
На то, как бултыхалась
В сумбурном беге
С зачётов на урок,
С уроков на... –
Как бледный мотылек,
Она.

48

Забота о других –
На первом плане:
И в этом – главный штрих
Её метаний.

Тут – помощь погорельцам,
Там – от землячеств
Порученное дельце,
Здесь – обозначась
Безвременно, контроль
Каких-то касс...
За всё, хоть не неволь,
Бралась.

49

Но получить диплом,
Венец ученья,
Ей помешал циклон.

Как принцип тленья,
Реакция носилась –
«Свобод» возмездье, –
Свободу вырвать силась
С корнями вместе.

Пришлось (за что́ – нивесть)
В глухой уезд
И Любе произвесть
Отъезд.

50

В политике она
Отнюдь не слишком
Была искушена.

Где – по наслышкам,
Где – проявляя поиск
За справедливость,
Где – просто беспокоясь,
Чтоб проявилась
Энергия добра –
Души порыв –
Всего её нутра
Актив.

51

В уездном городке
Любовь Петровна
Не сгинула в тоске.

И хладнокровно
И дельно оглядевшись,
Учла события,
Судьбой хоть не утешась,
Но не обидясь.

Как спал переполох,
Взялась за гуж
Набивки и голов
И душ.

52

Потом – хоть мудрено
С природой женской! –
Она, как агроном,
В управе земской
Служила...

Меж приезжих

Бывал в управе
Высоковский помещик:
Свой план составя,
Переманить к себе
Её сумел
Вершителем судеб
И дел.

53

А Люба в тишине
Ни на минуту
Не растерялась, не
Смутилась, будто
Всю жизнь вела поместья.

Полями, стадом
Молочной фермой вместе
С фруктовым садом
Орудовала без
Потерь, без помп,
Приобретая вес,
Апломб.

54

Оценки старых дев
Мы не повысим,
С улыбкой проглядев
Багаж их писем.

И часто и наивно
Любаша наша
(Пожалуй, в том повинно
Житьё монашье)
Писала письма, чтоб
Своей судьбе
Покрикивать хоть: «цоб-
Цобе!»

55

В Высокое засев
Почла б за промах
Не помнить обо всех
Друзьях, знакомых.

Тот каторжник, тот
ссылный,
Тот поселенец:
Тогдашняя вся была не
Без заусениц...

В сердечной доброте
Она как раз
Об этих и о тех
Пеклась.

56

Один из тех, кому
Конкретной помощь
Была, сейчас в доме
Жил, как приёмыш.

Игнатий Нилович Рогов –
По кличке «Зигфрид» –
Эсер: царя и бога
Взорвёт и взвихрит.

Конспиративен кров:
Звался жилец –
Григорий Мотылёв,
Писец.

57

Считался – для «властей» –
Молочной фермы
Конторщиком. Постель,
Знак эфемерный
Его жилья, в домишке,
Где сепаратор
За стенкой был. Мальчишки
У аппарата
Крутили капитал
В час – на пятак...
И каждый «дядю» знал.

Итак:

58

В деревне был тот год –
Войны двухлетье –
Срединой бед. Народ
Военной плетью
Расхлёстан, выбит, съёжен:
Уют какой те...

И всё-таки, и всё же,
Кое-как, кой-где,
С исподу здорова,
Не от лекарств,
Жизнь, как всегда, едва
Влеклась.

59

Кондовый дух, квасной
(Тихоня! – Скаред!),
Как встретятся со мной,
Так в сердце вдарит
Мальчишески науськать –
Фтюкать и ухать,
Заулюлюкав: пусть-ка
Тикает!..

Ну, хоть
Героя моего
Здесь днём с огнём
Не сыщешь, мы его –
Согнём!

60

Он будет нами вскрыт:
Пусть нам послужит.

Ни юношеский вид,
Ни неуклюжесть
Ему помочь не смогут:
Уж в лучшем разе
Над ним подымут гогот
Ребята разве.

Да, может, сквозь конфуз
Его забот
Поэмы добрый кус
Мелькнёт.

61

Бывает: дни идут,
Года хватая;
Заученный этюд –
Часов ватага.

И вдруг закличет фатум
В миг некий (в этот?):
И с гением и с фатом
Единый метод –
Ухватит за вихор
Да об'земь – дзынь!
Короткий разговор:
Аминь.

62

Да что ты, брат, окстись,
Хулы не надо!

Крестителю кисть
У Леонардо
Смотри, дрожа и ёжась,
Ты, «астероид»!

Когда среди убожеств
Хоть приоткроет
Великий гуманист
Свой ореол, –
Молчи, угомонись,
Орёл!

63

Мгновения пройдут,
Не дав реванша.

Цветок или продукт
Завянет раньше,
Чем ты переиначишь
Какой-то промах.

И станет чёрствым мякиш,
Хоть крик твой громок,
Хоть не зарыт твой гроб
С туманным «я»
В немой калейдоскоп
Былья.

64

Свидетелем меня
Поставил кто-то.
Вот – около огня
Моя забота,
И, может быть, сгорю я,
Как простофиля,
(Не очень-то горяя
Из-за насилья) –
Но не возьму займы
Ни душ, ни дум,
Чтоб пискнуть из тюрьмы:
– Warum?

65

Увесистый свой куль
(Свой милый жолудь)
Придётся – жуль не жуль! –
Расчистив молодь,
Отдать во власть инерций,
Без норм, без этик
Тая, почти как сердце,
Такой заветик:
Иди, открыв глаза,
Бурань, самумь,
Но не скрывайся за
Заумь!

66

Да я не увильну,
Хоть чтоб не сбиться
В раскинутом плену
Всех экспозиций.

Читатель мой, вся поросль,
Весь этот выгиб
«Вечорась», «позавчорась» –
Чтоб сок не выкип:
Среди других помех
Епитимья́
Тебе за мой же грех...

Да я

67

Попробую сбечь,
Труды удвоив,
Одну из первых встреч
Своих героев;
Посыпав мелкий гравий,
Пройдусь по каждой
Из бранных биографий.

Катись, пока́ что,
Подвластна их судьбе,
Волной строфа:
Теперь-то уж тебе –
Лафа!

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Героев рандеву
Хоть и готово,
Четвёртую главу
Начнём ab ovo.

Кой-что напомним вкратце,
Чтоб в тёмных недрах
Мог сразу разобраться
И друг и недруг,
Спокойно молвив: – Ишь,
Сюжет-от прост:
Тут слон орёт, тут – мышь,
Тут – дрозд... –

2

Читатель, от души
Совет тебе мой:
Терпи и не спеши.

Освоясь с темой,
Узнай мои попытки,
Мои замашки:
Дух, мысли, подмикитки,
Мечты, тормашки...

Ведь я же не учу,
Как делать квас,
Готовить каучук,
Левкас?

3

Чтоб знать, где Алконост
Поёт, где – Сирин,
Сунь, коль не жалко, нос
В закут просвирен.

В тысячелетнем скрипе,
С елейным видом
Там жмут тебя под скипетр
Властей et idem...

Хорошенький памфлет:
Сок этих притч
Жрёт две тысячи лет
Весь притч!

4

И я не зареву:
– Дружочек, выглянь,
Спустись к нам на ревью...
(Тьфу, – lapsus linguae!)
...На песнопенье! –
Нет уж,
Теперь не просто ль,
Отбросив эту ветошь,
Почистить вдосталь,
Пробормотав пароль,
Встать на дыбы
И отчубучить роль
Судьбы.

5

Поэзии язык
Эзотеричен:
Не за горой позыв,
А за обличьем.

Расположившись тут же,
С сознанием спора,
Он обвивает туже
Memento mori
Всю внутренность ума,
Всю сердца кладь.

И может, смеет тьма
Блестать!

6

Инкогнито нутра,
Души потёмки,
(Пусть спорят до утра
О том потомки)
Для нас-то уж – краюха,
Нам-то – отдушник,
Чтоб высунуть край уха
Из комнат душных:
Гам, оттепель, мокреть,
Капель, бальзам –
Драть уши да тереть
Глаза...

7

Конгломерат идей
И комплекс знаний
Годны в чужой беде,
В своём изъяне:
Как альфа и омега,
В любой потере
Хоть стаявшего снега
Дадут критерий.

(– Вопи «аминь», кретин,
Раздувши спесь,
И термин син-кре-тизм
Развесь! –)

8

Пусть аутодафе
Теперь и в моде,
Не маленькой строфе
Жить по погоде,
Бродя по свету-белу,
Как брань и глупость...

Ну, ладно! Ближе к делу:
Писатель, ну-кося,
Довольно трепотни,
Валяй во-всю!..

Читатель, не дыхни, –
Просю!

9

Губернский фабрикант
Нил Провыч Рогов...
(Дед – Рогов Африкан –
Густых отрогов
Торгово-новгородских)
...Своих младенцев
Воспитывал без розги,
Без индульгенций,
Взыскую от доброт
Тот идеал,
Которого их род
Не знал.

10

Младенец первый – Пётр,
Второй – Игнатий:
Их небольшой осмотр
Тут будет кстати.

Женила Нила сваха
Безусым парнем
На дочери «монаха»:
Был он викарным
В епархии. Родив,
Слегла жена,
В сей жизни не вкусив
Сполна.

11

Наверно не плохим
Нил был бы мужем,
Но спутником больным
Обезоружен,
Вложил все силы в «дело» –
Отца наследье:
И дело загудело...

Сын всем на свете
Был для больной: как принц,
Взлелеян он,
Его любой каприз –
Закон.

12

Кормилец, нянек, бонн
И гувернанток
Закончился трезвон.

Сам губернатор
Наставников «инфанту»
Избрал. Экстерном
Экзамены приватно
Сданы...

        Примерно,
Больной покинуть свет
Пришла пора,
Сдав в университет
Петра.

13

Становится весь курс
Ученья мнимым:
Студенческий картуз
Сияет нимбом,
А отчая опека
Комфорт покоит.

Куда же человека
Сведёт такое
Безбольное житьё?

Да что тянуть:
Для каждого – своё,
Свой путь.

14

Новёхонек костюм –
Бостон индиго...
В руках (что за хвастун!)
Цветок и книга:
Старается из юных
Своих силёнок
Подстроить весь рисунок
Из раззелёных.

Ему в гостях – свой дом,
Везде – успех
И ласковый приём
У всех.

15

Он, не жалея сил,
Сон экономя,
Уютно возводил
Строй антиномий.

Чуть не вождем сей скептик
Был вскоре признан
В одной туманной секте
Демократизма.

И, хоть никто не гнал,
Пётр вывез в Берн
Свой этот социал-
Модерн.

16

Меж тем могучий Нил
За эти годы
Чудовищно развил
Свои доходы.

И, хоть заматерелость
В родимых вонях,
Конечно, в нём имелась,
Всё ж был не конюх,
Не поп: практичен, вдов
И полон сил –
Жить заново готов
Наш Нил.

17

Его родная плоть –
Сын и наследник –
Отрезанный ломоть,
Не собеседник.

Себя открыв, как прииск
С запасом тёплым,
Который не распыскан,
А впрок накоплен,
Почуяв милый гнёт
Сердечных дел,
Нил в новый переплёт
Влетел.

18

Считалось злом из зол
И наказаньем
Именье «Мокрый Дол».
Его хозяин,
Князь Юрий Глебыч Морков,
Жил-был под вексель:
С тех пор бы и в опорках
Свой быт подвесил,
Как померла жена,
Тот старый хрен,
Когда бы не княжна
Ирэн.

19

Хоть махонек садист
(Не в свои сани...) –
Поди-ка с ним судись:
Затравит псами...

Чем барин беспортошней,
Тем гаже гонор:
Иной балбес-картёжник
Прёт без пARDону
Под благородный вид
Noblesse oblige –
Тряхни, и завизжит
Голыш.

20

Седины в бородах,
А бесы в рёбрах!
Почёсть, и в городах –
Свет не без добрых
Людей?..

Скажу короче:

Наш вдовый практик
На вздохи и на очи
Сил не потратив,
Добился напрямки
(Нужны – нежны!)
И сердца и руки
Княжны.

21

Петру в противовес
Их сын, Игнатий,
Стал (старился отец)
Отца дитятей.

(Возможности Ирины
Юрьевны, – будем
Прямы, – соизмеримы
Рублём и блудом).

И, милый мир коптя,
Как всяка тварь,
Конфузилось дитя
Едва ль.

22

Взлелеяно отцом,
Оно постигло
И форму и объём.
Меняя игры,
С отцом оно гуляло:
Встречалось с мамой
И нехотя и мало.

За амальгамой
Такого детства сбит
Слегка вразброс,
Игнатий без обид
Подрос.

23

В двенадцать с чем-то лет
Он ухитрился
Подстроить камуфлет.

Прознав, что рыльце
В пушку у мамы-Рины,
Выпустил когти
И (факт неоспоримый)
Пребольно.

Дёгтем
Измазал в спальнóй дверь
И дверь в людской,
Где жил лакей, как зверь,
Лихой.

24

Детей наивный бунт,
Что половодье:
Наотмашь, наобум.

Но верховодит,
На трёх китах покоясь,
Людским зверинцем
Отнюдь не чести кодекс,
Отнюдь не принцип.

Над парнем дворня ржёт:
– Брюхат, ей-ей! –
Потребовал расчёт
Лакей.

25

В реальном, где цветок
Наш распускался,
Зрел вольницы кружок –
При старших классах.
Его призыв оформил
Всех своенравней
Игнат:

достав револьвер
Системы «браунинг»,
Прияелей отряд
В три молодца
Повёл в товарный склад
Отца.

26

Всё приняло бы вид
Не столь конфузный,
Не будь ночной «бандит»
Барбосом узнан.

...И фонари, и маски,
И сторож в путах...

А пёс, ни мало-мальски
Игры не спутав,
Приветствовал разбой,
Здравши хвост,
Под выклики: – Тубо,
Барбос! –

27

Приняв, что русский ум
Слегка юродив,
Опустим сразу в трюм
Все «за» и «против».

Отважный идеолог
Без нудных ябед
Научных балаболок
Шутя ограбит.

А выкинуть дебош
Иль антраша
Не может отчего ж
Душа?

28

Был точен весь ансамбль,
Но для ансамбля
Отточен был он сам:
Сам – нож, сам – сабля.

Не то чтобы фальшивив,
Он слишком якал
(Привычнее не лживый,
А злой оракул),
Не то чтоб, помогав,
Вдруг зарычал... –

Задира, томагавк,
Рычаг!

29

И всё ж в конце концов
Все эти свойства
Соткали первый шов
Для беспокойства.

Девятьсот пятый. Трупы.
Да царь, что клоун.

Как член ударной группы,
Он арестован.
О брате помня толк:
– Вождь! Эмигрант! –
Свой вольный путь нашёл
Игнат.

30

И через десять лет
Побегов, каторг
В Высоком был пригрет
Экспроприатор
И мастер покушений.

Цель разместилась
Окрест: кулак-мошенник,
Поп-скряга – силос
Ему, живая съть:
– Ох, скор тот миг,
Когда велит им взвыть
Мужик! –

31

Ну – стоп: один герой
Полпесней загнан.
И, хоть быстро́ перо,
Всё ж так и сяк нам
Средь встречных поперечин
Притёрлось...

Правда,
Кто в этом безупречен?
Язык – наш враг-то!
Какой-не-то Эзоп
Или Гомер
Не очень уж нам чтоб
В пример...

32

Сведём в тугой контакт,
Как такт в машине:
Es war ein Mal... ein Tag...

Но не машите
Руками после драки,
Не опрокиньтесь
В такие буераки,
Которых индекс
Завёл бы далеко...
Мысль – наголо:
Там много полегло
Голов.

33

Прошу за нами вслед
Без церемоний
Взлететь пушинкой в свет
Потусторонний.

Сползёт земной багажик,
Едва привстанешь,
Едва в пути покажет
Примет, пристанищ
Знакомый контингент
Сковорода,
Хоть – бездна, хоть и нет
Следа.

34

Оттуда б я сумел
Обратно выбресть.

Виньеткой между дел
(Взамен ex libris)
Писн^уть иль п^искнуть пасквиль,
Чтоб был прославлен
Иль расчехвостен райский ль
Иль адский пламень.

Все б рады помирать,
В рай глянуть, в ад,
Да чтоб, как бумеранг, –
Назад.

35

Зачем брать на буксир
Взысканий, премий
Весь обалдевший мир?

О, время, время! –
Уверенный диспетчер,
Невольный снимок
(Ночь, утро, день да вечер –
Неизъяснимых!)
Калейдоскоп золы,
Трухи пасьянс,
И бич и кандалы
Пространств.

36

Ух, – и вся недолга,
Вся заварушка.

Горыныча долбать
Да, чары руша,
За подвигом на подвиг
Нестись, всю нечисть
Метя́...

– Эвона, вот ведь,
Не покалечась,
Как шмякнул посмелей
Ему под-вздох, –
Загнулся древний змей,
Издох!

37

Эх, кабы мне судьбы
Найти подвздошь!
Если бы да кабы
Притти к подошве
Нежданных околесиц,
Все карты спустав,
В карман запрятать месяц,
Иль дилипутов!..

Собачья конура
Да хлеба кус –
Достойный гонорар
За вкус.

38

Пора податься вспять
Читатель, друг мой:
Тураева подать
Руладой трубной.

Та-ри-ра-ра́, навеки –
К чертям, та-ри́-рам,
Учителя – калеки
Под вицмундиром!

Гимназия, дыра,
Чорт те дери! –
К чертям – та-ри-ра-ра,
Ри-ри!

39

В кармане аттестат,
Ну, а уж зрелость
(По зрелости и стать!)
Давно имелась.

В деревьях по бульварам
Дымилась зелень...

Наполнен, вырван, на́рван
Весенним зельем,
Как полевой букет,
Вздых, выдох, взор,
Которым по руке
Раствор.

40

Души весенний бунт
Запоминайте!

Здесь, как органнй пункт
На доминанте,
С действительностью сблизясь
Всею ложью фикций,
Мог благотворный кризис
Во сне явиться:
Как точный гороскоп
(Судьбы безмен)
Всех жизненных бросков,
Измен.

41

Вот тут-то въехал в явь,
Будто спросонок,
Мальчишество отъяв,
Наш поросёнок.

Будто с бухты-барахты
Глазел на всё он.
Будь то бухты, как бархат, –
Там пририсован,
Туда закинут блик,
Гарпун, блесна:
И гонит корабли
Весна.

42

Будь то лукавый смех –
И им не проклят:
Пусть, хоть не слишком смел,
Так ведь не рохля!

С наития, с восторгу
Внутри резвилась,
Как ноша по загорбку,
Неуязвимость.

Он мира не ломал:
– Подлунный серп! –
Шел в мир, как меломан
В концерт.

43

Мы видели, как он
Драл во-свояси,
Младой любви бутон
Слегка расквася;
Как он тщеславье сузил,
Войдя в кильватер
Влюблённости: иллюзий,
Утрат, симпатий
И слёз; как он с мешком
Своих скорлуп
Как будто и смешон
И глуп.

44

Увы! Таким точь-в-точь
Себя я помню:
Без сна прошедшим ночь,
Встающим к полдню...

Настырен, как бубенчик,
Как он – залиivist,
Я вызывал у женщин
Упрёк: счастливец!..

Расплата за упрёк
В устах цвела:
Запрета не запрёт
Хвала!

45

Недавний эпизод
С семьей Мегамов
Ему поставим в счёт.

Но, чу! С тех самых
Недавних пор строптивость
Его исчезла,
Отпала, испарилась.

Небесполезно
Влиянье пышных дам
В «конце-концов» –
В финалах мелодрам
Юнцов.

46

А впрочем, почему
Екатерина
Кирилловна к нему
Вполне терпима –
На пересуд смекалок
Отправим.

Место

Имел такой диалог:
– Была невестой
Платона Ильича
Я, мой дружок:
Да, видно, сгоряча,
Не впрок...

47

Ему ли кабала
Женитьбы игом
Казалась, иль была
В ответ интригам
Каким-то нашей свадьбы
Отсрочка, право
Совсем не поминать бы:
В слезах оправа
Бессонных тех ночей...

Так, дорогой,
Не стала я ничьей
Женой. –

48

– В чем, Котя, честь и вам... –
(По-панибратски
Звал тетушку Иван).

– Ох, не добраться,
Ванюша, нам до чести:
Оставим это!
Давай-ка о насесте
Твоём на лето
Подумаем... –

Так вот

Отсюда пусть
В Высокое ведёт
Их путь.

49

Но всё ж мы поясним
(Учти иль вычти!) –
Поедет тётка с ним:
Платон Ильич-де
К ней обратился с просьбой,
В краю далёком
Пугаясь – не стряслось бы
Чего в Высоком,
На лето побывать
В его дому
А после отписать
Ему.

50

Тут с главной стороны
Обезопасясь,
Нащупать мы должны
В глуби оазис,
Удобный к обобщеньям:
На тех пространствах
И встретим и пожемим
Своих упрямцев.

Так если нет причин
Быть на посту,
Давайте покричим:
– А-ту! –

51

Движение культур
Есть *ars vivendi*.

Как будто б уж тут руль
В интеллигенте?
Как будто б уж тут клейстер
Веществ отторжен?
Так сказать, в шантэклерстве
Нащупан поршень?

Всех в том же улича
Столь склонен ум
Таскать из кулича
Изюм?

52

Как будто бы и так...

На самом деле ж
Едва любой пустяк
На жизнь нацелишь,
Она найдёт свой способ
И, *eo ipso*,
Укажет, в скольких дозах
Ты сам ошибся,
Наставит нотабен
На весь твой взгляд –
И выйдет (вот те хрен!)
Разлад.

53

Чтоб вольтова дуга
Самосознания
Не била наугад,
Чтоб тьма сквозная
Тебя – куда ни кинься,
За что ни тронься –
Не стиснула, как линза –
Комочек солнца, –

Постигни шкалу доз,
Усвой приём,
Не сразу ставь вопрос
Ребром.

54

Людмиле Львовне плюс
Детей плеяда,
Пожалуй, что обуз
Других не надо,
Чтоб оценить весь отдых
Житья в имени:
Еда, купанье, воздух –
Куда бесценней.

Их, будто взмах весла,
Событий нить
В Высокое влекла
Гостить:

55

Любаша Згура и
Серова Люда
Симпатии свои
Вели оттуда,
Откуда разлететься
Пришлось обеим:
Одной – чуть что не с лекций
Да замуж...

Смеем
Напомнить вам, что про
Другой житьё
Скрипело уж перо
Моё.

56

Еще легчайший скрип
И будет призван...

Читатель, заостри
Вниманье призмой
Воображенья!

Здесь вот

Я жизнь открою
(Как твой давнишний деспот)
Ещё герою.
Здесь я те дам, того,
Кузькину мать...
Ведь, правда, отчего
Не дать

57

Кузьму, раз есть таков
В моей поэме?
Кузьма Никитич Лбов.
Родными всеми
Покинутый.

Поищем

Их след, пожалуй,
В селе: дед помер нищим
После пожара,
Спалившего до тла
Дом и добро...
(Жизнь тут лихой взяла
Оброк!)

58

Заваленочий быт –
Неважный полис
От страхов и обид.
Окрест околиц
Взасос расселись сиднем
«Небось» да «мабуть»,
«Навалимся», да «сдвинем»:
Мол, жизнь сама будь,
Как идол, как закон,
Покуда смерть
Прёт где-то косяком,
Как сельдь.

59

Отец и мать Кузьмы
(Читатель, кушай,
Что обещали мы!) –
Никита с Грушей –
Пристроились к артели:
Труда – тряпина...
К Уралу залетели,
Оставив сына
У сельского попа:
Ученье – свет...

Да вышел невпопад
Совет.

60

Не очень чтоб уж поп
Имел привычку
Чей бы то ни был лоб
Наукой пичкать.

Кузьма – сначала в кухне,
Потом – за вилы...
– Хбзяйствô хбтъ пбдпухнет
И с малбй силы, –
Воркует поп, – грехи,
Стрбптв буян... –

И Кузька в пастухи
Был сдан.

61

Господский парк как раз
Граничил с лугом,
Где Кузя стадо пас.

Вот перепуган
Был он, когда однажды
Любовь Петровна –
К нему. (– Бежать? –) Она же
Не срыву, словно
Давно был ей знаком
Пастух Кузьма,
Ему – о том, о сём...
Весьма.

62

В нём грамота, сама
Его сыскавши,
Нашла простор ума.

Знать, маслом каше
Не повредить... Культура
Дел человеческих
В него влезала.

Эгура

Звала «Кузнечик»
Парнишку (сантимент
Простых сердец!)
А Зигфрид звал: «студент»,
«Кузнец».

63

Поэт, держи карман
Не по хоромам:
Умей ровнять роман
По кличке «рoман».
Ютись вольней и терпче
Чем Фет иль Тютчев
Средь «бесперечь», «таперча»,
«Надысь» и «чуть те».
Усмешку затаи
И не ворчи,
Коль прут в «пальте» твои
Харчи.

64

Мечтаний, суматох
Известен адрес.
Вот сумма и итог
Всего: ad patres
Отправишься без пошлин
И без лицензий.

Того ж, что стало прошлым,
Не вытрешь пемзой
Грядущих лопухов
Иль адских мук.

Не выход, а уход,
Мой друг!

65

Пока ты здесь, в толпе,
Пока не выдран
Из жизни и т.п.,
И т.д., мн. др., –
Сумей исправить промах.

Где брод удобен,
Там счастье не в паромах.
Где нет колдобин,
Сойдет там гарантас
Хоть без рессор.

Впадать со страху в транс –
Позор.

66

Синклит героев весь
Представлен оптом,
И нами в эту песнь
Им путь протоптан,
Расширен и объезжен.

Их крепче стиснем
И тронемся по свежим
И терпким жизням.

Не промахнись, мой стих,
И не слукавь:
Теперь ты только их
Слуга.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1

Исчислив, так сказать,
Поэмы вектор,
Мы спросим хоть в глаза,
Велик ли грех-то,
Что, мягко выражаясь,
Мы трусим малость,
Чтоб в нашем урожае
Не принималась
(О, эспримальтурне!)
Игра ума
За ритурнель дурней
Дерьма?

2

Система верхоглядств
При бескультуры
Лишь умственный балласт
На ножки кури
Поставит (...прям и едок
Источник знаний...)
И влезет в мозг, как недуг,
Как обезьяний
Потомственный костяк,
Как мык, как «м-м-мэ!» –
Ну, одним словом, как
Акмэ.

3

Пока что человек
Во всех культурах –
Будь то татарин, грек,
Индус иль турок –
Почти что одинаков:
Труслив и грозен.

То символами знаков
Он небо ó земь
Швырнёт, то, напищав,
Как, мол, он нищ,
Напустит натоцак
Вонищ.

4

Оттуда да в роман
Повыну я (гм-м-м!..)
Чуть что не саламандр,
Почти из магмы.

Ну, домыслы полезли,
Куда ни сунусь,
Куда ни ткнусь!

О, если б

Умела юность,
А старость замогла! –
Поди тогда б
Проверился до тла
Масштаб.

5

Нельзя взывать к уму
(Братъ на цугундер)
Тех мотыльков, кому
Вся жизнь в секунде,
Вся искренность в порханьи,
Вся радость в танце.

А, ну их с потрохами
К чертям!

Отстаньте:

Какое дело мне
До тех подлиз,
Которые в цене
Сошлись?

6

Ты будешь бобылём,
И путь твой труден.
Неволен – папильон,
Несчастен трутень:
Быльё их невесомо,
Невзрачно, зябко, –
Не sapiens, не homo,
А так... козявка.

Храним заботой крыш,
Кишмя кишишь,
Клюя из жизни лишь
Кишмиш.

7

При прыти наших ног
Нас не удержишь!
Сродни шаману – йог,
Факиру – дервиш...

В образчик не берите
Нить Ариадны:
Пригодна – в лабиринте...

Будь мы неладны! –
Слабо́ на простоту,
Без парк и фей,
Влепить на паспарту
Трофей?..

8

Ты здесь диапазон
Раздай пошире
Орудия: пасом
Не на пунктире
Задаток композиций.
Туманы – вытри.
Довольно там возиться
С игрой на цитре.

Умело расплескав
Рук инвентарь,
По пузырям литавр
Ударь.

9

Я склонен объявить
Скромнейший пасик
В хозяйстве: от яиц
До ржей и пасек.

Не смог постигнуть в этом
Я ни бельмеса,
Хоть и гостил по летам
На лоне леса,
Гулял и на гумне
Меж сох и вил
И в речке окуней
Ловил.

10

Деревня, лето, день,
Тень на террасе...

Заполним бюллетень,
Где – поднакрася,
Где – намотавши на ус
Те перспективы,
Которые на хаос
Кивать ретивы.
Палитра тут. А уж
Мотать на ус
Я, прогремевши туш,
Наймусь.

11

В кисейный, летний день
Завязтый скептик
Воспримет тень и сень
В любом аспекте.
Хандрящий ипохондрик
(Легко ж и просто ж!)
По жизни, по две, по три
На эту роскошь
Захочет отпустить:
Межа во ржи,
Последний опус птиц
Дрожит...

12

Прохладный мрамор дня
Высок и перист:
Ему вдали родня –
Песок и вереск;
Ему вблизи – потеха,
Раз он безвреден,
Тихохонько подъехав,
Закинуть бредень
В глубь нежности, да так,
Чтоб в мгле души
Остаться, как синяк,
Ушиб.

13

Шиповник, резеда,
Песочек, гравий...

Не скажешь разве «да»
Всей этой яви,
Когда тебя усадит
На мёд и млеко?

Помещичьих усадеб
Для человека
Удобства таковы:
В гроб водрузя,
Клянц их, как и вы,
Друзья!

14

Уж ежели им впрямь
Взялись помочь мы,
Так мысли не упрямя
Брюзгливо: точно
Мы *curriculum vitae*
Составить вправе,
Коль сединой повиты
Мечты и яви.

Враньё! Пусть юн манёвр
Манер, пусть ум
Рванёт костюм *oeuvre*
Posthume.

15

В Высоком дом и парк
(О том напомним)
Давненько не был так
Людьми наполнен:
Людмила Львовна, Оля,
Олег, Наташа –
Буянят антресоли;
А в бель-этаже
Покои для гостей
(Держи карман!)
Там с тётушкой своей
Иван.

16

Сбирались утром чай
Пить на террасу.
Откуда-то примчась
Гурьбой, все сразу
Чирикали детишки,
По блюдцам пенки
Размазавши, притихши,
Тараща зенки
На взрослый разговор,
На свой манер:
Незнамо, кто с кого
Пример.

17

Вертелся разговор
(Ему вертеться
Положено с тех пор
И в нашем сердце)
Всё на одном и том же,
На письмах с фронта:
Нет тем страшней и тоньше...

Свисает скромно,
Как истина, как боль,
Тьмы фистула,
Сводящая на ноль
Дела.

18

И в нашу глухомань,
Где кличет филин...

Ну, будет, перестань,
И так обилен
До крайности анамнез
У пациента:
Сейчас, вчера, анамнись
И (piu lento)
В те годы, дни...

Наш хлеб

(Или меды)
Проще пареных реп
Куды!

19

Иван смущён не зря
Своим посольством:
По правде говоря,
Довольно скользким...
Но, быв благовоспитан
И благодушен,
С отменным аппетитом
И пил, и кушал,
И слушал, не тая
(Глаза по швам!)
Усмешек: в общем, я
Те дам!

20

За чайником – седа,
Умна, нарядна,
Любезна, как всегда,
И всем приятна –
Сидела «тётя Вани»
(Её так звали
По наименованью
Наташи – Нали),
Будто мадам де Сталь
Иль дама треф,
Задумав что-то, вдаль
Смотрев.

21

А Зигфрид, накрошив
(Свинья!) на скатерть,
(– Не то, что хороши,
Дружок... – Но насмерть
Идут... – кусок ворвался
Двух разных реплик,
Как будто выплеск вальса
На трубных стеблях...)
Во-первых; во-вторых –
Детей в ручей
Отравы вот каких
Речей:

22

...– Он для людей и хлеб,
И с неба ястреб.
Его взрастить в тебе б,
А не в боярстве б.
Найдёшь: в верхах, ну, раз-два,
В низах – скорей, чай, –
Дух скепсиса, бунтарства,
Противоречья.

Его – петлёй уйми,
Заткни в острог –
Вбуравится в умы
Остро́...

23

Огромные глаза
Системы «очи»
Качались там из-за
Бровей. А впрочем
Нельзя их занавесить,
Даже зажмуря,
Когда им только десять-
Двенадцать. Буря
Всех будущих торжеств,
Вся полнота
В насторожённый жест
Влита.

24

О, девочка моя,
Щепотка жизни,
Без всякого вранья
Зажмурься, взвизгни
От радостных безделиц
Существованья!

Смотри, как цепко въелись,
Ликуя втайне,
В тебя – чертополох,
Жасмин, репей...
Бери, хватай врасплох
И пей!

25

И серый пламень глаз
(Под пеплом – угли)
Разведать был горазд
Средь парка джунгли,
Где Маугли шёл мимо
Княжны Джавахи,
Где вовсе без нажима,
В господнем страхе,
Встречался с леди Джен
Лорд Фаунтлерой,
Где не сдавался в плен
Герой.

26

Но вдруг, когда почти
Готов был братец
Иванушка почить
Средь всех сумятиц, –
Сад утренний, надломан
Чём-то из жизни,
Вставал под лёгкий гомон,
Текущий извне,
Что сладостно-пахуч,
Как бульдегом,
На поводу́, как луч,
Вёл в дом.

27

И вот Наташа здесь:
Из коридора,
...Как ход d7 – d6
У Филидора...
В паркетный зал – пол-шага
(Порыв и робость)
Со взглядом, как два флага,
Идущим в пропасть,
В близёхонькую даль,
Где наизусть
Известна и печаль,
И грусть.

28

Упруг и туп, как SOS
В заснувших рыбах,
Вещей анабиоз.

Концертный Ибах
Таится под попоной
В углу гостинном.
Едва – це́дрой лимонной,
Чуть – нафталином
Рояля дышит пасть,
Приемля жест:
Скорей подпасть под власть
Волшебств.

29

Из окон тянет взлёт
Жасминной тени
И травянистый мёд
Живой сирени.
Чуть слышимо с балкона
Звонит посуда.
Легко и благосклонно
Поёт прелюда
Очередная боль,
Мольба и стон:
Аттическая соль
Сластён.

30

Блик солнца об паркет
Каскадом крапин
Вот – прядает, вот – нет...

И ранний Скрябин
Доверчиво и мило
Под взрыв фортиссим
Из молодой могилы
И независим
Встаёт, и очень свеж,
И очень юн
Сквозь бережный мятеж
Меж струн.

31

Ах, господи, – рассказ
Мой незатейлив,
Как шпынь вошедший в паз.
И не затем ли
Его я торможу так,
Крою так криво,
Что горсть попутных шуток –
Моя пожива.

Уж лучше быть в долгу,
Чем не в чести.
Так буду, как могу,
Вести...

32

Полезу, как Дедал
По лабиринту...
(Подвесив идеал
На носа квинту).

Там были неременней,
Чем звёзды ночью,
Грибы, уха, пельмени,
Блины и сочни.
А маслянистый корж,
Как мысль о «ней»,
Будил под сердцем дрожь
Слюней.

33

Пока я вглубь вдаюсь,
На души зарюсь,
Мотая ум на ус,
Надувши парус
Души, как юный Вертер, –

Перепополняет
Большие клёны ветер,
Перед поляной
Готовится к прыжку,
К земле припав
Вбок, как по бережку
Тропа.

34

Живительна струя
Дыханья влаги:
(Мы давние друзья
С водой) наладив
На степень ароматов
Ночную мякоть,
На травах перемятых
Росой заплакать,
Доить густой сироп,
Все nelaды
Убить зевком сырой
Воды.

35

Устойчив элемент
Утробы леса...

Отсюда меж легенд
Ведётся пьеса,
(Шо)пеночка отсюда
Твердит вступленья
Амольного этюда,
Отсюда племя
Сердитых кровопийц –
Звенящих искр –
Взлетает провopить
Свой писк.

36

Еще не все тона
В сюиту спелись.
Ночная тишина
Всю эту прелесть,
Перетянув из скважин,
Совьет в тумане, –
Ты золотым пейзажем
Свое вниманье
Подольше удержи:
Уж так красив
Под ветром спелой ржи
Курсив.

37

Ночь пала на цветы
И спит под спудом
Небесной наготы.
Каким-то чудом
Шарахнувшийся шорох
Встаёт очнувшись,
Как будто были в шорах
Глаза и уши.
И тает, словно воск,
Зыбь соловья,
Дрожа, мерцанье звёзд
Словя.

38

Развесистая ночь
В упор, по-женски
Сияя, во всю мочь
Тарацит зенки.
И в месивах и в пойлах
Её готовки
Подложено, как войлок,
Тупой и топкий,
Молчанье, а под ним
Волн галуны
Колеблют псевдоним
Луны.

39

Она вдали блесит
И долу канет.
Живые лепестки
Благоуханий
Шевелятся в жасмине...

Ты в них запрятан,
Ты можешь тоже с ними
За панибрата,
Качаясь на весу,
Как свист стрижа,
Полночную красу
Держать.

40

Искусства ход и путь
Сублимативны.

Ну, как же не столкнуть
С губ лейтмотива,
Возникшего внезапно,
Не разродиться,
А ждать, что будешь загнан
В среду традиций.

Ведь погибает тот
(Эвфорион!),
Кто счастье развернет
В приём.

41

Искусства милый труд
В пылу полемик,
В игре влачит хомут,
Узду и лемех.
Тем и диалектичен,
Чем жёстче, резче, –
Но, в идеале, птичьим
Желаньем брезжит:
Поверещать в кредит
И, в нраве птах,
Истому бередить
В цветах.

42

В пределы красоты
Не с головы́ ход,
А сзаду иль с пяты.

Уход иль выход
Со старым или с новым
Не так уж труден
Или необоснован
Из наших буден
В автоматичный дрейф
Нездешних мест,
Где дьявол, нас пригрев,
Не съест.

43

Что за барыш несёт
Наш рок опасный
Нам, глянувшим на всё
Сквозь мира спазмы?
Что за пути создаст нам
Здесь, где возмездье
Висит почти сарказмом
Над жизнью, здесь, где
Насмешку над судьбой
И смерти тлен
Вопит вонючий вой
Сирен?

44

Огнём втекает в быт
Сиянье флага,
Плещась в людские лбы.
И это – благо
Для «однодневок хилых».
Живя, во-всю хоть,
Хоть исподволь, в могилах
Почнут сюсюкать
«Pardon» да «permettez»...

Тпру: не долдонь!
Зря что ль нес Прометей
Огонь?

45

И радуемся мы,
Как «птички божьи»,
Когда, взамен чумы
Иль спуска кожи,
(Либо «посмертный» прóсып
В могильных сводах,
Либо на новый способ
В мученьях пóдых),
Подгнивши от вина
Иль тbc,
Помрём мы с миной на
Лице.

46

Ключ повернём в груди –
Души синоним –
Отколь, того-гляди,
И мы застнем,
Когда проявим снимок
Из подсознания,
Который в жути вымок,
Как в смерти зная,
Которого игра
Трагична.

Голь

На выдумки хитра
Отголь.

47

Там ноет Берендей,
Заканителясь:
– Услады прежних дней,
Куда вы делись? –

А давний мой любимец,
Червяк Гарнирыч,
От смеха зарубинясь,
Продув горнило,
Раззеленясь, юля,
Как с гор тропа,
Рисует кренделя
И па.

48

Мирись, что здесь узор
Меж строчек вобран,
Что большим из двух зол
Здесь каркнул ворон,
Что, словно пламя в искре,
Здесь шкуркой лисьей
Вильнул сарказм, что, вызрев,
Нарыв коллизий
Скукожился, исчез...

Не для письма
Embarras de richesse
Ума.

49

О, странный, явный мир –
Усердье тверди –
Твой ветренный пунктир
Меня не сердит.

Из камня иль из воска
Со мной бок-о-бок
Лежит, как тайный тёзка,
И нагл, и робок
Ассортимент улик,
Реклам, афиш...

Ты честно, как ярлык,
Шуршишь.

50

Торчи, как канотье,
Моя канцона!
А, может, звякнуть ей
Перед концом? А?..
Поехали...

    Пронюхав,
Вслед за «папашей»,
О сладостных триумфах,
С возжём, попавшей
Под хвост, весь клир ко мне
Прёт наобум,
Как бешеных коней
Табун.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1

Так лето протекло,
Пригрето солнцем,
Отдав своё тепло
Моим питомцам.

Но смещены прицелы
Предположений:
Нетронутые целы
Тела мишеней.
Тяни событий нить,
Зови одно, –
А выйдет то, что быть
Должно.

2

Поэмы этой взлёт
Вернее – вирус,
Приблизительно, вот
Откуда вырос:
Гимнасты на канате,
Едва не сверзаясь,
Улыбку мнут; фанатик
Имеет дерзость
Толкать кульпяжкой вер
Исподний хлам
В санобработку, «vers
La flamme».

3

Ударим-ка соспар –
Умом и сердцем –
В торжественность фанфар.
Со всем усердьем
Прислушаемся, вникнем
В акценты дикций, –
А как привыкнем мы к ним,
Чтоб не дивиться,
Наметив квипрокво
И брешь проблем, –
Опишем, каково
Им всем.

4

Ох, милый человек –
Сутяга, дятел, –
Как бы, пусться вразбег,
Ты впрямь не спятил?

Под взмахами двух логик –
Ума и сердца –
Хоть до Сократа лобик
Раздуй, хоть щерься,
С сознания рвя печать, –
А ампула
Твое – опять кричать:
– Уа! –

5

Так каковы ж дела
Питомцев? Глянем,
Как жизнь их потекла
Вслед за свиданьем.

Но, чур, из этой вахты –
Вон разносолы:
Тут будут только факты,
Пусть – хоть и голы,
Хоть и заведено
Томить народ...
Без всяких лишних «но» –
Вперед!

6

Начало сентября –
Он свеж и горек –
Учебности заря.

Студент-историк
Тураев, в расписаньи,
Как первокурсник –
Педант; в авгурском сани
(Эвтерпы узник)
Оттачивал свой меч,
Чертя значки,
Размазывая речь
Руки.

7

Перетащив рояль
К себе из залы,
Ночами, под педаль,
Играл «начала»
Поэм, сонат, симфоний
И прочей снеди,
Которая на фоне
Больших соседей
Была вполне плоха:
Тень от луны,
Неверный жест штриха
Волны.

8

Гармоний – целых двух –
И контрапункта
Он принял дух на слух:
Где там до грунта
Таких сухих материй
Было добратся
Меж дилетантских серий
Импровизаций.

Он норовил постичь
Всё сразу, вдруг, –
А это ведь почти
Что трюк.

9

И что его всегда
Свершает гений
Без пота, без труда,
Без промедлений –
Таков закон природы.

Тураев бодро
Вытягивал «породы»
Чужие вёдра,
Чем жили две души
Вблизи него,
Лелея барыши
Его.

10

Итак, без всяких «но»
И задержанья,
Лети к звену звено!
Дли содержанье
Поэмы!.. Полны гроздьа
Интриги... Ишь ты!
Рога развесил козы.
Да будь ты трижды
Неладен иль неправ,
Тебе бы лишь...
Но, но! Вперёд стремглав!
Косишь.

11

Ну, следующий кто?
Ага... понятно...
Терпи, дружок, ништо!
На солнце пятна
Нам кажутся изьяном
И вне закона, –
Хвать наось... Да! С Иваном:
Во вре́мя б о́но
Он во́ время попал,
А в ле́тний век
«Небесных» вряд ли б скал
Избег.

12

Григорий Мотылёв
(Игнатий Рогов
И Зигфрид – тож) меж слов,
Чей вихрь, растрогав
Кузьму и взбудоража,
Был не таинствен,
Сам делового ража
Был полон истин.
Вспомянут кое-кем
Из заправил,
Он тишь на бранный шлем
Сменил.

13

Войну – тягчайший груз
Для всей России –
Тащил и Земсоюз
В те дни лихие.

Санпоезда, продсклады,
Эвакобазы,
Санпункты, санотряды –
Вот те заказы,
Что брал под свой надзор
В тылу, в боях
Полувоенный сбор
Вояк.

14

И Зигфрид санотряд
В подмогу фронту
Формировать был рад.

Именно он-то,
Устав в плену безделья,
Очнулся в гуще
Событий. Метко целя,
А еще пуще
И попадая в цель,
Он молодец,
Залезши в канитель
Тех дел.

15

Вошло нам в кровь и плоть
От нянь и мамок,
Что нужно расколоть
Хрустальный замок.

Отсюда-то и вытек
Рецепт: наука
Умеет много гитик...
Хватай без фука,
Не сдвинув ничего
С земной коры –
У жизни волшебство
Игры.

16

В Высоком вечера
Так проводили:
Сидели у костра –
Обряд идилий
Однообразно древний.

Когда – молчали
Под дальний сон деревни,
Что полн печали,
Когда – беседы вал
Вливали в спор...
И тихо потухал
Костёр.

17

Иван был молчалив,
Чужд разговорам:
Стоял у ближних ив,
Вбирая взором
Окрестностей причуды
В ночном затишьи,
Иль отходил, откуда,
Совсем не слыша
Отдельных веток слов
Вдыхал до дна:
Костёр, гул голосов,
Война...

18

Кузьма лежал, в огонь
Уставясь цепко:
Щекою на ладонь.
То сук, то щепка
Подброшена им в пламя.
Он весь – вниманье;
Все разговоры – в раме
Его сознания.
Небрежно бросит взгляд
В ночную тьму
И вновь – к огню, назад –
К нему.

19

Со Згурой Зигфрид спор
Наладить споры.
Товарищ Эль, на взор
Навесь шторы
Ресниц, витает где-то
В неясном свете
Туманного навета:
– Наверно дети
Заснули... Как он мил!
А я – стара?..
Ах, что я... Это – пыл
Костра.

20

Уехал Рогов – и
Костров не стало.

Все горести свои
Прощебетала,
Бродя вдвоём с Людмилой
В аллеях сада,
Любаша: – Да, он – милый..
– Я страшно рада,
Что он в тебя влюблен!
– Что? Я люблю?..
– Как звал нас вместе он!..
– Два Лю...

21

А писем тайный хмель
Просунул жало.
Сперва «товарищ Эль»,
Потом – отпало
«Товарищ»... В тоне писем
Нужна описка,
Когда он так зависим,
Когда так близко
От «эль» до «ю», а меж
Двух нежных «лю»
Захватит «б» рубеж:
«Лю-б-лю».

22

Тут вдруг на лоне всех
Псевдо-трагедий
На рок напал огрех.

Как не соседи
Страданье – с наслаждением,
Блаженство – с пыткой,
С игрой рассвета – темень;
Заботой выткан
Богатства хмурый плен;
Всегда и сплошь
Близ правды – ком измен
И ложь.

23

Мы слова на хулу
Не сэкономим,
Когда в жилую мглу
Маним омоним
Всего, что ждёт свершенья.

Впредь иль намедни
Едва ли совершенней
Людские бредни:
Дрожа, бросая в дрожь,
Дрожмя дрожим,
Что каждый невтерпёж
Режим.

24

Людмилы Львовны брат
(Из Петрограда
Писал ей адвокат)
Скончался: надо
По делу о наследстве
Ей быть в столице,
Где, при его посредстве,
И состоится
Введение в права...

Расчёт притом
Такой, что – голова
Кругом.

25

Охотник, нелюдим,
Чудак немалый...
Ни где он, ни что с ним,
Она не знала.

Перед войной у Мюра
В случайной встрече
Весь выявился Шура:
Он издалеча
К ним ехал на Урал,
У Мюра он
Игрушек закупал
Вагон.

26

Не знал он ничего
Из всех событий
С сестрою. Никого
Не видел: нити
Ассоциаций, связей
Почти истлели.

Вернувшись из всех Азий
И еле-еле
Сумев в уме расчесть
Уклад и быт,
Им захотел нанести
Визит.

27

Последний этот раз
Всё их свиданье
Прошло под знаком ласк.

Он обещаье
Сестре дал, все усилья
К тому направить,
Чтоб их до изобилья
Дела поправить.

Уехал: год протёк,
Два, три... И вот
В её руках – итог
Забот.

28

Иль форменный психоз,
Иль периблепис
(Подсмотрим сны стихов
И по-библейски
Сошлёмся на апокриф) –
Тот странный нонсенс,
Что жизнью звать: на погреб! –
А то, под солнцем,
Ни бережность, ни клей,
Ни сулема...
А с виду – трещин в ней
Нема.

29

Летит, как тень орла
Поэма наша,
Кой-что спалив до тла –
Но в мозг втемяша.

Путь добыванья денег,
По мненью хроник
Сначала тяжеленек,
Потом легонек.

В зависимости от
Сего, отсель
Намечен «счастья» счёт
И цель.

30

Вот тут-то и пришлось –
Посередине
Потоков слов и слёз –
Екатерине
Кирилловне о детях
Взять в свои длани
Заботу. И от этих
В живейшем плане
Прильнувших к ней детей
И ей самой
Вдруг стало веселей
Душой.

31

Осенняя пора –
Конец гулянья.
Должна вся детвора
Стремленьем к знанью
Быть снова обуяна.

И под охраной,
Как старшего, Ивана,
Порой румяной,
Всю горсть чужих цыплят
– Сон наяву... –
Она везёт назад
В Москву.

32

Тем временем их мать,
Введясь в наследство,
В Москву вернулась вспять.

Теперь их средства
Позволят жить им шире.

Вопрос о службе,
О детях, о квартире
Решать – по дружбе
Ей Зигфрид помогал...
И с этих дней
Всё крепче думать стал
О ней.

33

Наивные сердца
Не очень правы,
Ждя от войны венца
Победной славы.

Но сколь мощны бациллы
Патриотизма!
Пускай остатки силы
Возьмёт отчизна...
Хоть каплей да помочь
Земле родной.
Прогнать лихую ночь
Долой...

34

Сначала (– Ну, зачем
Слова, раз надо?.. –)
Полезной быть кой-чем
Для санотряда
Сумела Эль. В дальнейшем,
Уж по привычке,
По хозделам всё с ней же
Вступали в стычки.

Раз требуют дела –
Решён вопрос,
Чтоб Стаева была
Завхоз.

35

Да, да... Но как же быть
С детьми? С Наташей...

(Тут высунулась нить
Всей сути нашей:
Двуличен и двужилист
Испод звериный...)

Сомненья разрешились
Екатериной
Кирилловной: она
До лучших пор
Длитель над детьми должна
Надзор.

36

Квартира занята –
Весь низ – под ними.
Прислуга нанята:
– Теперь двоими
Не обойтись, пожалуй,
Да, ладно, впрочем... –

Так рока волей шалой
Живём, хлопочем,
Вертясь, как Иксион,
На колесе,
В разгадках аксиом
Мы все.

37

Не скрою: я совсем
Небескорыстен
При повтореньи всем
Знакомых истин
О том, что амплитуда
Любви и власти
Солидна...

Но, покуда
Загнуть салазки
Удасться кой-кому
Средь варки каш,
Я лёгкий предприму
Массаж.

38

Хочу и там и сям
Твердить о ритме
Тем более, что сам
Он говорит мне,
Как роцца средь безлесья,
Как ключ в пустыне:
– Залейся, заалейся,
Забей, застынь и
Останься, дивный сноп,
Как свет и тьма,
Средь пауз и синкоп
Письма.

39

Пусть габарит, и стиль,
И тембр, и краски
Позволят повести
Нам по-икарски
Дальнейшее...
Хоть крыльев
Неверен рózмах,
Хоть в эту форму вылив
Видений розных
Неповторимый рой,
Где в искре – мгла,
Мы вырастим покой
Стремглав.

40

...Вечерняя зима.
Во всей квартире,
В доме (да что́ – дома?)
В России, в мире –
Одна...

Мороза ели
Застлали стёкла.
Урока новоселье
Несёт Патрокла
К воинственной руке,
Где смерть и боль...
– Олешик – на катке...
А Оль?

41

Ах, да! Ушла зубрить
В библиотеку...
Ну, значит, можно жить,
Как человеку. –

К действительности мостик –
Хозяйства вожжи:
– У мамы нынче гости,
Но это – позже,
Не раньше десяти...
Я туалет
Успею навести
Иль нет?

42

Зеркальное трюмо
У мамы в спальней.
Что это за письмо?
И с маркой дальной!..
А почерк чей? Любашин...
Ну, бóg с ней, бóg с ней!
«Сованье носом нашим
Всего несносней
В чужие письма». Так...
Как я мила!
Румяна, словно мак,
Бела...

43

(...Люблю метанье слов
Под сень метафор,
Как под надёжный кров...)
...Бела, что сахар... –

Клубком смотала косы
В пирог воздушный,
И профилёк курносый
Поплыл послушно
Под полонезьи па...
– И принц пригож,
И весела толпа
Вельмож... –

44

И вдруг условный стук –
Три раза, редко...
И опрометью тут
Бежит кокетка
Наверх, через парадный –
Теперь там топят,
Ходьбой тудаобратной
Всегда он отперт.

В пути отстав, слова
Летят стремглав:
– Тявани... тётя Ва...
Тяв-тяв! –

45

– Румяна и сурьма?..
Вот он, мой неслух...
Да ты сошла с ума!..

Но голос в креслах
(– Опять, наверно, сердце?)
Так добр и ласков...
– Тяваночка! Я – Ксеркса
И эт... этрасков
Учила...
– Ну, видать,
Не насовсем?
Марш – щёки отмывать!
Затем

46

Ты с Нюшей в семь часов
На Курский едешь:
Прибудет Кузя Лбов –
Его ты встретишь.
Я не совсем здорова,
А то бы...

– Кузя?! –

И взвизг потряс основы
Земли, контузя
Всё на своём лету́.

Тут, дав почин,
Я узел расплету
Причин.

47

Гримасу на лице
Рассей: тем паче,
Что вовсе не в прицел
Моей задаче
Отрыжечная шустрость
Таких концепций,
Чтобы, объевшись устриц,
Мечтать о хлебце,
Чтоб замысел «вещей
В себе» – фюить! –
Бутылкой кислых щей
Запить.

48

В Высокое, в село,
Крестьянке Лбовой
Известие пришло:
«Под Стрыей-Новой
В бою, на поле брани
Был Лбов Никита
Никифорович ранен».
Меж строк – не скрыто,
Что раны нележки,
Хоть жив герой, –
По почерку руки
Чужой.

49

Вот что́ сейчас сынка
Влечёт в Житомир:
Успеть бы лишь, пока
Отец не помер.
А выживет – до дому
Помочь добраться
Кому, как не родному,
И постараться?

Кузьма всё по пути
Ей рассказал,
Едва успев войти
В вокзал.

50

Морозные светлы
В Москве потёмки.

Кузьма стянул узлы
Своей котомки...
– Ты первый раз в столице?
– Вестимо, в первый...
– Сюда! Нам здесь садиться,
На тридцать первый.

Что гвозди в голове,
Клинки звонков
Трамвайные... В Москве
Наш Лбов.

51

Сердец апофеоз
Влечёт поэта
Горé. А повелось
Откуда это,
С людьми, поди-ка, сверься?
Не нужен трагик,
Чтобы пороком сердца
Трясти в нутрах их,
Зане нам воду пить
Не с их лица:
Моих героев прыть –
Трусца.

52

Настанет час: цейтнот
Наложит вето
И фигу в счастье ткнёт
Взамен ответа.

Это бы ещё ладно,
Когда мазурик
Не фимиам, а ладан
В ответ закурит.
А то ведь простачки,
Носы задрав,
На каждое «а-пчхи» –
«Будь здрав!»

53

И грустно и смешно
Нам дозарезу
Здесь предлагать пятно,
Как антитезу.

Чтоб матерей, не мачех,
Иметь в родимом,
Тот – прыгает, как мячик,
Тот – тает дымом.

Сублимативный крюк
Искомых пар
Отыщем так: дед – внук,
Лёд – пар.

54

Нам, так сказать, схвата
За горло память,
Суметь бы здесь хотя
Загорлопанить,
С упорством гезихаста
В пупок уставясь:
– Желаем знать и – баста
Всех истин завязь!
Уж раз обзавелись
Своим умом,
Ма-те-ри-де-а-лизм
Умнём!.. –

55

Удел разлук и встреч
Не столь прекрасен,
Когда он должен течь
Под взмах орясин
Или мечей Дамокла.

Ну, наша милость,
Хоть малость и подмокла
И прищемилась
Чуть-чуть, а привела
Прямым-прямой
В крутой архипелаг
Семей.

56

Без залезаний внутрь
И без абстракций
Мы сможем развернуть
Порасстараться
В немедленном разборе
Клубок событий,
Заметив априори,
Что в каждом быте
Труд – мудрый ордер в
жизнь.

Ты всегда,
Читатель-друг, держись
Труда.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1

Поэзия, как акт
Любви и лени,
Даёт прознать, как так
Клонить колени,
Отдавши в то же время
Долг милосердью:
Петлёй с крючком – на шлеме,
Над бездной – жердью.

Хватай красу красот
Хоть на племя́,
Когда она ревьёт
Ревмя.

2

И в будущем, как встарь,
И в настоящем
Свободы жаждет тварь.
Так мы потащим
Вослед её стремленьям
Роман (– in usum
Delphini –) и применим
На радость музам...

Стой! Муз-то девять штук?
Одну из них
Взять должен на испуг
Наш стих.

3

Сдаю поэму в плен
Тебе, Эрато!

Из девяти камен
Да будет взято
Тобой на это право:
Ты, друг поэта,
Не мудрствуешь лукаво;
Тобой пригрета
Утеха болтовни,
Бесед вино, –
А это в наши дни
Сильно!

4

Движеньё тормозя
Невольной жаждой,
Велит, хоть и нельзя,
Художник каждый:
– Остановись, мгновенье,
Ты – в силе, в праве! –

И всё хитросплетенье
Явлений яви –
Искомый феномен,
Прах от золы –
Навек запечатлен
Средь мглы.

5

И мошек суета,
И вихрь галактик –
Со смертью жизнь слита
В один салатик –

Навеки, всё навеки
Всё неизменно.
Мир явлен в человеке
Непостепенно.
Ошибся Гераклит –
Без перемен
Течёт, меняя вид,
Наш тлен.

6

Пускай четвероюк
Причинный корень –
Им тверди кавардак
Лишь приотворен.

Слух и уста отверзя,
Ты критикуешь
Калибром трооперстья –
Щепоть и кукиш:
Библейскую скрижаль
(Тесна стезя)
В сознаныи удержать
Нельзя.

7

Вселенной нет причин
Не быть в просторе,
Что Филотей, Эльпин
И Фракасторий
С самим Джордано Бруно
Провозгласили.

Уж нам ли не фортуна,
Раз без усилий
Ума и без костра
С вершин до дна
Нам знания гора
Видна.

8

Раскопано до дыр
Всё крутогорье, –
Но также мутен мир.

Плохо подспорье –
От кривизны пространства
И звёздных родов
До атома буянства.
Какой-то продув
Неведомых начал,
Средин, концов:
Мир словно больше стал
От слов.

9

Так, стало быть, теперь
Лишь в том загвоздка,
Чтоб открывалась дверь
Не столь громоздко?

Ну horribile dictu,
Сие нам – всеу!
Червяк, внимай эдикту,
Не голосуя
Ни против (удались,
Закрыв глаза,
Индивидуалист!)
Ни за!..

10

Балуя тонкий слух,
Мы музу встретим
Превыспренно. Петух
В пеоне третьем
По силлаб-метро-тону
Пригож и греку,
И галлу, и тевтону.
И кукарéку
Есть и кукарéку
В родном стихе:
Стелись по говорку –
Хе-хе!

11

Итак, тебе сдаю,
О, муз царица,
Всю болтовню свою!

Хоть мне и мнится,
Что ты не с нашим братом,
Поди, якшалась,
А, вроде... с Геростратом...
Но... нам не шалость
Провоко-тарарам,
Когда, как флаг
Войны, сгорел не храм –
Рейхстаг.

12

Свобода, ширь, простор,
Воль своенравье,
Пылающий костёр –
Вот что в заглавье
Для этой песни надо б
Поставить...

Но́ ведь
Встречаешь там лес надолб,
Где обескровить
Мечтаешь сам врага?..

Цыц! Без дилемм:
Свобода дорога
Нам всем.

13

И я пою свобод
Великий стимул,
Который в нас живёт,
Твердя: «пусти, мол!»

За мир, народовластье
Веда боренье,
Зерно людского счастья
В воображенья
Вождей бросает он,
Где уж, созрев,
До жатвы доведён
Посев.

14

Есть в жизни смысл иль нет?
Вопроса грани
Двоят весь белый свет.

Кто в нашем стане,
Тот оптимизма полон:
Тому и сладок,
И вкусен мир, и солон;
Тому догадок
Трагических раскол –
Ни в глаз, ни в бровь;
В душе того, как мол,
Любовь;

15

Тот мизантропа вой –
Неверья натиск –
Здоровой головой
Разит не пятась.

И жизнененавистник –
Холодный скептик,
Идеалист и мистик –
Изыском этик
Не зашпакует брешь
Пустой души:
Живи-глей-гадь-пей-ешь-
Брешу.

16

Установив сии
Координаты,
Герои-то мои
Чем тароваты,
Посмотрим.

В сельских ширях

Иван Тураев,
Свой горизонт расширив,
Душой оттаяв,
А телом отговевав,
В столице – вновь
Пустил на перепев
Любовь.

17

Но тётушке своей
Хоть в самом малом
Маседуан страстей
Не выдавал он,
Свиданий грешных вече
Скрывалось ложью.

К чему ночные встречи
Меж молодёжью,
Не ведала она,
И всю вину
Перелагала на
Войну.

18

Не верь ни в сон, ни в чох:
К пирату, то-бишь
К поэту, облучок
Не приспособишь.
Моя альтернатива –
Сказать пократче,
Что им для «riu viva»
Мил жест карачик:
Их честность – трын-трава,
И совесть – клещ,
A ménage à trois
Им – вещь.

19

Возможно ль перенести
Двоим друг друга,
Коль сквозь желаний смесь
Вскипает fuga
Карикатур, виляний
И перегибов?..

(...Какие ныне няни –
Не приведи́ бог!
Да и взамен семьи
Такое – ин
По жизни семени
Один...)

20

Здоровья семена
В нём не прокисли:
Была погружена
На коромысле
Души Ивана зависть,
Что жжёт, как жало,
Неся в себе, как завязь,
Добра начало,
Желанье лучше стать,
Чем до сих пор,
Переменить всю статью
Опор.

21

Был к декабрю решён
Отъезд Ивана
В отряд.
Уехал он
На фронт неожиданно-
Негаданно для многих:
Ну, а по сути,
Без всяких психо-логик
И об уюте
Любовном лишних грёз,
Средь всех препон
Им правильно вопрос
Решён.

22

На фронт, на фронт! И вот –
Он под Колодно
Близ Збаража.

В тот год

Зима холодной
Была и очень снежной:
Чуть не по горло.
В окопах – безмятежно:
Затишье стёрло
Опасности... Пикник
Среди снегов...
Братанье... Ночью – крик
Пиров...

23

Но каждый день, миг в миг,
Снаряд из «берты»
Нёс наобум свой рык,
Сбирая жертвы.
И, выполняя штабов
Распоряженья,
Бросали всех масштабов
Подразделенья
Всю порцию свинца
Друг-другу в пасть...

Была близ Тростянца
Та часть,

24

При коей лазарет
Их санотряда
Имел как бы пикет.

И было надо
В бесперебойной связи,
И постоянной,
Держать, в снега и грязи,
Всё расстоянье –
Колодно-Тростянец:
До десяти
Вёрст трудного вконец
Пути.

25

Там Зигфрид был главой.
Небрит, нечёсан,
Встречал с передовой
Обоз...

(Довёз он
Фураж, овёс и сено,
Что из-под носу
У немца – вырвать ценно.)

А вот – вопросу
Другому на весы:
Из-под полы –
Записочка, косы
Углы.

26

Хозяйственный покров
(– Забот немало,
Чай, знает Мотылёв,
Григорий Палыч...)
Давал его эсерству
Свободу действий,
Что зигфридову сердцу,
Сказать по чести,
И было нужно.

Он

Войны юнцам
Свой собственный закон
Нёс сам.

27

В те времена язык
Идей эсерских
Присутствовал, как шик,
На офицерских
Собраниях.

Свечи гасли:

Огни на пунше
Как будто в тенях вязли...
Лихой хорунжий,
Кося цыганский глаз,
– Нэчэльствэ нэт? –
Громил, как на заказ,
Весь свет.

28

И Зигфрид выступал:
– Войне не вредно
Скопить девятый вал,
Чтоб стать победной...
Всё для победы ныне:
Свобода, право
И воля – свет в пустыни!
С царём расправа –
Потом: после того,
Как победим... –

И встретил одного,
А с ним:

29

– Дерзите? Вы бы к нам
Пришли в землянку:
Глядишь, и вам бы там
Задали баньку...
Не видите вы что ли,
Куда всё клонит?
Ай по земле да воле
Народ не стонет?
Всю власть возьмёт, гляди,
Рабочий люд:
Тогда весь трон – иди
На суд... –

30

Он побывал у них
В расположеньи.
Один из ездовых
При артснабженьи
Докладывал на тему:
«Бросайте бойню».

– Народу пусто, нему,
Голодну, дойну –
Не быть: войну кончай!
Идя домой,
Винтовку забирай
С собой. –

31

Отчасти возмущён,
Смущён отчасти,
Там говорил и он.

Слова о счастье
Победы, о грядущем
Сверженьи трона
В солдатской вязли гуще,
Как в вате... – «Вона,
Куда загнул? Хитер...
А нам-то – ох?..» –
И невозникший спор
Заглох.

32

...И наступил февраль
Большого года,
Откуда вглубь и вдаль
Пошла свобода.

В центр тотчас Зигфрид послан,
В командировку:
Там по «рулям и вёслам»
Всю обстановку,
Распределив масть в масть,
Узнать, расчесть...
И «пополненье» в часть
Привезть.

33

Страна была вдвойне
На нервном взводе,
И ненависть к войне
Росла в народе.
Разлуки и печали
Жгли до отказа.
Продукты вздорожали
Почти в три раза.
Уж в марте (прост удел
Людских невзгод)
Пред булочной черствел
Черёд.

34

Москва – пчелиный рой.
А уж тем паче
И случай был такой,
Когда телячий
Восторг владел умами.

– Мальчишки, коим
На поводке у мамы
Иль под конвоем
Учителей брести, –
Учить народ
Взялись или пути
Свобод

35

Указывать?.. –
Котёл,
Кипящий пеной,
Пузырился и цвёл.

И постепенно
Со всячинкой похлёбка
Подспевала:
Плыл по́верху, как пробка
(Иль запевала),
В ней Керенский А.Ф., –
Кудыть болтун,
«Революционный лев»
И лгун.

36

Теперь – «не Мотылёв,
А снова Рогов» –
Наш Зигфрид был готов
Подвести итогов
Превыгодный балансик:
Пыл убеждений
(Сбирай спокойно дань с них)
Был тем бесценней,
Что прошлым был мастит.

Да нет, куда!
Тут на особый вид
Езда.

37

Пока гоним он был,
Копил, не тратя,
Жар задушевных сил.

И, в результате
Такого рода жизни,
Горя́ (иль тлея)
В сугубом эгоизме
Своей идеи,
Он к двадцати семи
Годам (– скандал! –)
Ни женщин, ни семьи
Не знал.

38

И вот теперь, когда
Он сразу выплыл
Из «нетей» в «господа»,
Он сердцем выплел
Затейливее кружев
Канву: и вышло,
Его обезоружив,
Что сердце выжгло
Порядочную – с мир! –
В сознании щель,
Где бушевал кумир –
Эль-Эль.

39

Ну, бросимся же к ней...

А, наконец-то!..
Читатель, не робей:
Нашли мы средство,
Пока мала Наташа
Для нашей темы,
Дабы варилась каша,
Заняться теми,
Кто боле подходящ.

Ништо, добро! –
Коль кости нет, и хрящ
Ребро.

40

Людмилой Львовной он
В душе отмечен
С высококовских времён.

Гордиться нечем
Нам в их простом романе:
Ни тайн, ни крови...
Но, дав созреть в тумане
Двойной любви,
Нарушим ли мы чем
Прямую быль,
Зажегши меж проблем
Фитиль?

41

Свиданье их, как взрыв:
Что́ слов, что́ смеха!..
То нежностей прилив,
То грусть, как эхо...
– А дети – трое целых?..
Мольба во взоре, –
Но он узнать успел их?.. –
Нет, нет – не горе!
– А разница в годах,
Пять с чем-то лет?
А муж чуть не монах?..
Нет, нет! –

42

Командировки срок
Мелькает быстро:
Настал – бежит – протёк...
Приказ министра
О назначеньи новом
Торопит выезд.

И, словно перекован,
Как встарь – порывист,
Игнатий жизни рад.
Он едет. Цель –
Сдавать дела, в отряд.
С ним – Эль.

43

Пристало ли толочь
Нам воду в ступе?

Отправив в эту ночь
В купé и вкúпе –
Их в положеньи «ихнем»
Весьма приятном,
Мы топнем, крякнем, гикнем,
Чтоб весь обряд нам
Не перепортил «шеф»,
Поэмы чтец,
Заране подглядев
Конец.

44

Прокис февральский хмель...
И, как похмелю,
Принёс с собой апрель
Почище зелья.
Ещё призыв: последних
Птенцов – годами
Несовершеннолетних;
Отцов с дядьями –
В щетинах седина...

– Развал, афронт...
Хозяйствам, ну – хана:
На фронт?

45

Не жалко им бойца...
Вопят: война до
Последнего конца!
Ведь это надо... –

И вот вернулся Ленин:
Твёрд, озабочен,
Прям, прост и откровенен.
Сказал рабочим:
– Советам власть должна
Быть отдана.
Внутри перенесена
Война. –

46

Его любая речь,
С ним каждый митинг
И каждая из встреч,
Всё – новый винтик
Для той людской машины,
Которой скоро
С неистовством лавины,
Крушащей горы,
Удастся свергнуть бар
Любых мастей
И бросить в мир пожар
Идей.

47

...Оговоримся здесь
Веленьем щучьим.
А если наша смесь
Остынет – вспучим
Потайное вещичек,
Всю подоплёку
И бабью и мужичью:
Неподалёку
Бушует жизни вал,
Где налицо
Набитое внавал
Мясо,

48

Такое же, как те,
Каких пишу я:
И с выпуском когтей
За небольшую
Нечаянность обиды,
И с криком в гневе,
И с воплем панихиды...

Довлеют дневи
И злоба и добро:
Который люб,
Тому и ставь тавро
На круп.

49

Спокон веков, вовек
Предел положен:
Будь ты хоть сверхстратег;
Будь ты, положим,
Коли губа не дура,
Не столь разборчив,
Какая джъататура
Спасёт от порчи, –
Обмеривать гнездо
На свой аршин
От основанья до
Вершин.

50

Проверим на глазок
Рисунок беглый,
Пока он не засох:
Стоят, как кегли,
Живой готовой кучей
Мои овечки,
Способностью паучьей
В лоск обеспечив
То, что для незевак
Сеть паутин
Готовы плесть все, как
Один.

51

По правде говоря,
Жить, может, вредно?

Да, вредно жить за-зря.
Сказать конкретно,
Живнул ты в меру будто,
В тонах прелестных,
И... что Гомеру Будда
Почти ровесник,
Расчёл, установил
За медный грош...
Подгнили корни сил –
И что ж?

52

Чтоб был неутомим,
Пропишет медик
Вонючий витамин
Родимых редек,
Шиповников, морковей,
Капуст и яблок,
Что, собственно, толковой
Напутствий дряблых,
Соборований, треб
И прочих нужд...

(Уж я на этот креп
Чихну ж!..)

53

Нет, ты дерись, кипи,
Борись и властвуй,
Взорвись, сорвись с цепи,
Пусть вырвут глаз твой,
А докажи со страстью,
Что воля к жизни
Зовёт нас к миру, к счастью,
Что страсть к отчизне –
К народам всяких рас
И всех отчизн –
Ведёт с любовью нас.

Вот – жизнь!

54

Последней волей волю
Фосфоресцируй.
В кровь натирай мозоль
На споре с лирой.

Пусть между двух бомбёжек
Под грохот гиблый
Сознание, точно ёжик,
Расправит иглы.

Презрением к смерти плюнь
В поганый свет
Невиданных, как лунь,
Ракет.

55

Я знаю, как певец
И заводила,
Куда б наперевес
Ни заводило
Нас, мы, что Ваньки-встаньки,
Башкою – кверху...

Так грохнем tutti quanti!
Пусть на проверку
Окажется, что друг
Сердечный, я,
Навеки впаян в круг
Житья.

56

Я – друг твой: как поэт
И запевала.

Слеза ли ка́паает?
Сядь, как бывало,
Поближе, пригорюнясь...
(– Ну, – капай, капай!..)
Припомни детство, юность,
И, тихой сапой
Подкравшись, как сапёр...
(– Катись, слеза!)

...Приехали! Всё – вздор.
Слезай!..

57

Огромное панно
Лежит пред нами,
И нам – не всё равно,
Где дым, где пламя.

Всё по местам расставим.
Что жизнью пахнет,
Определив, прославим.
У нас и в снах нет
Ни крохи тьмы иль зла.

Вопи, поэт:
Да сгинет смерти мгла!
Жизнь – свет.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

1

Привычным нам стихом,
Пусть – своенравным,
Давайте-ка споём
О самом главном,
Что вьётся в нас, как знамя,
Светя и грея,
Воспламеня сознанье
Огнём идеи.

Не как слепой юнец
Заглянем в мир,
А как, хоть не мудрец,
Но vir.

2

Насупись, облачась,
Нахорохорясь,
Мы поведём рассказ,
Убавив скорость.
Покляксим-повараксим
И в гору двинем:
Сбирать крупичицы максим
Из груди миним.

Уж ежели гора
Рождает мышь,
Сеть гор, придёт пора,
Родишь.

3

Когда я лез в строфу
Своей закваски,
Я отдувался: – Фу-
Ты, что за сказки?..
Не будь столь разухабист
И расхлабыстан,
Ведь это не акафист
С исподом истин?
Весь плов окинь, акын,
Свей план допреж,
Семь раз примерь, один –
Отрежь!

4

И вот теперь, когда
В восьмом заезде
Восходит череда
Моих созвездий,
Опять ввожу с эффектом
(Ну, и напорист!)
Чуть не plusquamperfectum
В quasi аорист?

И разве до сих пор
О пустяках
Шёл резвый разговор
В стихах?

5

Ухватим рукоять
Хоть так, к примерцу:
«И да пойдёт» (стрекать?)
«От сердца к сердцу»,
Как предлагал Бетховен
Потомкам путным.

(Какую из хреновин
Преподнесут нам
За вольность, озорство,
Сов лык в строку?..

Я думаю, что – во! –
Каку́...)

6

Читатель, не тужи:
Тут темы – сердце
И новые межи.
Не страстотерпца
Я из тебя варганю,
А беспокоюсь,
Чтоб моему созданию,
Поэме то есть,
Придать всю глубину,
Весь вес до дна...

Ей-ей, не обману:
Вот – на!

7

Напомню бегло, где
Герои наши:
Пора их вспомнить-де.

Начнём с Наташи.
Был день её рождения –
В начале мая:
Пришлось на воскресенье.
Подружек стая
К пяти часам звана
На чай и «писк»...

С утра – весна, весна –
Вразбрызг... –

8

Днём – радостный сюрприз:
Приехал Ваня.
Пить чай спустился вниз
Он в знак вниманья
К новорождённой. Свёрток –
От мамы. С кремом
Два шоколадных торта
Сам – от Форштрема! –
Он чинно преподнёс
(Бонтон Москвы)
И задал ей вопрос
На «вы».

9

А что от мамы? Ба!..
Какая прелесть...

Девчоночья гурьба, –
Все, что имелись
В гостях, – сбив этажерку,
В огромном писке
Умчалась на примерку:
То галицийский
Был девичий наряд –
Couleur locale
Мест, где их санотряд
(...– Ох, даль!..–)

10

В Москву Тураев вот
Зачем был вызван:
Его рожденья год
На службу призван.
Их факультет отсрочки
Не даст: война ведь...
Среди студентов прочих
Себя доставить
Он в комиссариат
Обязан... И –
На фронт, рад иль не рад,
Иди.

11

И нынче ж у него
Собрание «друзов».

Притти на «торжество»
Из карапузов,
В честь дня её рожденья,
От Тётявани
Даётся разрешение
Наташе, крайне
Взволнованной. Она
(– Какая жуть! –)
Там выпила вина
Чуть-чуть...

12

...Их пятеро – Борис,
Тамара, Ксана,
Иван и Юрий. Из
Них мы Ивана
Уж знаем предовольно,
Немножко – Ксенью:
Взаимности их школьной
Под «нашей сенью»
Не следует полоть...
Троих ещё
Представить надо хоть
Общо.

13

Сдружил их комитет
Саморазвиться:
В глубь ученичьих лет
Вели события –
Театр, концерты, чтения,
Музеи... Встречи,
Чтоб сладить выступленья:
Доклады, речи...
Забот и дел – гора,
Ну... полон воз:
В общественность игра –
Всерьёз.

14

Ровесники почти.
Был на год старше
Ю.Сомов. Перейти,
Студентом ставши
Естественного, Юре
На медицинский
Пришлось, хранясь от бури
Судьбы «войнской».
Румян, высок, силён
И белокур,
Был веселейшим он
Из Юр.

15

Он к музыке питал
Страсть – род недуга:
Чем меньше сам играл,
Тем больше друга
Расценивал за навык
В садах Эвтерпы...

И первая струна в их
Беседах первых
Льёт музыкальный лад
На всё окрест,
Дублируя: Пилад –
Орест.

16

Моложе – Боря Шмидт,
Ровесник Ксаны.
Но, хоть птенец на вид,
Солидный самый
«Пятёрки» идеолог.
Названьем «друзы»
Он – страстный минеролог –
Скрепляет узы
Друзей. И, фигураст
Игрой ума,
На выдумки горазд
Весьма.

17

Они вели дневник
С его почина.
Таилась в нём для них
Коварств пучина:
Писалось с тем условием –
Под честным словом –
(Кого мы тут изловим?
Кто подтасован?)
...Чтоб записей чужих,
Чтоб все они,
Никто бы чтоб из них –
Ни-ни!

18

Занятность в том была,
Что по идее
Дно этого русла
Вело в затеи:
Дневничий «день рожденья»,
«Приказ» дневничий –
Игры воображенье
Сквозь тот обычай,
Где детский ритуал,
Став вдруг взрослей,
В звено объединял
Друзей.

19

Сегодня – ровно год
От основанья
Дневнических забот.
Его создание
(Для перемены галса
Чтоб он, как тюбик
Выдавливался, брался
На вкус, на зубик)
Имело цель: в день «сей»
Читать дневник,
Чтоб «друз» в нутро друзей
Проник.

20

Борис был реалист
По средней школе,
И в нём не прервались
Движенья воли
К реальности. В решеньи
Любых вопросов
(До быта дребедени)
Он был философ.
Дневник – эксперимент
(Как тайн сосуд)
Слагаемых: кремень
И трут.

21

Была красой кружка
Т.Кулешова:
Произнесём пока
О ней два слова.
Тамара – однолетка
С Иваном: даже
Сокурсница. Кокетка,
Шатенка. Скажем:
Её, почти без слов,
Любой каприз
Исполнить был готов
Борис.

22

– Камена дневника
У нас теперь есть!.. –
– А не мала ль слегка? –
– Так в том и прелесть. –
– По дню рожденья – тёзки:
Согласен – в музы... –
– ...И в друзья! – Всяк по-свойски.
Так в «младодрузы»
Наташа избрана:
Нелёгок груз –
Десятая она
Из муз.

23

Потом Иван играл:
И всё – «чужое».
(Видать умнее стал –
Ему ужó я!)
Тут наша «галичанка»
И задремала:
Ведь нужно для подранка
Довольно мало,
А здесь – чужой плетень
Мешков и шил
В неё рожденья день
Вложил.

24

– Спит муза... Тсс! – Berceuse...–
– Начало Лунной! –
Вполголоса запрос
На шопот струнный.
И, оборвав с улыбкой
Пассаж бравурный,
Иван играет зыбкий
Ноктюрн f-dur'ный.

Потом (– Вот сладко спит! –)
Относит вниз
Наташу. В помощь Шмидт,
Борис.

25

Уж за́ полночь. Друзья
Решают дружно,
Что дневника нельзя...
Да нет – не нужно
Пока читать... И Ксана
Писала мало,
И не было Ивана...
Пусть для начала
Хоть год повременит:
«Младенец» мал,
Ни счастья, ни обид
Не знал...

26

Хлопочет больше всех
О том Тамара;
Борис, сердясь сквозь смех,
Ей вторит яро.
Немножко непонятен
Ивану пыл их,
Но... – дружба их без вмятин...
Весёлых, милых
Давно он не видал...
А сам «туда»,
В «дневник», что он писал?
Ах... да!..

27

...Борис – тот близорук,
А Юра – медик...
Так что один лишь «друг»
На фронт поедет...
А ведь сказала Ксана,
Что мама – в сёстрах...
Ну, это хоть и рана,
Да не из острых...
Куда там! Coup d'etat –
Переворот...
И эта суета
Пройдёт... –

28

– Уж три́ года – война,
Уж враг – в воротах... –
– Будь осторожней на
Переворотах! –
Острит Иван... И снова
Вино в стаканах,
И к слову вьётся слово
Друзей чуть пьяных...
Кружится голова
Сквозь голоса...

– Домой! Домой! – уж два
Часа.

29

В отместку за апломб,
Введем в анализ
Бездушье гекатомб
...Cum grano salis.

Раз «гибели достойно
Всё, что возникло», –
Сверхкатаклизмы, войны,
Стихии, циклы,
Всё чорту не во вред –
Ишь сатана!
Ему и горя нет:
Хрена!

30

Папаха, газыри,
Чекмень, черкеска –
Отваги пузыри...

(Из-за оркестра
Не слышно сол!)

...Ну, то́-то ж,

Чего с ягнёнка
И взять? Пищит подмётъш..
А мы – согнём-ка
В барание рога
Спесь молодчин
Заранее?.. Ага –
Молчим!

31

Пай-мальчики свой пай,
Поди, ухватят,
Засунув «ад» и «рай»
За «икс» и «катет».

А мы – торчи, как мачта
Мечты: куда те!

Превыспренность задач-то
Совсем некстати
И вовсе не при чём
В романе: ты
Смири её мечом
Мечты.

32

Ты музу не учи:
На нас потратив
Со специей харчи,
Сказать по правде –
Sub specie уютной
Aeternitatis –
Она ежеминутно
Пыхтя и пятясь,
Несёт – pour la bonne bouche –
(– Ну, это уж...)
Животворящий душ
Для душ.

33

Давно мы без Кузьмы.
Что с ним? И как он?
Пустьась напереймы,
Немедля на кон
Его мы предоставим,
(– Гроши на бочку! –)
Приотворивши ставень,
Дадим росточку
Взглянуть на мира ширь.

Его, среди
Тьмы бурь, утихомирь,
Поди!..

34

Он проводил отца
В уездный город.
Кус мяса из бойца
Содеял враг:
Руки нет, ног обеих.
Тех инвалидов,
На средства добродеев
Героев выдав,
Питать был дан указ:
В мешке вися,
Дыши, коль дьявол спас;
Жизнь – вся.

35

Когда ещё отец
Был в лазарете
В Житомире, юнец, –
Не в малолетье
Парнишка был немелок, –
Чтоб есть не даром,
Дежурил за сиделок
И санитарам
Частенько помогал
В моменты пик:
К нему весь персонал
Привык.

36

Туда ж вернулся он,
И – всеми вспомнен –
По штатам проведён
Вольнонаёмным
На должность санитара.

Там он «промыслил»,
Что не пустая тара
Готовых мыслей
Есть каждый человек,
Что он – волна
Энергии, сусек
Зерна.

37

Он не подозревал
Громадной глуби,
Родящей гнева шквал.
Листком на дубе
Он колыхался, крепко
С насестом спаян:
На чей пригляд – прицепка,
На чей – хозяин.

Цепь основных начал
Была близка:
Её он понимал
Слегка.

38

Переворот стёр грим,
И для почина
Растаяла, как дым,
Войск дисциплина.
Потом прозябли корни
Тех устремлений,
Что были поупорней,
Посовременней:
Развал, страстей разгул –
Взрыт фронта быт.

Где стол стоял, там стул
Стоит...

39

Перевернув кристалл
Тот, что магическ,
Взведём на пьедестал
Не «их величеств»,
В герои взятых нами,
А прочих: «омпес»:
Роман переупрямя,
Переопомнясь,
Расширим горизонт,
Взяв за модель
В событиях – резон
И цель.

40

Теперь-то вот и я
Спою иное.
Не призраком старья
Иль паранойи,
На пустяки протрачась
До нитки (– Risum,
Amici, teneatis! –)
Явлюсь с сюрпризом
Причуд, галиматъи,
Непростоты,
А гаркну: – Тут мои
Панты!

41

Тут корни все зараз:
Отсель понятий
Отвердевает газ
(О, конденсате!)
И гравировет штихель
Лбов медных стены –
De mortuis, мол, nihil
Помимо bene!
За тридевять земель
От здешних мест
Имеет чья-то цель
Насест! –

42

Пока веди мои
«Нопо»-букашки
Взаимности свои
И вверх тормашки
Носились в разновесных
Системах тяги, –

Великий рос ровесник,
Достойный саги:
Свой авангард растил
Рабочий класс –
По капле сила сил
Взвелась.

43

То партия росла,
Мужала, крепла:
Как Феникс, встать могла
Живой из пепла
(Читай – восстать из people'a
В нём – мощи база)
Без жалобы иль вопля,
Но раз от раза,
Год от году сильнеей
Взвивая гнев.
Зрел ленинских идей
Посев.

44

Её рожденья год
Совпал с рождением
Тураева. И вот
Под мудрым бденьем
Вождей, с началом века,
Средь ярых прений
Простого человека
Вбирая пени,
Она ковала ряд
Стальных людей:
И пролетариат
Был с ней.

45

Рабочий понимал,
Что плохо время,
Что царь и капитал –
Вот бич и бремя.
Рабочий знал: нет мрака
Гнусней царизма;
Царизм (тире) собака
Капитализма.
Царизм – горбун: его
Исправит гроб... –
Вот дело каково,
Коль – в лоб!

46

А в думах – стройный строй
Социализма,
Чей образец простой
Вбирала линза
Учителей великих,
Пророков зорких.
В оковах, в рабствах, в игах –
Гнилых опорах
Тогдашней были – мысль
Вождей (стрела!)
Социализм в явь, в близь
Звала.

47

Социализму из
Мечты в науку
Был путь открыт. Взялись,
Тому в поруку,
Приметы. Мирозданья
Ясна личина.
И, значит, не в сознание
Первопричина,
А в бытие. Идей
Сильна волна,
Лишь массой овладей
Она.

48

Сполохи снов взвились,
Подъяты мнением,
Что материализм
(Маркс-Энгельс-Ленин)
Фундамент коммунизма.

Как в спектроскопе
Луч звёзд вскрывает призма,
Так, на простое
Всю сложность разложа,
Гра́ни в уме
Суть отразят: межа
Во тьме.

49

Как света луч в грань призм
(Мечтаний грани)
Виднелся коммунизм –
Венец стараний;
И быт при коммунизме
Такого сорта,
Что в человеческой жизни
Рознь будет стёрта
Навеки меж людьми
Ума – труда.

Читатель, шаг стреми
Туда!

50

Но глядя в даль веков,
Вожди умели
Унять всех болтунов,
Вредящих в деле;
Найти отпора резкость
Тем в поученье,
Сипящим: «Гнилы, дескать,
Столпы ученья», –
Кто прыгал «шаг вперёд»,
А «два назад»,
Кто партию ведёт
В разлад.

51

В раздумьях и, стократ
Сильнее, в споре
Ковался верный взгляд,
Откуда вскоре
Впервые прозвучали
Слова о третьем
Интернационале:
Прикрыв веретем
Следы болезней, ран
И язв труда,
Вся беднота всех стран –
Сюда!

52

Бездельник – да не ест:
Вот – символ веры,
Наикрепчайший бест
Для точной меры.

Да сгинет ложь теорий
«Лови-момента»
В зияющем позоре.

Не перманентна
Кадриль словесных каш:
Идеалист
Не скроет, вскрыв багаж, –
Wer ist.

53

Рабочих и крестьян
Союз был крепок:
Не миф, не сна туман
(Идеи слепок –
Его же не преjdeши),
А стык реалий,
В котором есть депеши
Из ближних далей,
Где пролетариат,
Как гегемон,
В грядущей жизни сад
Введён.

54

Коль повторить общей
О яви бренной,
То сущности вещей
Нет неизменной.
Тут похвалиться не́чем –
Не чудо в люке:
Зато и бесконечен
Объект науки.

Раздумью дав посыл,
Суть поддеюль,
Пустив средь «вечных» сил
Патруль!

55

Мужайся, скромный люд,
Ликуй сторицей:
Для дурня – абсолют
Средь дефиниций.

Не мирового духа
Мир – воплощенье,
А как бы – заваруха,
Частиц движенье,
Молекул круговерть –
Родная быль, –
Где пляшут жизнь и смерть
Кадриль.

56

Природа – без конца
И без начала:
Так дума мудреца
Нам завещала.

Не утверждай заране
Себя: в природе
Нет абсолютных граней –
Пустых мелодий
Про чижика, что пил:
Ты... вей гнездо,
Клони наклон стропил –
До, до!

57

В «законные» права
Не зарываясь,
Природа такова
Лишь, каковá есть:
Без лишних прибавлений
И метафизик.
И враг её явлений
Себя б сам высек,
Когда б, набравшись дум,
Он захотел
Поставить ей свой ум
В предел.

58

Вестимо – без крупы
Не сваришь каши,
Будь и не столь слепы
Желанья наши.

Не «провиденьем божьим»
В судьбе вопросов
Определить мы можем,
Что: «жизнь есть способ
Существованья тел
Белковых». Вот
Что точности предел
Даёт.

59

Тут ни к чему змея
Воображенья:
Сознанье – бытия
Есть отраженье.
Материя реальна,
Первична, значит.
Мышленье матерьяльно
И тайн не прячет.
Нас да не проведут
Ни слух, ни нюх:
Материи продукт
Есть дух.

60

Развитие – борьба
Противоречий:
Роль фатума – слаба
В той жадной встрече.
В противоположеньи
Предмета сущность,
И в нём самом – боренье,
И – мнима дружность.

Закона календарь
Предельно прост:
В смерть развивайся старь,
Новь – в рост.

61

Пусть слаб сейчас росток –
В нём будет сила:
Не запад, а восток
Ему кормило.
Наполненное гнили
Вползает в быль... но
При кажущейся силе
Оно бессильно.
Должно смотреть вперёд,
А не назад:
Закидывай забот
Десант.

62

Всегдашен переход
От стари к нови,
И новь, как в корне плод,
Лежит в основе.
Движенье непрерывно
И нет покоя.
Уверенность наивна
В устой устоя.
Незыблемых идей
На свете нет,
А вечность, меж людей, –
Чушь, бред.

63

Сверхчувственное – вздор,
Мир – постигаем,
Пусть познан до сих пор
Лишь самым краем.
Нет абсолютных истин,
Они – конкретны:
Когда с них шкурку счистим,
Храни, как ренты
Желательный оброк,
Ядро нутра:
Суть, добытая в срок,
Мудра.

64

Всё связано: предмет
Вне этой нормы –
Релятивизма бред
И мысли тормоз.
С материей, что мыслит,
Мышление слито:
Дух, словно под кормы след
Подставил сито.
В утробе стари – новь,
Искомый клад.

Добро! Тут – в глаз, не в бровь,
Заряд.

65

Тут – близок локоток
Без зуботычин:
В органику скачок
Диалектичен.
Тут – физики константа,
Пункт, перемена,
Подсунет нам не Канта
Под Диогена:
От «сколько» до «какой»
Не миг, не шаг,
А только никакой
Пустьак.

66

Количества ведут
В цель новых качеств,
В чём нет ни чуда, ни юда.
Живёт, не прячась,
(Не пропасть – просто яма)
Констант основа,
Как пропуск состоянья
Очередного:
Сублимативный вскок,
Ступень, черта,
Чем жизнь на оселок
Взвита.

67

Есть осень и весна,
Зима и лето:
Картина мер ясна
На взгляд поэта.
Сил противоположных
Взаимотяга,
Что в феномена ножнах
Нам всем во благо,
И даже для придир –
Тепло, светло...

Уютный, скромный мир:
Табло!

68

Свобода наша есть
Нужды сознание,
Что может быть и в честь,
И в порицание:
«Fastidium est quies»...

Простые люди,
Коль жизнь им душу выест
За алчность в блюде,
Да сотворят кипсек
Из этих строф:
Я верить в лучший век
Готов.

69

Им, коль их не уймём –
Позаливаться
Стыдом. Не тот умён,
Кто залихватски,
Без промаха буравит
Цель без прицелов, –
Тот умник, кто исправит,
Ошибку сделает.

Социализму – зреть
В одной стране:
Так правильно на впрёдь
Вполне.

70

Противоречье сил
И отношений
Воспламеняет пыл
Для изменений,
Платя за здравость духа
Ценою крови:
Насилье – повитуха
При родах нови.

– Переворота вождь –
Рабочий класс! –
Вот лозунг – свежий дождь
Для масс.

71

И партия ведёт
Народ к восстанью
В бой за переворот.

Но грань за гранью
Куёт ядру оправу
(Чтоб бросить ядра!) –
По новому уставу
Тасует кадры,
Сбирая молодых:
Под свой контроль
Берёт суть мыслей их
И волю.

72

Повёл «Рабочий путь».
Народу вольным
Дыханием вздохнуть
Дал Ленин в Смольном.
Распущен предпарламент.
Гремит «Аврора».
Взят Зимний с юнкерами.

Начавшись споро,
Всё ширится окрест
Восстанья бой.
Открыт Советов съезд,
Второй.

73

О мире, о земле
Гудят декреты:
В их яростном тепле
Сердца согреты.
И Совнарком составлен,
Где председатель –
Ильич, наркомнац – Сталин.

Так созидатель
Победы Октября –
РКП(б) –
Окрепла, новь творя
В борьбе.

74

Китаец режет шар
Слоновой кости...
И внук его уж стар, –
Сам – на погосте, –
И то, что начал прадед,
Докончит правнук:
Шарами шар зарядит.

Не своенравных
Искусством правит нрав:
Упорство, труд –
Вот что даёт устав
Всех «чуд».

75

Кто может, полечись
Лекарством этим,
А нам оно – не в жизнь:
И не заметим
Мы, как взгордимся, взбухнем,
Взлетим под тучи,
А там, глядь, и потухнем
Коптя вонюче.
Сей стиль хоть индюшач
И дыбит грудь,
Но не решит задач
Отнюдь.

76

Медузу победив,
Персей Зевесыч
Нам пламенный призыв
Шлёт, как сове сын:
– Эй, поднатужьтесь, братцы! –

Но есть примеры,
Что ночью (für die Katze!)
Все кошки – сэры:
А сэр – чего с него
И взять, коль сэр?..

...Через Марсель в Прево
Пример...

77

Но эта глубина
Не встала мелью б,
Когда б прознал до дна,
Люб ты иль не люб.

...Да где уж там: чужая
Душа – «в потомке»...

Обширностью «пужая»,
Гулки и ёмки
Кабины тех сердец,
Каким – корысть:
Домкраты слов, резец
Иль кисть.

78

Долой игривый блеск
Полупоэзий!
В суть самую залезть
Куда полезней,
Где с видом духовидца,
Провидца формул,
Чего-не-то добиться.

Как змий, мудёр, мол,
Хитёр, как сатана,
Умён, как бес:
Ну, прямо (вот-те на!)
Зарез!

79

{Повисли на ветвях
Серёжек букли.
Волненьем охватя,
В лесах набухли
Рулады чикчирика.
С землёй весной-то
Что деется, гляди-ка!

[Пусть «levis potae
Mácula» – не декрет,
Но лучше, чем
Другой декрет... (Поэт!
Будь нем.)}]

80

Ну, – я по горло сыт!

...А например-«бо»
Недурно было... sit
Venia verbo...
Ввести бальзаму в глотку:
Стаканчик спирта
Вполне заменит водку...

А то, вишь, Пирррр-то,
Хоть римлян победил
В дали веков,
Перерасходом сил
Резóв,

81

Чем и вошёл в века...

Так, стало-ть, вкратце:
Читатель мой – пока!
Пора расстаться
До следующей песни...
Винцо позволит
Нам сделать интересней
Рассказ... поn olet!..
И свить сюжета нить
Хоть в решето,
И силы сохранить...
А то...

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

*В тягость роскошь мне твоя,
О, бессмысленная вечность!*

Е. Боратынский. «Недоносок»

1

Удел твой, человек,
Отнюдь не сладок,
А горек, как омег:
На дне ж – осадок.

По первому абцугу
Заметить должно,
Что верить даже другу
Не очень можно,
В конце ж, увидишь, брат,
Что дырка, свищ
Там, где ждёшь встретить склад
Кушищ.

2

Не жал бы, не пахал,
Не клал бы следи,
Под вздохом опахал
Лежал бы в неге,
Слегка читая книги...

Но полем, лугом,
Схватившись за чапыги,
Идет за плугом
Разумный человек.

Не сад из мальв,
А колыбель «омег»
И «альф».

3

Всё в мире – вихрь и дым:
Средь шторма словно
На салинге стоим,
Дрожа, как овна...

Нам аредовы веки
Жить в непокое!

В футлярах человеки
И те – жаркое,
Хоть каждый будь на вид
Твёрд, как корунд,
На вражий аппетит:
В секунд!

4

Никто не знает, как
Прожить на свете
И не попасть впросак.

Вихрь междометий,
Начавшись с первым вздохом
Скользит по жизни.
Нет счёту суматохам –
Одна капризней
Другой... А сквозь туман,
Как фиги жест,
Неведомый обман
Веществ.

5

Естественно, что и
Мои герои
Внесли свои паи
На впросакстрое.
И это – пусть завидна
Закоренелость –
Тем более обидно,
Что мне хотелось
Дать их, как идеал
В людской судьбе...

В душе я бормотал
Себе:

6

Кинь недозрелый плод
Чужих суждений,
Бросающих вразброд
То свет, то тени...

Чтоб суть твоих героев
Взошла, набрякла,
Поступки их настроив
Под стать Геракла,
Распространи во вне
Строй мыслей их,
Вбирая в тишине
В свой стих...

7

Так и поступим. Кто
Решит безмолвно,
Что наше решето
Чудес не полно,
Кто крикнет нам: «Эй, тютти,
И в самом деле
Раскапывайтесь в сути
Без канители»,
А кто шепнет: «Ага,
Живца к ногтю!..»

И тут-то ваш слуга –
Тю-тю...

8

Героев полон ком
Мы с явью сцепим,
Чем сразу возведём
В поэмы степень:
Тритоном резкой рифмы,
Любви трезвучьем,
Трезубцем жизни их мы
К себе приучим.

Для пробы – на ланцет
Возьмём надкус
Противников на цвет
И вкус.

9

Без ложного стыда
И эвфемизма
Мы выпустим сюда...

– Садись – кафизма!..

Нет: запись для ресконтро,
Где порешим мы
Часть наших рго и contra,
Где спляшут шимми-
Масабре, верней, – ректайм
Абó тангó
Те, кто пока потайн...

– Ого!

10

Чтоб не торчала врозь
Вся клиентура,
Посмотрим, как жилось
Любови Згура.

Круговорот в работах
Довольно косен:
В хозяйственных заботах
Проведши осень,
Зимой, меж всех дремот,
Составь отчёт,
А там опять ремонт,
Учёт...

11

Две комнаты её
На антресолях –
Приятное жильё.

Не труд в мозолях
Учитывать отсюда,
А сладость уюта.

В одной – с окном, как чудо,
Над садом, круто
Спадающим к реке, –
Стол, стул, кровать,
Шкаф книг недалеке –
Читать...

12

В другой скрыт старый дух
Конторки карей
За мягкий ёжик двух
Араукарий.
Куст фуксии, алóэ,
Горшок азалий
Зимой тепло жилое
Здесь запасали.
Отапливалось всласть
Не всё подряд
В дому, а только часть
Палат.

13

Но в этом октябре
Придётся печи
Топить везде – тире –
Для скорой встречи
Хозяина, который
Три года с гаком
Здесь не был: словно шторой
Завешен мраком
Войны.

Весь долгий срок,
Что скрыл рубеж,
Проглядывал меж строк
Депеш.

14

Их было две. Одна
В начале года,
В марте; была она
Такого рода:
«Primate posdrawlenja
Priwet gemou roucou
Spetchinski».

Появление

Её – в поруку
Тому, что он принял
Переворот,
Что чуть не мадригал
Поёт.

15

Вторая – деловой,
Длинней и суше...

Дела – не соловей,
Что нежит уши!

...Не шлите-де отчётов
Сюда по почте...
...Посылку всех доходов
За́ год – отсрочьте...
...Сам буду скоро... Дом
Храните, лес...

И коротко при том:
«P.S.»

16

Получена была
Депеша к лету,
А осень подошла,
Всё «гостя» нету.
И уж Любовь Петровна
От нетерпенья
Чуть не болеет, словно
Здесь – заточенье...
В Москву, в Москву скорей,
Раз нет опал!
И Рогов в марте ей
Писал:

17

«Охота Вам сидеть
В своем сусеке –
Стеречь чужую клеть?
Уж не навеки
Быть в услуженьи барам...
Когда кругом-то
Переворот пожаром
Прошёл от фронта
До захолустных мест –
Покиньте мель.
Скорейший Ваш отъезд –
Вот цель.»

18

И правда, правда – так...
Но – самочинство –
Всё бросить: как-никак,
А ведь Спечинский
Ей оказал доверье,
Дал службу... Значит
Придётся уж теперь ей,
Пускай хоть плачет,
Его дожждаться...

Срок

В душе сама
Поставила в зарок –
Зима.

19

Нет осени милей
Средь пор природы,
Её прекрасных дней
«Моей» породы.
Нет не первоначальной,
Не той, что Тютчев,
Чуть что не идеально
Стихами взбучив,
Был полон, а другой,
Когда полна
До дна сама собой
Она.

20

Взяв стиховой ухват
И сделав кроссинг,
Бежим наперехват
Туда, где осень,
Под паранджой поэмы
Храня обычай,
Укромные гаремы
Своей добычей
Набила. Невзначай,
Будьте добры,
Приподымите край
Чадры.

21

Туда мы забрали́сь,
Где мох фланелев,
Где поздний рыжик, ввысь
Кружки нацелив,
Подмёрзши за ночь, вылез
К теплыни полдня...

И мы остановились,
Всю грудь наполня
Дыханьем талых влаг
Сквозь вялый лист
И холодок, что наг
И чист.

22

Не красною строкой,
А красной нитью
Осенний полон строй.
Всё, как финифтью,
Покрыто для приятья
Красы узоров –
Для праздничного платья.
Её просторов
Разбег гравюрно прост,
Далёк и тих,
Как ветерок меж гнёзд
Пустых.

23

Всю ширь исколеся
И мне поддавав,
Вот разалелась вся,
Как цветик маков,
Как колпачок паяца...

И ей шепчу я:
Счастливо оставаться,
Днюя, ночуя,
Навек, моя пора!
В твоей судьбе
Ни пуха, ни пера
Тебе!

24

Покуда соберу
Приезда сбрую,
Дам «отдохнуть» перу
И попирую.

Как в самой тёплой шубе
Свой тлен покоя,
На дне воздушной глуби
Живёт живое
И не боится петь
Про писк пичуг,
Собравшихся лететь
На юг.

25

А я-то всё пою
Бай-ба́ю-ба́ю
Да баюшки-баю́
Припоминаю...

Пусть будут нам ребордой
Все эти штуки –
Опорой в жизни твёрдой,
Как мысль и руки,
Что в высь фиоритур
Текут с пера,
Воля, как дети, «чур-
Чура́».

26

Смиренно, как монах,
Сложив ладоши,
Шепчу, скрывая страх,
Что я – хороший,
Что я достоин лавров,
Чудес и премий,
Что сытью минотавров
Мне быть – не время...

А чуда, хватъ-похватъ,
Всё нет, как нет:
Не валит благодать
Чем свет.

27

Как курица с яйцом
Ношусь, кудахчу,
Предполагая: сём-
Ка, наудачу
Снесусь в укромном месте...
Авось да либо
Яйцо от происшествий
Спасу? Спасибо –
Мне ж молвит лиходей
И яйцеед,
Узря моих идей
Расцвет.

28

Когда-то на юру́
Своих позиций
Я затевал игру
В руках с синицей.
И «грустно, и некстати»,
И очень жалко,
Что стала, в результате,
Синица – галкой.
А жаль еще сильнеей,
Что журавли
Летали близ моей
Земли.

29

Всё сделано, мол, ан
Не вышло дело:
И в голове туман,
И вяло тело;
Заходит ум за разум
И слово – за́ речь,
Подверженный заразам,
Ты хил, как барич;
А вместо страсти – лишь
Блудо-цирроз
Высовывает шиш
Из роз.

30

Жить надо во всю прыть –
Вот наше credo:
Не прозябать, а жить
Без снов, без бреда.
Ты бойся полужизни
До полусмерти:
Моллюсковые слизни
Страшней, чем черти.
Ведь жизнь – коловорот,
Шурум-бурум,
А разум – пусть зайдёт
За ум.

31

Эх, кабы на цветы
Да не морозы –
Весь век могли б коты
Петь ариозы...

Ты развевайся шире,
Чем стяг на древке:
Чтоб не хватать на пире
Одни отсевки,
Свой норов приспособь
Для бытия...

...Ну, это – уж особь
Статья!

32

Поэма – номинал,
Как был с надбавкой,
Чтоб каждый поминал:
Живи – не гавкай.
Головоломный слалом
Сюда – оттуда,
В бывалость – с небывалым,
Из яви – в чудо.
Её упорный бег
Необратим,
Как жизнь, как точность рек,
Как дым.

33

Здесь мысли палиндром
Сдаётся в наём:
...Как атом, электрон
Непостигаем...

Представить в заключенье
Мир, как «неволю
И светопреставленье»,
Я не неволю.

Хвостом, как мышка, верть –
И нет яйца
В том случае, коль твердь
Куца́.

34

Со своего плеча
Одежда наша:
Поэт в ней жил, шепча,
В ней – и плясаша.

Вооружённый глазом
Читатель нужен,
Чтоб вслед за «верхолазом»
Был ползать дружен,
Чтоб, плача «ай, да стих»,
Валился ниц
На каждой из моих
Страниц.

35

Но прямо понимай
Не всяко слово:
Ведь ты не «animal»,
А «царь» живого.

На страх рабам и музам
Марс был солдатом,
Воюя их то юзом,
То в лёт, то катом.
А мы, врагам – на страх,
С друзьями – в лад,
Объявим Марсу шах
И мат.

36

...Он вышел не один.
С ним же в вагоне
Приехал господин
В демисезоне:
Громаден и нескладен,
Весь как на шпонах,
Лицо в провалах впадин,
В тенях зелёных...

Спечинский речь ведёт,
Взмахнув рукой.
Осклабясь, внемлет тот,
Другой.

37

– Вояж – невтоготу...
Ох, наконец-то!
Всю эту красоту
Я помню с детства.

А всё ж за клубы дыма
Твои, Россия,
Нé дал бы ни сантимата:
Периферия
Мне впрямь не по душе,
Я не делец...

Что скажет attaché –
Купец? –

38

В ответе было всё
Полно контраста:
Огромный нег-мусьё,
Косясь клыкасто,
Вдруг голоском медовым,
Слегка натужно,
Следя за каждым словом,
Пропел послушно:

– Мистер Шпетшински пусть
Изменит смех:
Может охвátить грусть
Нам всех... –

39

– Раз – «охватíть», два – «нас»...
Не прост язык-то
Особенно для вас:
Ждать вам конфликта!
А мне чтó не смеяться:
Я-то при чём тут?
Пусть их перевластятся –
Скорей прикончат...

Нет лошадей: видать,
И телеграф...
С кого уж тут искать
Управ! –

40

Так въехали они...
А кто они-то?

О первом – болтовни
Не шито-крыто.
Ну, а второй – деляга
(«Тóдди-верзила»)
Из города Чикаго:
Поживы сила
Влечёт (порыв души –
Канат, не нить!)
Именья за гроши
Скупить.

41

...Уиллкинн Теодор
Был Вилкин Фёдор
С рожденья.
(Средь афёр
Вертись, что ротор!)

Аляски уроженец
Себя мнил «русским»,
Когда хитросплетеньиц
Проходцем узким
К наживе жадно полз
В чужой амбар...

(Ну, это мы – так, вскользь,
À part...)

42

А с ним Платон Ильич,
Как alter ego,
Чтоб большего достичь
В делах разбега.

(Таких людей забота
Имеет виды
Не в чести патриота,
А в гнили гниды.
Они отчизну-мать
Хоть по частям
Готовы распродать
Врагам.)

43

Заметим, – вперелёт
Из темы выпав, –
Что самый лучший мёд
Бывает липов.

Клевреты и левретки
(Уж извините!)
Небось, не очень редки
И в вашем быте?

...Не в лавке: продаю
За что купил, –
Не жеребцов дою,
Кобыл...

44

Разножкой на нас
Поэма скачет,
Вкусна, как ананас...

И что ей значит
Загнуть коленце, фортель
Такой подстроив,
Который бы испортил
Весь фарг героев?
Удрать, о том тубя?
Иль дать леща,
Удобства для себя
Ища?

45

Покамест не «прильпé
Язык к гортани»,
Я властвую в толпе
Предначертаний.
Пускай мои декреты
И яда едче,
Покорные клеветы
Хоть спляшут в скетче,
Хоть смогут под финал
Все помереть,
Чтоб зритель понимал:
Трагедь.

46

Освой моё койнэ,
Мой тон обычный:
Как в торте-пралинэ,
В нём вкус приличный.

И в том лишь закавыка,
Что дом мой – сбоку,
Что мне не всяко лыко
Годится в строку...

А растревожить дух
И потолочь –
До этого я, ух,
Охоч!

47

Уж первый выпал снег...
Он, правда, тут же
Растаял, но пресек
Сомненья: глубже
Примет и суеверий
Нет в женской сути
Корней. И при потере,
И на распутьи,
Где надо угадать,
Узнать судьбу –
Нишкни, седьмая пядь
Во лбу!

48

Раз выпал снег – отъезд
Не за горами:
На жизни ссыльной – крест.

Сияет в раме
Грядущего окрестность:
Не предзимовья
Тощающая пресность,
А полнокровье.
Словно по всей земле
Цветут поля
И курит наргилé
Земля.

49

Однажды из села,
Ещё средь лета,
К ней женщина пришла.
Бедно одета.
С печально-чудным взором
Икон Рублёва,
И скорбь и свет в котором.
Мать Кузи Лбова.
На Любу подняла
Сиянье глаз
И тихо повела
Рассказ.

50

Одних со Згурой лет,
А старше видом:
Нужды и горя след,
Баланс обидам.
И слёзы, не готовясь,
В глазах застыли,
Когда кончалась повесть
Их бедной были:

– А с ним бы благодать:
Силён и росл,
Да изучил штук пять
Ремёсл... –

51

Приязнь и дружба их
Непостепенна:
Удел сердец больших.

То Аграфена
Васильевна в Высоком,
А то Петровна
Присядет ненароком
В селе на брёвна
У Грушиных окон...

И звёздный кров
Зажётся, как спокон
Веков.

52

И раньше у крестьян
Бывала Люба...
Но деревенский стан
Теперь сугубо
Понятен стал, и вещи,
Чуждые ране,
Теряли тон зловещий.
Да и крестьяне,
Который середняк
И победней,
К ней относились, как
К своей.

53

И к Эгуре мужики
Явились как-то
С той стороны реки.

Коснулись факта,
О коем рассужденье
Вели на сходе,
Касательно имения
Решив в народе:
– Ты здесь посторожи,
Покеда... съезд...
Определит межи
Окрест.

54

Русь-матушка вольна,
Считай, полгода,
А сделала она
Что́ для народа?..
Пустые разговоры
Уж надоели..
Прав, значит, тот, который
Сказал в апреле:
Заношенное сжечь
Пора тряпьё
И чистое навлечь
Бельё. –

55

А слухи уж бегут,
Слушки, слушищи:
Один наперегуд
Другого чище..
Восстанье в Петрограде.
В Москве – восстанье.
На фронтах – передряги.
Вокруг – крестьяне
Не ломают картуза,
Не жгут добра,
В упор глядят в глаза –
Пора!

56

...Недели две сидят
Спечинский с Годдей
В Высоком, а ни взад
Их дело, вроде,
И ни вперёд. В уезде –
Неразбериха:
С приезде-то поездя,
Сейчас – претихо,
Как черти в центре пекл,
Дуются в рамс...

Вот те и fin du siècle,
И Брамс!

57

Брюзжит помещик наш...
И уж готов он
Признать, что весь «вояж»
Затеял фофан...

(...Сколь «ваше благородье»
Ни бей в клепало,
А дому и угодию –
Пиши пропало...)

...И что торчит он здесь,
Как в ложках пест,
Кляня свой этот весь
Приезд:

58

– Уж эта «травести»...
Как её... Згура,
Господь её прости,
И вовсе – дура:
Сначала – «ах, уехать!»
Потом – «останусь
Здесь в школе»...
Да по мне хоть –
Сгинь к чёрту, Янус
Двуликий!..
...Ну – грабёж...
Промеж проблем
Пáмроки отобьёшь
Совсем... –

59

А Люба-то и впрямь
Осталась в школе.

(Поди, переупрямь
Решенья воли –
Подите, урезоньте
Наветы чести!)

...– Учитель, быв на фронте,
Пропал без вести,
Поп – неуч, дьякон – туп,
Дьяк – вполпьяна, –
Вот и осталась тут
Она.

60

На самом деле ж – в том
Свои удила:
С Платоном Ильичём
Приезд «верзилы».

Испуг и отвращенье
В ней вызвал «Тодди» –
Чем дале, тем crescendo.
В её методе
Как раз и было – лезть
Дракону в пасть,
Сбивая с «юда» спесь
И власть.

61

Ума не приложу,
Что делать с нею,
Но маленькую ржу
Стереть не смею:
Ей бы узреть нелишне,
Что сам помещик
Всех Тоддей никудышней,
Что в снах зловещих –
Ему б...

Она же мнит,
Что Теодор –
Палач, злодей, бандит
И вор,

62

(Что, в принципе, не ложь,
Но...) что она-то,
Буде укусит вошь,
И виновата,
Что, так как об имени
Ей всё известно,
Сейчас ей в отдаленьи
Быть неуместно...

Ну, втрамбовал я в стих
Весь стык идей:
Ханá – и никаких
Гвоздей!

63

Пусть всё это – кляня –
Возьмут в желёзы
Те, что поймут меня
Без экзегезы,
И те, что... ни бельмеса.

Дабы Каабы
Любого толко-веса
Не стронуть – я бы
Солил посолоней,
Имей рассол
Характер панацей
От зол.

64

Но пусть их имена
Sunt odiosa:
Иначе нам – хана.

Род симбиоза
Актинии и рака
Их совместимость:
Как помесь полумрака,
Друг-другу – цимес.

Комплементарных благ
Нам не найти:
А то-то б был маяк
В пути!

65

Прибластилось... Ну, что ж:
И это – дело,
И в этом цель найдёшь,
Коль взглянешь зрело.

Без встречных поперечин,
Без отсебятин
Путь и нечеловечен
И непонятен.

Находка без потерь
Нам добрый щит:
А на ловца и зверь
Бежит.

66

Прибластилось?.. Вот-вот,
Того и надо:
Отсюда пусть ползёт
Монада лада.

Именно оттого-то
Среди поэзий
Высокого полёта
Плен парамнезий
Отмечен знаком плюс.
Сюда припав,
И делает наш вкус
Пиф-паф.

67

Когда-нибудь судьба
Нам пустит юшку:
Небожьего раба
Возьмёт «на пушку»...

Разыскивай потерю
(...Бог есть, конечно,
Но я в него не верю...)
Во тьме кромешной,
Но не теряй чутья
И на фу-фу
Не суй зря острия
В строфу.

68

Я с духом соберусь,
С рассудком – тоже,
Перешлифую вкус
И «позу рож»,
Прочищу идеалы
Своих героев,
Их сны и причиндалы
Им в тон подстроив, –

И объявлю парад,
Сбор всех частей,
Созвав чемпионат
Страстей.

69

Писатели – они
Народец ахов...

Но всё же от писни
Приявши страхов
В плепорцию, то гимном,
То славословьем –
В порядке подхалимном
(Весьма сыновьем) –
Опорожнят дуду,
То – ни гу-гу:
Молчат ручьём во льду,
В снегу.

70

Слов плохо не клади:
Они – основа
Того, что впереди
Любого слова.

Поэт – вибратор смысла:
Он месит вязко,
Следя, чтоб не прокисла
Его закваска.

Поэмы чарусá,
Разинув зев,
Ведут на голоса
Распев.

71

Не стих мой подшофе,
Не слово с клёшем:
Все домыслы в строфе
Лишь о хорошем.

Не падок я до радуг
Иль до миражей:
Люблю во всём порядок
И дух говяжий...

И чем уж так плоха
Вся эта вязь
Арабская – стиха...
Что? Ась!?

72

Поэмы этой спирт
Тем прочих гуще,
Что должен выпит wird,
Хоть в век грядущий.

Как специя в приправе,
«Пускай могила»
Успеет брэнной славе
Раздуть кадило.

В любые времена
Уют души,
Взвалив на рамена,
Ташшы́.

73

Законченных стихов
Слова тугие
Идут не от краёв
Периферии.
Концепция романа
Была нужна́ мне
И как самоохрана,
И как на камне
Вы́чеканенный лик
Времён и душ,
Залезший в каждый миг,
Как буж.

74

Нас обвиняют в том,
Что строим.

Кроме

Того, что строим дом,
И в этом доме
Нет ничего святого –
Живая жила
Взбесившегося слова...

(А, знамо, – шила
В мешке не утаишь,
Будь ты хоть тип,
Хоть ты ори на мышь
«Цып-цып»...)

75

Но начал я писать –
И что ж? Куда те
Девались – стройность, гладь,
Отбор понятий...
Смешалось всё, как в доме
Облонских: даже
Погуще, повесомей...

Для камуфляжа
Тут что ль во всей красе
Не дом, а цирк,
Где производят все
Кувырк?

76

Мне снилось: стал я стар,
Брожу офеней...
Вдруг, портя мой товар,
Как ляпнет гений:
«Бесмыслен разум, благо
Мученьем стало»...

(Всё вытерпит бумага –
И мысль, и кало!)

Тут – хоть гори в огне,
Хоть лезь в петлю́,
Чего я страсть как не
Люблю.

77

Пронзительней чем Свифт
Порой мы свищем,
Маша меж правд и кривд
Балансом нищим...

Но «укатают Свифта
Крутые горки» –
И, слышь, не слышно свиста
Сквозь плачи горьки...

Примите, как наплыв,
Сию строфу,
До времени прикрыв
В шкафу.

78

Не экспонатов стенд,
Не фигли-мигли,
А, вроде, монумент
Мы здесь воздвигли.
Не эхом породимы,
Пусты и немые,
Торчат, как парадигмы,
Куски поэмы –

В ней всё – живая ткань
Любвей и вер
Володей, Сашей, Тань
И Вер.

79

Поэт – не полубог,
Но не без бога:
Ему среди эпох
Лежит дорога.

Довольствоваться малым
Куда полезней,
Чем ездить с подуwalом
По струнам лезвий.

В поэме, милый друг,
Ориентир
Не на семейный круг, –
На мир.

80

Своё «курлы-мурлы»
Воркует море:
Девяты валы
Меж волн в фаворе.

Томительно, как дюны,
Текут события,
Всегда повторно юны
В цепях развития...

Катись, девятый вал,
О скалы бей:
Отыскивай средь скал
Людей!

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

1

Кузьма и ездовой,
Семён Ерёмин,
Держали путь домой.
Был полутёмен
Настой бесснежной стужи,
За́ день не спавшей,
Сжимавшейся всё туже:
Как будто кашлем,
Надсадным и сухим,
Овеян свет,
Как будто в спины им
Продет.

2

Но сумеркам вразрез
Был прост и весел
Их разговор. Навес
Родимых весей
Лирическим напевом
Свивался после
Грозы, повитой гневом,
Взревевшей к пользе
Народа, чтоб заря
(Да сгинет мгла!)
В шесть суток октября
Взошла.

3

Через Москву был путь...
Тáм же, в вокзале,
Не дав передохнуть,
Им приказали:
Тотчас – в свои районы,
Учтя весь опыт,
В Москве приобретённый!
Наташин шопот
Запомнился Кузьме:
«Ты враг теперь», –
Злой, ясный, в полутьме,
Сквозь дверь.

4

Сумел зайти он к ним
Лишь на минутку.
(...Тон был неуловим,
Но вряд ли в шутку...)
Ораторствовал Юра:
– Неверно, Боря,
Ты тут, накаламбуря,
Натаратора,
Поставил колóm бур,
Можно сказать,
Если на твой аллюр
Скакать... –

5

– А плохо чем? Пождём –
Увидим чётче,
Пригоден ли и в чём
Народ, твой зодчий. –
– А сами – в тень, в сторонку?
Так это ж пакость! –
– Тогда впрягись в боронку
...Анфас и в ракурс... –
– Ну, что же, и впрягусь! –
И снова спор:
Восстанье... честность... Русь...
Позор...

6

– Ну, а вот ты, Кузьма,
Куда и с кем ты? –
– Куда же мне? Зима.
К земле. Ко всем бы... –
Системой их позиций
Всерьёз не принят,
Он забежал проститься
К Екатерине
Кирилловне; та, в путь
Его крестя,
Шептала: – Честным будь,
Дитя! –

7

...– Девчонка-то права:
Ты – враг им, Кузька!
Им всё – одни слова...
А влезут, пусть-ка
Попробуют кашицы...
Нам – к делу ближе:
Скорей бы дотащиться,
Да, смазав лыжи,
Бар наострить бы вон,
Хотя б к зиме... –
Так говорил Семён
Кузьме.

8

В Высокое они
Явились к ночи.
Нечастые огни
По избам: очень
С горючим стало слабо.
В избёнке Груши
И старики и бабы
Набиты туже,
Чем в кузове грибы:
Всяк убеждён,
Что знает шаг судьбы
Семён.

9

Ему за эту ночь –
В уезд добраться,
В событиях помочь
Там разобраться...
С Любовь Петровной – Кузей
Он познакомлен:
Вмиг ход её иллюзий
Им остановлен;
Конкретные, свои
«Что», «как», «к чему» –
Вбивает в Любовь и
В Кузьму.

10

– Ты, что же, дезертир? –
– Нет, мать. Советы
С германцем сладят мир:
Нам знамо это.
Теперь войну не с немцем,
А с богатеем
По избам да по сенцам
Мы здесь затеем.
Достаточно, чай, мать,
Нас жгла беда?..
– Ты, Кузя, с ними, знать? –
– Знать, да. –

11

Но пламя лбовских бед
Вдруг не погасло.
Приезду Кузи вслед
Оно, как на зло,
Взвилось: дом инвалидов
Бездействен смаху
И без дальнейших видов.
Хоть жмись, хоть ахай –
Бери своих калек
К себе в дома
На их остатний век...
Кузьма

12

К Ерёмину в ревком
Зашёл попутно,
Как ездил за отцом.
В пятиминутной
Он рассказал беседе
О безобразьи...
– Дом подновят соседи,
И то – воз грязи,
А тут весь строй – на слом,
В развал, в разнос...
Поставлю на ревком
Вопрос, –

13

Решил Семён. Здесь мы
Минут на десять
Оставим круг Кузьмы:
Уравновесить
В поэме всех героев –
Большое дело.
Сию мораль усвоив,
Чтоб всё дозрело,
Рассмотрим-ка других
И в лоб и в тыл,
Кого наш быстрый стих
Забыл.

14

Игнатий и Эль Эль
В Москву в июне
Вернулись. Карусель
Прошла не втуне
В их быте несидячем,
Вскружась недаром:
В июне же назначен
Он комиссаром
Милиции в район
Где «номер три»
Быть должен подкреплён:
Смотри

15

И накрепко блюди.
Вот что всецело
До октября в груди
Его кипело.
Штат укрепляя спешно
(Снасть перед шквалом!),
Помощником по внешней
Охране взял он
Ивана, так как тот
«За кем другим,
А уж вослед пойдёт
За ним».

16

С Иваном чудеса,
Из «не бывает
Коих», как клялся,
Случились в мае:
Осмотром не замаяв,
Врач, став добрее
Всех тётъ (... – Иван Тураев?
Сынок Андрея
Кириллыча? Знавал
Папашу я... –)
Ему отсрочку дал:
Статья!

17

Служил Тураев до́
Начала лекций:
Научное гнездо
В год предсоветский
Закопошилось позже
Почти на месяц.
Вот чем – хоть повод тощий –
Отзанавесясь,
Иван (как ни крути,
Вихрь – ух какой!)
Пытался обрести
Покой.

18

Но в сроки Октября
В Градоначальстве
Они не вовсе зря:
Оба по части
Как бы недавней службы.
И оба – в «Дрезден».
Но повод неуклюж был,
Что вновь отъездом
В Высокое без слов
Маскировать
Пришлось им. Мотылёв
(Опять?!)

19

С Иваном – вроде как
В бега, в прикрытие:
Очередной просак
В большом событии.
...Запомнились Ивану
Три дня «в конюшне»:
Предсмертные слова... – Ну,
И почему ж не
Упёрлись в смерть те дни?
Останусь жив,
Так напишу в «дневник»,
В архив. –

20

Поэтому Кузьма
Ивана дома
И не застал: нема
И всем знакома
Случайностей повадка.
Но жизнь в Высоком
Не обретёт порядка
И выйдет боком
Кóе-кому, о ком
Речь поведу,
Потрогавши молчком
Узду.

21

В Москве осталась Эль:
Сестру иль братца
Чрез несколько недель,
А, может статься,
Чуть попоздней, готова
Добавить к детям
Она. И мы вполслова
Сейчас отметим,
Что с марта (– Ах, бог мой! –)
Разлучена
С Игнатием впервой
Она.

22

...Ищи припас врага,
И по полатам
Мы шарим. За рога
Быка ухватим
Там, где рога найдутся
С быком в прикладе.
Раскинуть чтоб не куцо
Умом, прилада
И тут того-сего,
И там, – освой
Не труд, не воровство:
Разбой.

23

– Иван Тураев прав, –
Тамара с Ксаной
Решают, перебрав
Событья с самой
Живой и скрупулёзной
Ужимкой... – Ване,
Коль разобрать «сурьёзно», –
Решает втайне
Наташа, про себя, –
Носиться вслед,
В тон Зигфриду трубя,
Не след... –

24

Промеж любовных пар
Воспет у Пруста
Над чашкой чая пар.
Он валит густо
В такого рода «пьесах»,
Где «цо то бенди»:
В «Войне и мире», в «Бесах»,
В «Тристрате Шенди».
И здесь, где ввезян в дом
«Последний лист
На древе родовом»,
Er ist.

25

Осенний, зимний день:
Ноябрь. В столовой
Тепло, уютно: лень
Промолвить слово...
Как будто всё в Высоком
Почти, как раньше,
В недавнем, в недалёком:
Камин оранжев,
И сыты «господа»,
И прибран стол...
Но факты, что вода
В рассол.

26

Какой-то мальчуган
Принёс в именье
Рабочих и крестьян
Распоряженье:
...В чём в копии сей выдав
Приказ ревкома
Для Дома Инвалидов...
...Угодью, дому
С наделами земель,
Тех и таких,
Отсюда и досель,
Быть их...

27

– Что за «романс без слов»? –
Эх... надо б сечь их... –
– Да это ж Кузя Лбов,
«Студент», «Кузнечик»!.. –
– Не знаю, что за птица, –
Мямлит Спечинский, –
Но эта «небылица»
Вполне по-свински...
Как бы сказать... взашей
Нам всем даёт?.. –
Осклабься до ушей,
Как кот,

28

Уилкин Теодор,
Противным «мяу»
Вступает в разговор:
– Скасать желяу,
Пбра теперь пбжитки
Набрать нам в руки,
Тут будут пережитки!.. –
– Башибузуки, –
Вопит Платон Ильич, –
Здесь всё – моё!
Рассудку не постичь...
Хамьё! –

29

А между тем Иван
Играл Шопена
В гостиной. Звуков стан
Вздымался: пена
Баллады в соль миноре
Не то с ответом,
Не то с вопросом горя,
Легко пропетым,
Лежала на слуху
Поверх проблем
Ровесницей стиху
Поэм.

30

До нынешнего дня
Считал он Лбова
Так... парнем без огня,
Простей простого...
Бывают из народа...
Не глуп, конечно...
Но нет: не та порода.
...Ах, чорт, как нежно
Тот первый лейтмотив
Здесь вновь, опять
Спешит весь свой порыв
Отдать.

31

Нет. Лбов правей меня...
И вот – награда:
В пóльмя из огня
Скакать мне надо...
И вперебой с Шопеном
Течёт раздумье
О самом драгоценном.
Выходит в сумме,
Что парень «так-себе»
(И в этом – соль!)
В «тураевской» судьбе
Контроль.

32

И лучше и честней:
Там – перспектива.
Не знаю «их» идей,
Но... справедливо.
Скорей вяжись в беседу
Под треск в камине...
Да. Завтра же уеду,
Мой путь – не с ними.
...Влияния искусств
Живой пример
На становленье чувств
И вер.

33

В столовой же Шопен
Дал тон иному:
Там каждый «джентельмен»
В ответ ревкому
Внёс свой акцент презренья.
Под звон баллады
Там принято решенье
На вкус Паллады.
Помещик и эсер
Находят вмиг
Один для строгих мер
Язык.

34

Чикагский финансист
Бормочет: – Амен!
А мольдой артист
Кбнэщью с нами? –
Иван стоял у двери,
Игру прервавши:
– Я, господа, не верю
Дороге вашей.
Здесь родина моя,
С ней не порву.
Я? Возвращаюсь я
В Москву. –

35

На следующий день
На саквояже
Он затянул ремень.
Всё вышло глаже
И проще, чем он думал:
Те трое ночью
Ушли пешком без шума.
– Чтоб со сволбчью, –
Как молвил Теодор,
Сбираясь в путь, –
Не дэйлать лишних спор
Отнюдь! –

36

Ивана на село,
С Любовь Петровной
Поговорить, влекло.
Он с безусловной
Правдивостью поведал
Свои сомненья:
– Я и гроша бы не́ дал
За поведенье
Игната. Ну... Платон
Ильич и «тот»,
Один другому в тон
Поёт... –

37

– Не мне вас осуждать,
Иван Андреич...
Вам надо уезжать,
И чем скорее,
Тем лучше. Ненароком
Сплетут вас с ними...
Я остаюсь в Высоком.
А это имя,
Игнат... Что это я?
Да плакать мне ль?
Ах, бедная моя
Эль Эль! –

38

Вот и пришёл конец
Куску в поэме:
Как вежливый творец,
Прощусь со всеми.
С Тураевым: и нынче
Небезызвестен
Он – по эпохе Винчи
Профессор, честен
(А по годам и честь!).
И средь наук
От младшей дочки есть
Уж внук,

39

Иван Сергеич Лбов:
Пять лет – парнище,
Всеобщая любовь,
Забот всех – пища.
Прищуря над альбомом
Глазёнок карий,
Предложит всем знакомым
Свой комментарий:
– Пап-мам, я, дед Иван,
Дедусь Узьма,
И бабуфка Ялан...
Сама. –

40

Ах, батюшки: Ялан,
Так это ж – Наля,
Наташа! (Весь роман
Мы начинали
Из-за неё...) Неужто?
Как моложава
И хороша! А муж-то –
Подумать, право! –
Директор, депутат,
Величина:
Вся грудь его наград
Полна...

41

...Илья Игнатьич Рогов –
Эль Эль, бедняжка,
Ведь умерла от родов –
Жизнь начал тяжко,
Но всё ж окреп и вырос,
Взят к тётке Любе,
Откуда и явилась,
Как звук в раструбе,
Их жизнь: он – агроном,
Жене – рожать,
Старушка – с ним, при нём,
Как мать.

42

А Зигфрид? Жив иль нет,
Нам неизвестно:
Его простыл и след...
И неуместно
Разузнавать об этом
Даже у сына:
Лишь под большим секретом
Про «господина
Того, который тот,
Кто не у нас»
Мать Уба свой ведёт
Рассказ...

43

Из ничего ничто
Не возникает.
Сбирай на решето
Трудов и маят
Планктон, нектон и бентос,
Им в жизни нашей
Найдя эквивалентность,
Всех мифов краше;
Воля, во прах простерт,
«Явись – и бысть!»
Хватайся за мольберт
И кисть.

44

Фацеция, быль, жарт,
Роман, новелла,
Поэма, очерк... Бард,
Берись за дело!
Не у хвоста жар-птицы,
Не в сказке снится,
Что без последней спицы
Нет колесницы.
Когда твой порох сух
(Лишь бы – не синь!)
На всё глаза и слух
Разинь.

45

Коль не сумеешь ты
Расчислить арку,
Созданье красоты
Пойдёт насмарку.
С учётом личной шкуры
Решать задачи
По существу природы
Вполне кошаче.
Ну, а в стихе, что там
Ни говори,
Себе будь только сам
Жюри.

46

Цеди, как сквозь друшлаг,
Смесь разных варев,
Кастрюлю новых саг
По дну обшарив,
Но «семо и овамо»,
Напропалую,
Труби глаголом «ато»:
Я не плутую,
Что тех, чья мысль добра,
Хоть сам – умён,
Ни два, ни полтора –
Мильон.

47

Сервета два часа
Живьём жёг Кальвин
(За дело, зная, взялся,
Быв радикален!):
– Ликейская собака!
Перипатетик!!! –
– Такой-сякой гуляка
Меж норм и этик!
И ты, без хитрецы
Держа швартов,
Сам будь отдать концы
Готов.

48

Ни пуха, ни пера –
Суй нос в корытце!
А нам, поди, пора,
Хвостом накрыться.
Амбивалентность чувства
Для нас – мерило
В творениях искусства,
Что очень мило.
Ох, милые мои,
Пора нам, глядь,
Чай да кофеи
Гонять.

49

И в счастье, и в беде
Мой вадемекум:
Всегда, во всё, везде
Быть человеком.
Важней росток иль плева?
Икра иль паюс?
Зерно иль срок посева?
Не знаю, каюсь.
(...Не знаешь, так не лезь,
В дуду игрец!..)
Пускай и будет здесь
Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Георгий Оболдуев (1898—1954), один из интереснейших русских поэтов XX века, до сих пор известен лишь узкому кругу ценителей. Его творчество отличается неповторимой авторской интонацией, редкостной культурой, изяществом и юмором поэтической речи.

Примечания призваны облегчить читателю восприятие стихотворений и поэмы автора, владевшего несколькими европейскими языками и не чуждого словотворчества.

Следует также иметь в виду, что авторская пунктуация и орфография в ряде случаев отличаются от общепринятой.

Поэзия Георгия Оболдуева, безусловно, нуждается в подробном и обстоятельном комментарии, который, надеемся, появится в следующих изданиях.

В настоящем издании впервые публикуются стихотворения «Post scriptum», «Девочкам, играющим на фортепьяно», «Четыре танца», «Кантата (Летняя)», «Проживал в Москве... » и полный текст поэмы «Я видел».

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ / ВНУТРИ, ВОКРУГ И ОКОЛО

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

- 22 *Всякая мысль подло, какъ змія, по земли ползѣтъ; но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопных водъ на прекрасную ипостась истины* — эпитафия из предисловия-посвящения Г.С.Сковороды к трактату «Икона Алкивиадская, сиречь Израилский змій». (Сковорода Г.С. Избранные труды. СПб., 1912).
- 23 *In usum delphini* (лат.) — надпись на адаптированных изданиях латинских классиков, подготовленных по указанию Людовика XIV для его сына; букв. — «для дофина».
- 26 *Разрезательный* — Почему в словаре Ушакова — «разрезальный»? (Примечание Георгия Оболдуева — далее Г.О.).
- 29 *Бабочки* — символ бессмертья (Г.О.).
- 35 *Н.Н.Я.* — Николай Николаевич Яновский (1914–1990), критик и литературовед, вместе с Г.Н.Оболдуевым отбывал ссылку в Медвежьегорске. См.: Яновский Н. Забытый поэт. Памяти Г.Н.Оболдуева //Литературное обозрение. 1987. № 6.

ЛЕПЕТАНЬЕ ЛЕТЫ

- 38 *Солнце уходит, как осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице* — эпитафия из главы «Плавание в Атлантических тропиках» первого тома путевых очерков И.А.Гончарова «Фрегат “Паллада”».
- 41 *Граманжа* (искаж. фр. *garde-manger*) — кладовая для продовольствия; такая надпись сохранялась на пароходах и теплоходах старой постройки, ходивших по Волге и Каме вплоть до 1940-х гг.

- 44 *Militat omnis amans, et habet sua castra Cupido* — «Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой лагерь» (Овидий. Элегии и малые поэмы /Пер. С.Шервинского. М., 1973. Кн.1, IX, 1).

ВИРА-МАЙНА

- 63 *Das Wesen des Geistes ist die Freiheit* (нем.) — «Сущность духа есть свобода» (Гегель Г. Философия духа //Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1977. Т. 3).
- 67 *Лизис* — разрешение болезни (противоположное кризису) (Г.О.).
- 73 *Ergo* (лат.) — следовательно, итак.
- 81 «*Будто в немца*» — у Вяземского: «Немец так глубокомыслен, что провалишься в него» (Г.О.).

СУРЖИК

- 82 *Суржик* — смешанный посев (Г.О.).
«*Сперва говорят: как он молод! /Вдруг скажут о нём: как он стар*» — «Сперва говорят о человеке: “как он молод”, и вдруг скажут о нем: “как он стар!”» — Карамзин. «Письма русского путешественника», ч. IV. Виндзорский парк (Г.О.).

ЖЕЗЛ

- 83 *Азям* (устар.) — кафтан, тулуп (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т., СПб., 1912—1914).
- 91 *В сени, лучшие из сеней* — «Евгений Онегин», 1, XXVIII (Г.О.).
- 94 *En flagrant delit* (фр.) — на месте преступления.
- 95 *Quod licet bovi* (лат.) — что дозволено быку; от лат. изречения «*Quod licet Iovi, non licet bovi*» — «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».
«*Мэнэ, такэл, фарэс*» — Дан.: 5, 25 //Ветхий завет.
«*Или, Или!*» — Мф.: 27, 46 //Новый завет.
- 96 *Wagon-lit* (фр.) — спальный вагон.

- 97 *Très joli* (фр.) — прелестное, очень хорошенькое.
- 99 *Инкассо, сторно, сальдо, онколы* — термины бухгалтерского учета и банковского дела.
- 106 *Непотизм* — покровительство по службе своим родственникам в ущерб другим.
- 107 *Эклога* — стихотворение, в котором в виде разговора описывается сельская жизнь (*Михельсон* [А.Д.] 30 000 иностранных слов, [вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1866]). (*Г.О.*).
- 117 *Е.А.Б.* — Елена Александровна Благинина (1903–1989), поэтесса, переводчик, жена Георгия Оболдуева.
- 118 *Rerum persarum* (лат.) — родит. падеж от *res persarum* — дела персидские.
Прокимен (греч.) — псалом, провозглашаемый перед чтением Апостола и паримий.

СВИДЕТЕЛЬ

- 120 *Quos ego* (лат.) — «Quos ego..! Sed motos praestat componere fluctus...» — «Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны...» (*Вергилий*. Энеида /Пер. С. Ошерова. СПб., 1994. Кн. 1, 135).
А.П.К. — Александр Павлович Квятковский (1888–1968), поэт, стиховед, друг Г.Н. Оболдуева.
- 129 *Intelligenti pauca* (лат.) — для понимающего достаточно и немногого.
- 130 *Вир* (устар.) — омут, водоворот, пучина; соблазн.
- 131 *Memento mori* (лат.) — помни о смерти.
- 133 *Анцибол* (анцибал, анцибул) — болотный черт; водяной (*Власова М.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 2000).
- 134 *Симонам-гулимонам* — от народного названия дня памяти апостола Симона Зилота (10 мая по ст. ст.).
- 135 *Органный пункт на доминанте* — выдерживаемый или повторяемый звук в басу; строится на тонике или *доминанте*.

- 139 *O, бедный homo sapiens* — эпитафия из стихотворения Б. Пастернака «Образец».
- 140 *Para bellum* (лат.) — готовься к войне.
Sapientis homini (искаж. лат.) — здесь: разумного человека.
- 142 *Вандыш* — мелкая рыбешка (Г. О.).
- 148 *Э.В.Г.* — Эрна Васильевна Гофман (в замужестве Померанцева; 1899–1980), филолог, фольклорист, знакомая Г. Н. Оболдуева.
- 153 *Сюркуп* — перекрышка [карт. термин] (Г. О.).
- 154 *Dolce far niente* (ит.) — приятное безделье.
- 155 *Nec plus ultra* (лат.) — дальше некуда; лучше некуда.

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ

- 162 *Da capo al fine* (ит.) — повторить с начала до слова *fine* (муз.).
- 165 «*Великое красноречье / Обладает косноязычием*» — Дао дэ цзин, 45.
- 166 *Розео́лы* — сыпь на коже, в т.ч. сифилитическая.
- 172 *Пробник* — жеребец не для припуска, а для узнанья течки у кобылы (Даль).

POST SCRIPTUM

- 190 *Кумса* — речка, впадающая в Онежское озеро (Г. О.).

СТИХОТВОРЕНИЯ И ЦИКЛЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

- 201 *Г. Руссо* — Анри (Henri) Руссо (1844–1910), французский художник-примитивист .
- 210 *Mors* (лат.) — смерть.
Тэбэцэ — сокращенное обозначение туберкулеза.
Холуэс — возможно, от слов *холуй* и *люэс*, т.е. сифилис.

- 222 *Coda* (ит.) — концовка муз. произведения.
- 229 *Меделянская собака, меделянка* — одна из самых крупных пород собак.
- 231 *Хиндемит Пауль* (1895–1963) — немецкий композитор, скрипач, дирижер.
- Piu mosso, piu vivo* (ит.) — быстрее, живее (муз.).
- 245 *Ренонс* — отсутствие какой-либо масти на руках у игрока в карты.
- 246 *Пруденты* (от лат. *prudens*) — благоразумные.
- 247 *Ремиз* — недобор установленного числа взяток; штраф за такой недобор при игре в карты.
- 250 *Каннихферштан* — возможно, аллюзия на эпизод из поэмы Жуковского «Две были и еще одна» (1831); ее третья часть — переложение в стихах прозаического рассказа И.-П. Гебеля «*Kannitverstan*» («Каннитферштан»)
- 255 *Mortuum caput* (лат. *Sphinx Caput mortuum*) — бабочка мертвая голова; см.: стихотворение Б. Пас-тернака «Вокзал» в редакции 1913 г.: «И в пепле, как *mortuum caput*, / Шириет крылами вокзал».
- 257 *Капорцы* (каперсы) — колючий кустарник; плоды употребляются в качестве пряной приправы.
- 259 *Pour l'amour* (фр.) — за любовью.
- 261 *На посполитом свете* (от польск. *pospolity*) — обычный, обыкновенный.

Я ВИДЕЛ. Поэма

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- 274 *Тогда-то я начну писать / Поэму песен в двадцать пять* — эпитафия из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Гл. 1, LIX.
- 275 *Жизнь живущих неверна, / Жизнь отживших неизменна* — эпитафия из баллады Ф. Шиллера «Торжество победителей» в переводе В. А. Жуковского.
- 288 *Альнес* — Эйвинд Альнес (1872–1932), норвежский композитор, автор песни «*Последний рейс*».
- 289 *Джемс* (James) Уильям (1842–1910) — американский философ и психолог.

- Нордау* Макс (1849–1923) — немецкий писатель и философ.
- Бурдау* — дамский писсуар.
- 290 *Hic, haec, hoc* (лат.) — этот, эта, это.
- Apud* (лат.) — у, при, перед, в присутствии.
- Tacet* (лат.) — указание о длительной паузе (муз.).
- Вильгельм II* Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король с 1888 по 1918.
- 298 *Тубо, пиль* — команды охотничьим собакам: *тубо* — стой!; *пиль* — вперед, бери!
- 301 *Арраго* — Роман Семенович Арраго (1893–1949), артист оригинального жанра; мгновенно решал математические задачи.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- 304 *Гидрохинон* — вещество, используемое в фотографии в качестве проявителя.
- 306 «*Gaudeamus*» (от лат. *gaudium* — радость) — средневековая студенческая песня.
- 310 *Бусый* (устар.) — темно-голубосерый.
- Крамбамбули* — жженка; настойка из спирта на корице, гвоздике и вишневых косточках.
- 313 *Палимпсест* (греч.) — рукопись, писаная на пергаменте, на месте смытого или соскобленного текста.
- 315 *Deus ex machina* (лат., букв. — «бог из машины») — развязка вследствие божественного вмешательства; непредвиденная помощь.
- 317 *Энклитика* (греч.) — безударная частица, примыкающая к слову: мой-то, я-де и т.д.
- 319 *Интермеццо* (ит.) — раздел связующего значения в опере и инструментальных циклических произведениях.
- 320 *Da capo* (ит.) — переход к началу пьесы (муз.).
- Quo usque tandem?* (лат.) — начальные слова из Первой речи Цицерона против Катилины: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением».

- 321 *Война, чей близкий контур / Мерцает ныне* — писано в мае 1941 г. (Г.О.).
 323 *Ектенія* (греч.) — молитвенное прошение.
 328 *Плеоназм* — излишество, многословие.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- 329 3–8 строфы [Песни третьей] писаны в конце июня 1941 г. (Г.О.).
 339 *Жох, ничка, плочка, конка* — положения костей при игре в бабки: *жох* — положение хребтиком вверх; *ничка* — на правый бок; *плочка* — на левый бок; *конка* — хребтиком вниз.
 345 *Гутируя бонмо* (от фр. *goûter* и *bon mot*) — смакуя шутку.
 349 *Fin du siècle* (фр.) — конец века.
 350 *Ohne Sorg'* (нем.) — без забот.
 360 *Warum?* (нем.) — Почему?
 362 *Ab ovo* (лат., букв. — «от яйца») — сначала.
 363 *Et idem* (лат.) — тех же самых.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 364 *Lapsus linguae* (лат.) — обмолвка, оговорка.
Эзотеричен (греч.) — таинственнен, понятен лишь избранным.
 365 *Синкретизм* (греч.) — нерасчлененность.
 371 *Noblesse oblige* (фр.) — благородство обязывает.
 373 *Камуфлет* (фр.) — здесь: подвох.
 378 *Es war ein Mal, ein Tag* (нем.) — это было однажды, в один из дней.
 387 *Ars vivendi* (лат.) — искусство жизни.
 388 *Eo ipso* (лат.) — тем самым.
 394 *Ad patres* (лат.) — к праотцам.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

- 396 *Эспримальтурне* (фр. *esprit mal tourne*) — извращенный ум.
Ритурнель (фр.) — краткая музыкальная фраза, повторяющаяся в аккомпанименте (муз.).

- 397 *Акмэ* (греч.) — вершина, расцвет; здесь употреблено иронически.
- 398 *На цугундер* (нем.) — на короткий поводок.
- 399 *Папильон* (фр.) — мотылек.
- 403 *Curriculum vitae* (лат.) — жизнеописание.
Oeuvre posthume (фр.) — произведения, опубликованные посмертно.
- 405 *Анамнез* (греч.) — история болезни.
Анамнясь (устар.) — на днях.
Piu lente (ит.) — играть более медленно (муз.).
- 409 *Бульдегом* — конфеты.
Филидор Франсуа-Андре (1726–1795) — французский композитор и шахматист.
- 412 *Дедал* — в греч. мифологии строитель *лабиринта*, был его узником.
- 416 *Эвфорион* — в поздней греческой мифологии прекрасный юноша, сын Ахилла и Елены, отвергший любовь Зевса, за что был поражен его молнией.
- 418 *Pardon, permetter* (фр.) — простите, позвольте.
Tbc (лат.) — обозначение туберкулеза.
- 420 *Embarras de richesse* (фр.) — затруднение от излишества или богатства.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

- 423 *Vers la flamme* (фр.) — в огонь.
Квипрокво (лат. *qui pro quo* — одно вместо другого) — путаница.
- 425 *Эвтерпа* — в греческой мифологии одна из муз лирической поэзии.
- 429 *Наука умеет много гитик* — мнемоническая поговорка карточных фокусников.
Без фука — ср.: взять за фук — снять шашку, воспользовавшись зевком противника.
- 433 *Омонимы* (греч.) — разные по значению, но одинаково звучащие и пишущиеся слова.
- 434 *Мюр* и *Мерилиз* — до 1917 г. один из крупнейших магазинов в Москве (нынешний ЦУМ).

- 436 *Периблепис* — грусть, овладевающая человеком при виде вокруг себя помешанных (*Михельсон М.* Объяснение 30000 иностранных слов).
- 440 *Иксион* — в древнегреческой мифологии царь лапифов, прародитель кентавров. Был прикован к огненному колесу.
- 449 *Гезихаст* (исихаст) — монах, практикующий «умное делание», разновидность религиозной медитации.
- 451 *Петля с крючком на шлеме* — крепление кольчужной сетки.
- 452 *Эрато* — в греческой мифологии муза любовной поэзии.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

- 454 *Филотей, Эльпин и Фракасторий* — персонажи диалога Джордано Бруно «О бесконечности, вселенной и мирах» (*Бруно Д.* Диалоги. М., 1949).
- 455 *Horribile dictu* (лат.) — страшно сказать.
- 456 *Третий пеон* (пэон) — в русском стихосложении четырехдольный размер с ударением на третьем слоге.
- 459 *Маседуан* (фр.) — кушанье из вареных овощей и фруктов под соусом.
- 460 *Ménage á trois* (фр.) — любовь втроем.
- 475 *Джъататура* — условный знак против нечистой силы в Средние века.
- 478 *Tutti quanti* (ит.) — все вместе (муз.).
- 480 *Vir* (лат.) — муж.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

- 482 *Plusquamperfectum* (лат.) — давно прошедшее.
Quasi (лат.) — как будто, как бы.
Аорист — грамматическая форма времени, обозначающая действие, законченное в прошлом.
- 484 *Л.Ю.Форштрем* — владелец шоколадной фабрики «Эйнем» в Москве (ныне «Красный Октябрь»).

- 484 *Couleur locale* (фр.) — местный колорит.
- 488 *Друзы* — гнезда кристаллов.
- 492 *Berceuse* (фр.) — колыбельная.
F-dur — фа мажор (муз.).
- 493 *Coup d'etat* (фр.) — государственный переворот.
- 494 *Гекатомба* (греч.) — здесь: массовая гибель людей.
Cum grano salis (лат., букв. — «с крупинкой соли») — иронически, язвительно.
- 496 *Sub specie aeternitatis* (лат.) — с точки зрения вечности.
Pour la bonne bouche (фр.) — на закуску.
Напереймы (устар.) — наперехват.
- 499 *Omnis* (лат.) — всех.
- 500 *Risum, amici teneatis* (лат.) — «От смеха, друзья, воздержитесь» — искаженная цитата из «Послания к Пизонам» Горация.
Панты (понты) — здесь: ставки при игре в карты.
Конденсате (лат.) — сгущенное.
De mortuis aut bene, aut nihil (лат.) — О мертвых или хорошо, или ничего.
- 501 *Peuple* (фр.) — народ.
- 506 *Бест* (перс.) — право на убежище в священных местах.
Wer ist (нем.) — Кто [он] есть.
Его же не преидеши — Дан.: 6, 8; здесь: нерушимый.
- 507 *Поддедьюль* — подцепи, подхвати.
Дефиниция (лат.) — точное определение.
- 509 Ср.: «Жизнь есть способ существования белковых тел». (Энгельс Ф. Анти-Дюринг).
- 514 *Fastidium est quies* (лат.) — пресыщение есть покой.
Да сотворят кипсек — здесь: увековечат; *keep-sake* (англ.) — в начале XIX века роскошно изданная подарочная книга с гравюрами.
Тот умник, кто исправит, / Ошибку сделав — ср.: «Совершить ошибку и не исправить ее — это и значит совершить ошибку» (*Конфуций*. Люнь Юй, 16 29).

- 518 *Für die Katze* (нем., букв. — «для кошки») — здесь: коту под хвост.
- 519 *Levis notae macula* (лат.) — незначительный проступок.
- 520 *Sit venia verbo* (лат.) — с позволения сказать.
- Non olet* (лат.) — не пахнет.
- 521 *Омег* (болиголов) — ядовитое растение семейства зонтичных с очень горьким вкусом.
- Абцуг* — скидка карт.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

- 525 *Эвфемизм* (греч.) — замена грубого выражения более мягким.
- Кафизма* (греч.) — псалмы Псалтыри, разделенной на 20 частей-кафизм, во время чтения которых дозволяется сидеть.
- Ресконтро* (ит.) — вспомогательная бухгалтерская книга, состоящая из частных лицевых счетов.
- Масабр* (фр.) — погребальный; ср.: данс-макабр.
- 528 *Гетои роусои* (транслит.) — жму руку.
- 531 *Кроссинг* (англ.) — положение, мешающее конкуренту в беге или по ходу игры.
- 533 *Реборда* — выступающая часть обода колеса, предохраняющая его от схода с рельсы.
- Фиоритура* — общее обозначение мелодических украшений (муз.).
- 534 *Минотавр* — в греческой мифологии чудовище с телом человека и головой быка, которому приносили в жертву людей.
- 537 *Палиндром* (греч.) — слово-перевертыш, читаемое одинаково как справа налево, так и слева направо.
- Мир, как «неволю /И светопреставление»* — ср.: Шопенгауэр А. Мир, как воля и представление.
- 538 *Animal* (здесь фр.) — животное.
- 539 *Attaché* (фр.) — атташе, сопровождающее лицо.
- 541 *A part* (фр.) — в сторону, про себя
- 542 *Alter ego* (лат.) — второе «я».

- 542 *Клевреты* (лат.) — здесь: прихлебатели.
- 543 *Прильпе язык к гортани* — Псал.: 21,16.
- 544 *Койнэ* (греч.) — общий язык народов эллинистических государств, сформировавшихся после походов Александра Македонского.
- 545 *Наргиле* — курительная трубка на Востоке.
- 549 *Рамс* — азартная игра в карты.
Фофан (устар.) — проstack.
Клепало (устар.) — колокол; било.
- 550 *Памроки* — памороки (Даль); отбило памороки = отшибло память.
- 551 *Crescendo* (ит.) — по нарастающей (муз.).
- 552 *Экзегеза* (греч.) — толкование.
- 553 *Sunt odiosa* (лат.) — ненавистные; то, что противно произнести.
Комплементарные — дополнительные.
Прибластилось (устар.) — показалось.
- 554 *Монада* (греч.) — неделимый первоэлемент.
Парамнезия (греч.) — ложное воспоминание.
- 555 «*Поза рожки*» — выражение из повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз».
- 556 *Чаруса* (устар.) — топь, непроходимое болото на Северо-Западе России.
- 557 *Wird* (нем.) — будет.
Буж (фр.) — уретральный расширитель.
- 559 *Офеня* (устар.) — коробейник, торгаш.
Бессмыслен разум, благо / Мученьем стало — эта цитата из «Фауста» И. Гёте («Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage») звучит почти так же в русском переводе «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса: «Разумное стало бессмысленным, благо стало мучением».
- 560 *Парадигма* (греч.) — образец для воспроизведения, развития.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

- 574 *Co to бенди* (от польск. *co to będzie, т. е. правильно бендзе*) — что-то будет (выражение из поэмы Мицкевича «Дзяды», ставшее польской поговоркой). Сообщил В. Л. Британишский.
Er ist (нем.) — он есть.

- 583 *Планктон, нектон и бентос* — типы водяных существ: *планктон* — мелкие, плывущие по течению; *нектон* — способные преодолевать силу течения; *бентос* — живущие на дне.
- 584 *Фацеция* (от лат. *facetia*) — короткий шуточный рассказ или анекдот, распространенный в эпоху Возрождения; в России появились в XVII веке как переводы с польского под названием *жарт*. *Порох ... не синь* (от выраж. «ни синь пороху») — ничего, ни пылинки.
- 585 *Семо и овамо* (устар.) — туда и сюда.
Ато (лат.) — любить.
Перипатетик (греч.) — приверженец философской школы Аристотеля, располагавшейся в *Ликее*.
- 586 *Амбивалентность* (лат.) — совмещение противоположностей.
Вадемекум (от лат. *vade tecum* — иди со мной) — путеводитель.

И. А. Ахметьев
А. Д. Благинин

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Глоцер. Поэт Георгий Оболдуев 3

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ / ВНУТРИ, ВОКРУГ И ОКОЛО

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Для детей	23
Треугольник	33
Три стишка не для детей	35
Клестир	37

ЛЕПЕТАНЬЕ ЛЕТЫ

Любовь	38
«Шомполом твоей улыбки...»	39
«Я был когда-то занят...»	41
Неверное сердце	43
Лепетанье Леты	44
«Есть же, это, счастье...»	54
«Ты хочешь песен, краля...»	55
Солдат	56
Дрожжи	57
Месяц	59
Серый взор	61

ВИРА-МАЙНА	
Сени	63
Поэзия	65
Вира-майна	67
Окно	68
Вдаль	69
Радуга	70
Свет и тень	72
Ergo	73
Бессмертник	74
Насечки	75
Осенний лес	76
Вотум	77
Муза	78
Отверстие	80
Поэт	81
Суржик	82
ЖЕЗЛ	
Обратно	83
Тыл	85
Кур	87
Возрожденье	89
Ай, люли	90
Вариации	94
Post scriptum	99
Осень	102
Жезл	106
Эклога	107
Женщина	109
Очи	111
Всё к лучшему	112
Медальон	113
Кукареку	114
Сонет	115

Палец	116
Нелюдимо	117
Псалом	118
Не зря	119

СВИДЕТЕЛЬ

Письмо	120
Фотография	122
Поэту	123
Вновь	124
Мы победили	125
Рауса	129
Memento mori	131
Тальянка	133
Девочкам, играющим на фортепьяно	135
Похоронка	136
Язык	138
Лихо	139
Вандыш	142
Скафандр	144
Свидетелю	145
Филин	146
Русская песня	148
Проходимцам	151
Сюркуп	153
Стигматы	154

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ

Живописное обозрение	156
Устойчивое неравновесье	163

POST SCRIPTUM

Соловей	187
Нам бы	188
Отставший	190
Птенчик	192

СТИХОТВОРЕНИЯ И ЦИКЛЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Людское обозренье	195
Уравнение с двумя известными	215
Внутренности I	217
Обычное право	218
Внутренности II	219
Кантата	220
Романс	223
Несколько глотков	224
Впроголодь	226
Поэтическое обозренье	228
Мысли до ветру	240
Четыре танца	265
«Вот так октябрюта...»	269
«Проживал в Москве...»	270
Кантата (Летняя)	271

Я ВИДЕЛ. Поэма

Песнь первая	275
Песнь вторая	301
Песнь третья	328
Песнь четвертая	362
Песнь пятая	396
Песнь шестая	422
Песнь седьмая	451
Песнь восьмая	480
Песнь девятая	521
Песнь десятая	562
<i>Примечания</i>	587

На переплете:

Г. Оболдуев. Фрагмент фотографии 1935 года.

Из архива А.Д.Благилина

Г. Оболдуев. Рисунок Алексея Н. Морозова-Ласса. 1932 год. *Из архива А.Д.Благилина (авторство рисунка сообщил А.Е.Парнис)*

О 21 Оболдуев Георгий

Стихотворения. Поэма / Сост. А.Д.Благилина. Подгот. текста И.А.Ахметьева. Вступ. ст. В.Глоцера; — М.: Виртуальная галерея, 2005. (рус.) — 608 с.: ил.

В основу книги легли авторские рукописные сборники, которые Георгий Оболдуев составлял на протяжении всей жизни, а также машинописные тексты, подготовленные к публикации самим поэтом.

В первом разделе воспроизводится сборник с авторским названием «Устойчивое неравновесье / Внутри, вокруг и около», в который вошли стихотворения и циклы 1927–1950 годов.

В разделе «Стихотворения и циклы разных лет» опубликованы произведения 1920 – 1930-х годов.

Некоторые стихотворения и полный текст поэмы «Я видел» публикуются впервые.

Георгий Оболдуев
Стихотворения. Поэма

Редактор

Т.Ю. Николаевская

Художественный редактор

В.Е. Николаевский

Корректор

Т.И. Миронова

Компьютерная верстка

А.М. Дмитриев, А.Ю. Ярышева, М.Н. Ярышев

Сканирование и обработка иллюстраций

М.Н. Ярышев

Подписано в печать 18.10.2005 года.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ 2895.

Издательство «Виртуальная галерея»,
info@rcart.net; www.rcart.net; www.makc.net

ОАО «Типография «Новости».
105005 Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Стих Оболдуева замешен на самых лучших традициях русской поэзии. Фактура стиха мускулиста, лексика точна и богата... Поэт разрабатывает свою собственную образную систему («Живописное обозрение»), свою собственную, ни на чью-либо другую не похожую, строфику («Я видел»).

Валентин ПОРТУГАЛОВ

Что-то искрометное, пуншеровое, лукавое, заводное, вспальчивое, изыскующее жито в этом человеке. В беседе он был легок и неотразим ... Глагол времен! Оглушительно-четки его удары. Георгий Николаевич Оболдуев слышал их на протяжении пятидесяти шести лет своей жизни. Он передал их в своей поэзии.

Лев ОЗЕРОВ

Георгий Оболдуев ... Наиболее интересны и художественно разнообразны вещи 30-х. Встречаются вполне прозаические отрывки, с удивительным мастерством повернутые в стиховую ритмику. Некоторые приемы даже загадочны для того времени и как будто предвосхищают позднейшие открытия «московского концептуализма»...

Михаил АЙЗЕНБЕРГ

Очень бы хотелось «резинмировать» одного поэта исключительной силы, мрачности и оригинальности: это Георгий Оболдуев...

Михаил ГАСПАРОВ

ISBN 5-98181-022-X

9 785981 810220